

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ХРЕСТОМАТИЯ

В трех частях

Часть 3

СИНТАКСИС

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
высших учебных заведений Республики Беларусь
по гуманитарному образованию
в качестве учебно-методического пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся по специальности
1-21 05 02 «Русская филология»*

**МИНСК
БГУ
2010**

УДК 811.161.1'367(076.68)
ББК 81.2Рус-93
С56

Составители:
Е. Е. Долбик, В. Л. Леонович,
Л. Р. Супрун-Белевич

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *А. В. Никитевич*;
кандидат педагогических наук, доцент *Т. В. Игнатович*

Современный русский язык : хрестоматия. В 3 ч. Ч. 3.
С56 Синтаксис / сост. : Е. Е. Долбик, В. Л. Леонович, Л. Р. Супрун-
Белевич. — Минск : БГУ, 2010. — 295 с.
ISBN 978-985-518-310-6.

Хрестоматия содержит статьи и извлечения из работ известных рус-
систов по всем разделам вузовского курса современного русского языка.
Третья часть предназначена студентам филологических факультетов
третьего и четвертого года обучения.

УДК 811.161.1'367(076.68)
ББК 81.2Рус-93

ISBN 978-985-518-310-6 (ч. 3)
ISBN 985-445-297-2

© БГУ, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматия по синтаксису является составной частью учебно-методического комплекса по современному русскому языку и продолжает серию хрестоматий, подготовленных кафедрой русского языка БГУ (ранее изданы хрестоматии по фонетике и лексикологии, словообразованию и морфологии).

Содержание хрестоматии полностью соответствует типовой программе по современному русскому языку для филологических специальностей и включает такие разделы, как история изучения русского синтаксиса, синтаксис словосочетания, главные члены предложения, второстепенные члены предложения, односоставные предложения, осложненное простое предложение, сложное предложение, способы передачи чужой речи, коммуникативный и семантический аспекты изучения синтаксиса, активные тенденции в развитии синтаксиса.

Материалы, представленные в хрестоматии, предназначены как для аудиторной, так и внеаудиторной (самостоятельной) работы студентов.

Составители выражают признательность уважаемым рецензентам заведующему кафедрой русского языка Гродненского государственного университета доктору филологических наук профессору А. В. Никитевичу и доценту кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Белорусского государственного университета кандидату педагогических наук Т. В. Игнатович за ценные замечания, которые способствовали совершенствованию рукописи.

ИЗ ИСТОРИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

В. В. Виноградов

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА РУССКОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ М. В. ЛОМОНОСОВА ПО ГРАММАТИКЕ И РИТОРИКЕ

<...> Признаки материалистического мировоззрения обнаруживаются и в ломоносовском истолковании «предложения» («речи», по терминологии Ломоносова): «Вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяния» (§ 81). Отсюда выводится наиболее распространенный в русском языке тип простого глагольного предложения: *Земля тучнеет*. Ломоносов подчеркивает, что при переходном глаголе прямой объект («прямое дополнение») также принадлежит к главным частям (членам) предложения; например: *Облака покрыли небо*.

Все остальные члены предложения служат для распространения состава предложения: «Вещей и деяний свойства и обстоятельства умножают наши понятия и названиями их речь распространяют». Например: *Облака, сгущенные влажностью, покрыли освещенное солнцем небо; Темнота облаков покрывает ясность неба; Облака покрывают небо на востоке; Земля тучнеет от росы*. «Сей порядок речений и их полнота хотя с чином природы сходятся, однако вольность человеческих мыслей превращает порядок оных и выключает из речи то, чему бы по натуре быть должно было. Поэтому возможны изменения в порядке слов, инверсии. Пример инверсионного словорасположения: *Тучнеет от росы земля*».

Настойчиво выдвигая мысль о соотнесенности речи с действительностью, или об отражении действительности в речи, Ломоносов рассматривает предложение как выражение суждения (или «рассуждения», по терминологии той эпохи): «Сложение знаменательных частей слова, или речений... производит речи, полный разум в себе составляющие чрез снесение разных понятий». Ломоносов, следовательно, к ранее отмеченным признакам предложения – законченности мысли и грамматически оформленной связи слов – присоединяет еще один, самый существенный: «снесение» (т. е. сопоставление, объединение) разных понятий в акте предикации.

Кроме простого «сочинения речений», т. е. простого предложения, Ломоносов различает еще две синтаксические категории: «сочинение сложное», т. е. сложное предложение, и – в сфере стилистики – период.

«Сложное сочинение» – это «соединение нескольких речей, полный разум в себе содержащих». Образование сложного предложения, по Ломоносову, осуществляется с помощью относительных (или «возносительных») местоимений, деепричастных оборотов и союзов. «Отсюда рождаются разные периоды: одночленные, двучленные, тричленные, четырёхчленные». <...>

«Сочинение частей слова» у Ломоносова сводится к правилам сочетания слов в предложении по принципу согласования и управления. Например: «Существительные сопряженные, к одной вещи надлежащие, падежом согласные, родом и числом различествовать могут: *Стихотворство моя утеха; Физика мои упражнения*». Сначала излагаются общие принципы сочетания слов, или образования словосочетаний как двусловных, так и многословных. Например: «Когда два имени существительные, к разным вещам принадлежащие, полагаются в слове без союза, одно должно быть в родительном падеже: *множество народа, туча стрел, столы церкви, сын отечества*. Когда же значит владение, существительное требует прилагательного: *дом отца моего, стихи древнего Гомера*, или другого существительного: *стихи Гомера-стихотворца*».

Ломоносов различает «сочинение имен», «сочинение глаголов», «сочинение вспомогательных частей слова» и «сочинение частей слова по разным обстоятельствам».

Ломоносов выделяет несколько типов именных словосочетаний, типичных для русского языка (например, словосочетания с именами числительными, словосочетания при сравнительной степени, именные словосочетания для обозначения превосходства – *Волга из рек российских превеликая, красноречивый Цицерон из всех ораторов* и т. п.). При описании словосочетания определяется его смысловое содержание, а также лексическое значение составных частей. Например: «Существительные, до похвалы или похуждения надлежащие, требуют родительного падежа: *человек превосходного остроумия, младенец слабого сложения*». Впрочем, тот же принцип взаимодействия лексических и грамматических значений был выдвинут еще Смотрицким.

Однако Ломоносов, устанавливая правила сочетания слов, приходит к выводу о наличии разных степеней грамматической обобщенности и абстрагированности форм словосочетания. В связи с этим в отдельных случаях он гораздо более выразительно подчеркивает тесную и глубокую зависимость синтаксических связей от лексических значений сочетающихся слов. «Прилагательных имен падежи, с коими они сочиняются, – пишет он, – общим правилам не подвержены ради разных их знаменова-

ний, что должно знать из употребления. Непостоянства сего примеры: *силен словом, рукою; силен в слове, в споре; счастлив братом; счастлив в игре; на бою и проч.»*

Среди разных типов глагольных словосочетаний Ломоносовым описаны действительные и страдательные обороты, наиболее употребительные формы предложно-глагольных конструкций, сочетания безличных глаголов с инфинитивом (*случается найти перуху жемчужину*), другие виды конструкций с инфинитивом или инфинитивных конструкций, деепричастные обороты и др.

<...> Необходимо отметить, что к учению о «сочинении глаголов» Ломоносов относит также некоторые типы одночленных предложений – безличных и инфинитивных, так как в них нет высказывания о бытии или деянии вещи, т. е. нет существенных признаков «речи», или предложения в понимании Ломоносова. Так, говоря об инфинитиве, или о «наклонении неокончательном», Ломоносов считает необходимым здесь же упомянуть об инфинитивных конструкциях. Таким образом, Ломоносов в главе о «сочинении глаголов» дает тонкую характеристику основных модальных типов инфинитивных предложений.

В следующей (четвертой) главе Ломоносов, еще не выделяя из круга словосочетаний вопроса о значениях предлогов и о функциях союзов, рассматривает «сочинение вспомогательных частей слова». Здесь речь идет о роли местоимений, наречий, междометий, предлогов и союзов в образовании словосочетаний и об употреблении их в составе словосочетаний. Так, по словам Ломоносова, «умолчание» местоимений личных перед спрягаемыми формами глагола «к украшению и к важности служит»: *вижу восходящую брани тучу*. Возможен синонимический параллелизм конструкций: *он мне отец и мой отец, тебе брат и твой брат* и т. п. «Для вящего напряжения слова прилагается к ним (к личным местоимениям) местоимение *сам*: *сам я слышал, сам ты мне сказывал, сам себя знаешь*». <...>

В Риторике Ломоносов излагает развернутую теорию предложения. «Предложением» здесь называется то, что в «Российской грамматике» именуется «речью». Теория предложения в Риторике тесно связывается с логической теорией суждения (или, по терминологии того времени, «рассуждения»). «Сложенные идеи, – пишет Ломоносов, – состоят из двух или многих простых идей, между собою сопряженных и совершенный разум составляющих. А ежели сложенная идея состоит из многих простых, тогда нередко сопрягаются иные из них союзами и предлогами, наприклад: *Богатство и честь суть побуждения к трудам*. Таким образом, сложенные идеи по-логически называются рассуждениями, а когда

словесно или письменно сообщаются, тогда их предложениями называют». В предложениях выделяются две основные части: подлежащие и сказуемые. Предложения разделяются на утвердительные и отрицательные, которые, в свою очередь, бывают общие и особенные. Подлежащее и сказуемое могут выражаться отдельными словами, но могут состоять и из группы слов. «Простые идеи, к терминам темы приисканные, должно сопрягать одну с другою, как подлежащее и сказуемое, и так составлять предложения утвердительные или отрицательные, общие или особенные». Вот примеры предложений, распадающихся на составы – подлежащего и сказуемого: *Всяк ободренный надеждою / день и ночь неусыпно трудится; Весенние ясные дни / отзывают неусыпного.* <...>

Вникая в суть ломоносовского учения о сочинении частей слова (т. е. частей речи), об образовании предложений и периодов, можно наметить те проблемы синтаксиса, которые были поставлены гениальным ученым-энциклопедистом перед русским языковедением и решение которых завещано им своим ближайшим ученикам и последователям в области русской грамматики:

1. Необходимо было точнее определить границы и объем синтаксиса. Решение этого вопроса в значительной степени зависело от понимания взаимоотношений и взаимодействий грамматики и риторики. Учение о предложении и периоде, составляя основу риторики, тем самым оказывалось за пределами грамматического исследования. Оно лишь краем задевало грамматику. Так, в Грамматике Ломоносова сообщались лишь самые общие сведения о предложении как выражении логического суждения и об его основных частях (подлежащем и сказуемом). Изложение основ теории суждения и детальный анализ предложения и типов периодов составляли предмет Риторике. В силу этого грамматическое учение о «сочинении слов» отрывалось от теории предложения.

2. Отрыв учения о «сочинении частей речи» (или «частей слова») от теории предложения, естественно, должен был сопровождаться полным разрывом между понятиями «частей речи» и «частей, или членов, предложения». Правда, в филологических трудах самого Ломоносова этого разрыва в полной мере не наблюдалось. Учение о «сопряжении идей» в предложении, о распространении «тем» или простого предложения разными «терминами», т. е. словами, выражающими свойства и обстоятельства, было тесно связано у Ломоносова с теорией частей речи (или «частей слова»). Однако эта связь выступала больше при изложении риторического учения о предложении и периоде, чем в области самой грамматики. В грамматике изложение способов «сочинения», или сочетания, разных частей речи в значительной своей части свободно и спо-

койно обходилось без всяких ссылок на предложение и его члены (подлежащее и сказуемое). Ведь в учении о «сочинении» слов рассматривались не функции и значения словосочетаний в разных видах предложений, а лишь синтаксические свойства самих частей, или элементов, речи (включая сюда предлоги, союзы и междометия).

3. Изложение способов «сочинения» слов опиралось на теорию частей речи. В связи с этим оно состояло, главным образом, в описании синтаксического употребления и синтаксических связей разных классов слов – как знаменательных (прежде всего имен существительных и глаголов, а затем имен прилагательных, числительных, местоимений и отчасти наречий), так и служебных (предлогов, союзов). Понятно, что эти синтаксические связи разных частей речи рассматривались лишь в исключительных случаях на фоне речевого целого или в структуре предложения. Понятно также, что анализ видов и форм этих связей в системе разных частей речи не был объединен общей задачей и общим понятием, например понятием словосочетания. Это было своеобразное описание конкретных способов сочетаемости слов в русском языке, способов синтаксического распространения разных частей речи. Однако это описание обычно не приводило к пониманию тех грамматических единств, которые возникали в результате этих сочетаний.

Таким образом, само учение о «сочинении» частей речи, лежавшее в основе русского синтаксиса до 20–30-х годов XIX в., нуждалось в преобразовании. Такое преобразование могло состоять или в сближении учения о частях речи с учением о предложении и его членах, или же в создании теории словосочетаний как своеобразных синтаксических единств.

4. Ломоносовым была выдвинута вполне правильная и глубокая мысль о разных степенях зависимости синтаксических связей слов от группировки слов по семантическим разрядам или группам. Однако сам Ломоносов собрал слишком мало материала для того, чтобы сгруппировать слова в пределах разных частей речи по общим семантическим разрядам и положить эту группировку в основу анализа синтаксических связей.

5. Ломоносовское учение о предложении и его главных членах – подлежащем и сказуемом – не исчерпывало вопросов, относящихся к строю предложения, к различиям типов предложений, к составу предложений и к приемам выражения синтаксических отношений между словами внутри предложения.

Эти вопросы, выдвинутые Ломоносовым, в последующей традиции не всегда решались и разрабатывались в том направлении, которое было

указано Ломоносовым. Русская синтаксическая наука в ее идеалистических ответвлениях не пошла по ломоносовскому пути. <...>

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА Ф. И. БУСЛАЕВА

Синтаксическая система Буслаева надолго определила основные приемы школьного построения и изучения синтаксиса русского языка. Не могла она не повлиять и на методы научного исследования русских синтаксических явлений.

Буслаев, следуя романтико-философским представлениям об истории человеческого языка, различал в отношении языка к мышлению два периода развития языка: 1) древнейший и 2) позднейший. Буслаев утверждал, что «вообще древнейший период – самый интересный в истории языка и самый полезный как в научном, так и в практическом отношении». «В древнейшем периоде, – по словам Буслаева, – выражение мысли наиболее подчиняется живости впечатления и свойствам разговорной речи, мысль находится в теснейшей связи с этимологической формой, и потому синтаксическое употребление слов основывается на этимологической форме»¹, т. е. на непосредственном конкретно-образном осмыслении всех значимых элементов слова.

В новейшем периоде язык сочетает слова независимо от этимологической формы, на основании только общего смысла, какой дается речением», более сложным синтаксическим единицам. Утраченные и утрачиваемые этимологические формы восполняются формами синтаксическими. «...В истории языков первоначальное господство этимологии уступает место последующему за ним господству синтаксиса, и притом синтаксиса в его позднейшем виде, когда он основывается уже не на первоначальной этимологической форме, а на отвлеченном понятии, ею выражаемом»². Вместо поэтической фантазии в языке берет верх формальная логика, или логика здравого смысла. «Подчиняясь общим законам логики, язык в позднейшем периоде своего развития стремится подвести под общие правила разнообразное употребление слов старинной и народной речи» в развитом литературном языке. Господство в речи общих законов логики, по мнению Буслаева, гармонирует с ростом интернациональных форм в области синтаксических оборотов. «Подчиняясь общим законам логики, наша современная книжная речь могла усвоить себе многие синтаксические обороты новейших языков тем удобнее, что в синтаксисе этих языков господствует отвлеченный смысл логических законов над

¹ Буслаев, Ф. И. Мысли об истории русского языка. И. Срезневского / Ф. И. Буслаев. Спб., 1850. С. 45.

² Там же. С. 42.

этимологической формой и над первоначальным наглядным представлением, ею выраженным».

Буслаев возражает против прямолинейного заключения о том, что синтаксические категории являются непосредственным отражением категорий логических. Дело сложнее. Ведь «современный язык, представляя смесь грамматических форм древних с новыми, основывает синтаксическое сочетание слов иногда на этимологической форме и первоначальном воззрении, лежащем в ее основе, иногда же на отвлеченном понятии, которое впоследствии было придано слову». Поэтому-то между языком и мышлением наблюдается не только параллелизм, взаимодействие, но и противоречия. «Такое противоречие в отношениях языка к мышлению, – говорит Буслаев, – объясняется существом самого языка. Язык образовался в эпоху незапамятную, в ближайшей связи с раскрытием умственной деятельности целого народа, но независимо от личного мышления одного или нескольких людей».

Кроме логики, в языке, по словам Буслаева, действует творческая фантазия: «Пользуясь законами творческой фантазии, язык неодушевленным предметам дает жизнь и отвлеченные понятия представляет в форме наглядных представлений. Многие явления в языке объясняются только этими законами фантазии».

Таким образом, по представлению Буслаева, у языка, как своеобразной системы выражения мысли с помощью членораздельных звуков, есть свои законы, независимые от законов логики или требующие уступок с их стороны. «...Сверх законов мысли, определяемых в логике, подчиняется он еще законам самого выражения, т. е. законам сочетания членораздельных звуков». Об отражении действительности в языке Буслаев и не упоминает. «Следуя своим собственным законам при выражении мысли, язык иногда становится в видимое противоречие с законами логики». По Буслаеву, задача синтаксического изучения языка состоит в том, чтобы раскрыть в языке, в его грамматике, в формах сочетаний слов отражение общих законов логики, с одной стороны, а с другой – внутреннее своеобразие способов выражения, присущих самому языку и нередко развивающихся в противоречии с законами логики – «внутренние законы языка», как выразился Буслаев. В этом случае Буслаев противопоставляет язык мышлению, обособляет язык от мышления. Так, «в грамматическом отношении безличное предложение не должно быть отличаемо от личного, потому что так называемый глагол безличный имеет грамматическое подлежащее либо в своем личном окончании; например: *(ему) не сидится*; либо в неопределенном местоимении. В русском языке, по Буслаеву, типичное грамматическое подлежащее в безличном гла-

гольном предложении – это окончания глагола *-т, -ло* (*рассветает, рассветало*). Но «в логическом отношении» можно назвать в безличном предложении подлежащим дательный падеж, означающий отношение к лицу; например: мне хочется. Следовательно, по Буслаеву, грамматические, обусловленные внутренним строем данного языка, и логические, общечеловеческие, так сказать, основы и элементы речи могут находиться в разнообразных, иногда противоречивых отношениях. Синтаксический анализ, прежде всего, как думает Буслаев, освещающий общелогические основы речи, должен затем этот фон и этот каркас логико-грамматических явлений восполнять и корректировать изображением конкретных чисто языковых своеобразий и процессов. В самом же языке наблюдается сложное переплетение явлений разных эпох. Логическое «единообразие и отвлеченность, возникшие в языке позднейшем и преимущественно в книжном, постоянно встречаются в нашей речи с формами древнейшими, живыми и разнообразными, доселе господствующими в устах народа».

Основным синтетическим актом логических операций является суждение. «Суждение, выраженное словами, есть предложение. Вся сила суждения, – продолжает Буслаев, – содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего (безличные предложения) Но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего». Итак, из двух главных членов предложения – подлежащего и сказуемого – основной – сказуемое. «Собственная и первоначальная этимологическая форма сказуемого есть глагол».

В соответствии с данной традицией Буслаев совершенно отрицает именной тип предложений, т. е. тип предложений безглагольных. Термин «связка» кажется ему излишним. Глагол существительный быть означает лицо, время и наклонение. Он глагол полновесный, и «нет причины давать ему иное название, кроме сказуемого». «Самым сказуемым обозначается уже связь его с подлежащим». Поэтому нет оснований сверх подлежащего и сказуемого допускать еще связку. Сказуемое бывает простое и составное, т. е. состоящее из глагола в соединении с именем или с другою частью речи, означающею признак подлежащего. В составном сказуемом самая сила сказуемого состоит в глаголе. «...В грамматическом отношении глагол существительный есть основная часть составного сказуемого; в логическом же означение признака берет перевес над глаголом быть, который потому иногда и опускается». Итак, нет

«никакой связи» и не существует никакого противопоставления глагольного типа предложений именному.

По словам Буслаева, «учение о синтаксическом употреблении глагола будет вместе с тем и синтаксисом сказуемого». Понятно, что в эти искусственные тиски нелегко вставить все многообразие современных типов предложений (*Жизнь – это борьба; Мертвая тишина; На улице – ни шороха, ни звука* и т. п.). Но тут на помощь Буслаеву приходит учение об опущении разных частей предложения. Могут опускаться, согласно этому учению, даже основные элементы предложения, например, существительное в подлежащем «либо глагол (в сказуемом) преимущественно тогда, когда при них бывают такие определяющие их слова, при которых становится лишним подлежащее или сказуемое». Опускается глагол существительный при именах и наречиях, опускается глагол при неопределенном наклонении для означения повеления или необходимости; например: *стоять смирно...* при прошедшем причастии *пошел* для означения повеления и т. п.

С этой точки зрения истолковывается и разница в сказуемом употреблении кратких и полных прилагательных. Краткие формы имени прилагательного в силу своего органического единения с существительным глаголом получают «смысл глагола». Но «если вместо краткого употреблено в сказуемом прилагательное полное, то оно имеет смысл определительного, при котором опущено существительное; например: *эти дома новые* вместо *эти дома суть дома новые*». Это все перепевы старых синтаксических мотивов. «Отдельные слова тогда только могут составить предложение, когда будут сложены одно с другим: 1) по способу согласования или 2) по способу управления слов». Буслаев далее отмечает и третий тип сочетания слов в речи, наблюдаемый в употреблении наречий. Ведь наречия «не состоят в видимой синтаксической связи с теми словами, к которым присовокупляются». Этот тип словосочетания характерен для обстоятельственных слов – наречий, деепричастий; соединяясь с прочими словами только по смыслу, они «не согласуются с ними и не зависят от них». По синтаксическому употреблению второстепенные члены предложения «суть не что иное, как слова, присоединяемые к главным членам предложения посредством согласования или управления» или внешне независимого присоединения.

Но это синтаксическое различие между второстепенными членами предложения не совпадает с различием по их значению. С этой точки зрения круг определительных и обстоятельственных слов расширяется за счет дополнительных. Определительные слова, означая признаки и сочетаясь с определяемыми по вопросам: *какой? чей? который? сколько?*,

присоединяются к другим словам посредством не только согласования, но и управления (например: *восход солнца* вместо *солнечный восход*, *человек пожилых лет* вместо *пожилой человек*). Слова обстоятельственные, употребляющиеся в предложении для означения обстоятельства места, времени, образа действия или качества, меры и счета, причины, то выражаются наречиями, то косвенными «дополнениями», т. е. «сочиняются посредством управления с теми, к которым присоединяются». К обстоятельным же словам Буслаев относит «неопределенное наклонение, употребляемое в нашем языке в смысле церковнославянского достигательного»; например: *иду учиться*, *намерен работать* и пр. «Второстепенные члены предложения, в свою очередь, могут иметь при себе свои собственные слова определительные, дополнительные и обстоятельственные». <...>

Речь может состоять или из предложений отдельных, или соединенных одно с другим. Так возникает проблема сложного предложения, представляющего собой совокупность двух или нескольких предложений. Соединение предложений происходит по способу подчинения, когда одно (подчиненное) предложение «составляет часть другого» (главного), или по способу сочинения, когда соединенные предложения не входят одно в другое в виде отдельной части и остаются самостоятельным. «Предложение, составляющее часть другого предложения, именуется придаточным, а то, в которое придаточное входит как часть, именуется главным». Основной признак придаточного предложения – эквивалентность его с каким-нибудь членом главного предложения, кроме сказуемого, функциональное соответствие его подлежащему, дополнению, определению, обстоятельству. <...>

Предложения, как главные, так и придаточные, подвержены разнообразным изменениям. Из них особенно существенны, кроме опущения членов предложения, два: 1) сокращение целого предложения в отдельный член и 2) слияние двух или нескольких предложений в одно. Дело в том, что структура сложного предложения, особенно такого, которое образовано по способу подчинения одной части другой, соотносительная со строем простого предложения. Поэтому придаточные предложения, по своим функциям однородные с членами простого предложения, легко сокращаются в них, т. е. в отдельные члены предложения, при посредстве произведенных от той же основы, что сказуемое сокращаемого предложения. <...>

«Синтаксис» Буслаева менее историчен, чем его «этимология», или морфология. Само собой разумеется, что и в области синтаксиса Буслаев, располагавший значительным количеством наблюдений над языком па-

мятников, не мог не перейти к отдельным интересным и ценным обобщениям и утверждениям. Так, очень интересны указания Буслаева на ряд конструкций с союзом *чтобы* в русском литературном языке XVIII–XIX вв., на скрещение причастных оборотов с относительными конструкциями в русском литературном языке XVIII и первой четверти XIX в. и многие другие. Значение этих наблюдений очень велико. Они составляют ценнейший синтаксический материал. <...>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ОБОБЩЕНИЯ А. Х. ВОСТОКОВА, ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В 20–30-е годы XIX в. изучение русского синтаксиса развивалось не только при помощи пересадки на русскую почву укоренившихся на Западе грамматических теорий, но и посредством самостоятельной разработки и систематизации специфических национальных свойств и качеств русского грамматического строя. Процесс закрепления норм национального русского литературного языка сопровождался усиленной научно-общественной работой над созданием и осознанием его живой грамматической системы. <...>

«Русская грамматика» (1831) Востокова¹ была, несомненно, продолжением и развитием той национальной русской грамматической науки, основы которой были заложены великим Ломоносовым. Влияние «Российской грамматики» М. В. Ломоносова ярко сказывалось и в принципах построения востоковской грамматики, и в ее стремлении шире охватить явления живой народно-разговорной речи, и в ее стилистической направленности, и в элементах материализма, заметно проступающих через толщу укоренившейся тогда формально-логической схемы. Общеизвестно, какое громадное значение имела «Русская грамматика» Востокова для последующей разработки морфологии русского литературного языка. Между тем синтаксическая концепция Востокова как бы оставалась в стороне от главных линий развития русской синтаксической науки.

Задача синтаксиса – устанавливать «правила, по коим совокуплять должно слова в речи». Учение о способах и средствах сочинения слов обязано считаться с различием стилей литературного языка. Как и Ломоносов, Востоков стоит за стилистическое разграничение синтаксических явлений. «Соединение слов, служащее к выражению мыслей, называется речью. Речь бывает по выбору слов, в нее входящих: I. Важная, или благородная, называемая также книжным языком. II. Простонародная, иначе называемая просторечием. III. Между сими двумя средину занимает

¹ Здесь и далее *Востоков, А. Х. Русская грамматика / А. Х. Востоков. М., 1874.*

обыкновенная речь, или язык разговорный». Таким образом, Востоков – применительно к русскому литературному языку своей эпохи – различает три основные разновидности, состав которых резко отличается от ломоносовской системы трех стилей. Востоков и стремится установить различия в синтаксическом строе словосочетаний между этими тремя типами речи. Правда, этот принцип у Востокова находит мало приложения в области учения о предложении. «Речь есть соединение слов, выражающее мысли вообще... Но когда речь ограничивается выражением одной мысли, тогда она называется предложением». В соответствии с господствующими в ту эпоху взглядами на строй русского предложения Востоков считает наличие глагола непременным признаком предложения. Следовательно, все предложения русского языка, по Востокову, – глагольные. Там, где нет налицо глагола, должно всегда подразумевать вспомогательный глагол. Например: *Надобно (есть) работать*. Личное глагольное предложение двучленно: оно «состоит из двух частей, называемых подлежащим и сказуемым». Безличное глагольное предложение одночленно. В нем есть только сказуемое (*Рассветает; Пора вставать*).

Анализируя строй простого предложения, Востоков обратил особенное внимание на синтаксические различия между простым и составным сказуемым и подчеркнул их важность для русского языка. Тем самым он выдвинул вопрос о формах выражения составного сказуемого, доказал его глубокое значение для изучения синтаксического строя русского языка. <...>

В синтаксисе Востокова особенно тщательно разработан вопрос о предложном и беспредложном употреблении падежей существительных и местоимений при именах, глаголах и других словах. Востоков выделяет и цельные синтаксические комплексы в функции управляемого члена; например, родительный обозначения: *человек пожилых лет, среднего роста; дитя семи месяцев* и т. д.

Востоков учитывает взаимодействие лексических значений и синтаксических связей слов, или, вернее, роль вещественных значений слов в структуре семантически обусловленных, лексически ограниченных типов словосочетаний. Он характеризует целые семантические категории, связанные с теми или иными формами управления, и дает подробные перечни близких по значению глаголов и имен, которые дополняются именами существительными в том или ином косвенном падеже.

В лаконических, но точных и полных обобщениях Востокова приняты во внимание и общие свойства тех или иных синтаксических категорий и конструкций, и внутренние связи слов, разных разрядов и групп, создающие единство и общность их синтаксических качеств и возмож-

ностей, и специфические свойства отдельных стабилизовавшихся синтаксических оборотов, и закономерные способы взаимодействия форм синтаксической сочетаемости слов с их принадлежностью к тем или иным семантическим системам слов, и аналогические соотношения и взаимосвязи смежных систем слов. <...>

Несомненна общая материалистическая направленность синтаксического метода Востокова. Например, говоря о предлогах, управляющих падежами, и различая в них значение собственное – пространственное, показывающее «разные стороны предмета, и положения, в каких предмет находится относительно к другому предмету» и значения переносные (время, количество, меру или величину, цель, причину и другие отвлеченные понятия), Востоков исходит из обобщения отношений реальной действительности и изучает способы их отражений в языке.

При всей устарелости терминологии для нас представляет большую методологическую ценность подход Востокова к проблемам синтаксиса предложных словосочетаний. Востоков тщательно исследует грамматические, смысловые связи, взаимодействия и соотношения между функциями разных предлогов, а также между разными предложными конструкциями. <...>

Востоков придает большое значение наблюдениям над стилистическими сферами и границами употребления разных типов предложных словосочетаний. Например, рассматривая словосочетания с предлогом *о(об)*, он замечает: «В следующих выражениях, принадлежащих просторечию, *об* показывает смежность пребывания двух предметов: *жить об стену, обо двор; идти об руку с кем*».

Заслуживают внимания самые способы определения значений предлогов и предложных сочетаний в синтаксисе Востокова. При характеристике функций предложных словосочетаний Востоков определяет не только значения предлога, но и семантическую направленность управляющего слова, характер взаимодействия и взаимосвязи его значения со значением предлога. Востоков очень тонко дифференцирует разные типы синтаксических значений и функций предлогов. С одной стороны, функции предлогов как бы вытекают из их лексических значений, которые, в свою очередь, поддерживаются и обуславливаются связями этих предлогов с именами строго определенных семантических разрядов. Например, в сочетании с формой предложного падежа слов, обозначающих место, предлог *в* служит для определения места действия или нахождения какого-нибудь предмета – в зависимости от смыслового содержания предложения. В этом случае предложная конструкция *в городе, в селе, в густом лесу, в цветущей долине* и т. п. является как бы свободной. Она

может быть включена в предложение и относиться ко всему его составу, может примыкать к глаголу, к имени существительному и т.п. <...>

Бросается в глаза свежесть и богатство иллюстративного материала, его связь с живой литературно-языковой практикой первой половины XIX в.

Востокову принадлежит глубокое, вполне оригинальное и все еще не нашедшее полного отклика и развития в последующей русской синтаксической литературе разграничение свободных, самостоятельных значений предлогов и их вспомогательных, формальных функций, состоящих в том, что предлоги являются лишь грамматическим средством выражения управления.

Ф. Ф. Фортунатов

СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ИХ ЧАСТИ

Полные предложения

Словосочетанием я называю такое целое, которое образуется сочетанием в мышлении, а потому и в речи одного цельного полного слова с другим цельным полным словом как с частью в предложении. Подобное сочетание выражает в речи по отношению к говорящему лицу сочетание в его мышлении представления одного слова с представлением другого слов а, а для слушателя сочетание одного цельного полного слова с другим таким же словом в речи другого лица обозначает сочетание в мышлении говорящего представления одного слова с представлением другого слова, т. е. для слушателя самое сочетание слов в речи другого лица является знаком того сочетания, которое образуется в мышлении другого лица по отношению к представлениям слов. Всякое простое словосочетание состоит, следовательно, из двух частей, и в этих частях различаются по значению в словосочетании: часть несамостоятельная, являющаяся в сочетании с другою частью, и часть самостоятельная в данном словосочетании, т. е. та, с которою сочетается несамостоятельная часть этого словосочетания. Например, отдельные полные слова *Пушкин* и *поэт* могут являться в сочетании их в словосочетании *Пушкин – поэт* или *поэт Пушкин*, или, например, словосочетаниями являются: *хорошая погода*, *погода хороша*, *летит птица*, *большая птица*, *Москва – столица* и т. д. Словосочетания могут быть законченными и незаконченными. Незаконченным словосочетанием является такое словосочетание, самостоятельная часть которого образует собою также и часть другого словосочетания, т. е. незаконченное словосочетание входит в состав другого словосочетания, становящегося поэтому не простым, но сложным. Например, в словосочетании *летит большая птица* словосочетание *большая птица*

является незаконченным. В законченном словосочетании одно слово сочетается с другим, как одна часть суждения с другою частью суждения, т. е. законченное словосочетание представляет собою полное предложение, и части такого словосочетания образуют собою подлежащее и сказуемое предложения, а именно несамостоятельная по значению часть законченного словосочетания представляет собою сказуемое предложения, а самостоятельная по значению часть того же словосочетания является подлежащим предложения. Следовательно, законченное словосочетание и предложение полное – синонимы в языковедении. Например, словосочетания *хорошая погода* или *большая птица*, как скоро являются законченными, представляют собою полные предложения (хотя эти предложения не принадлежат к грамматическим предложениям, как мы увидим далее); в частях таких словосочетаний различаются поэтому по их значениям подлежащее и сказуемое предложения. В законченном словосочетании или в полном предложении обозначаются, следовательно, предметы мысли, обозначаемые данными словами, в том их сочетании, какое открывается в данном суждении говорящего. В словосочетании незаконченном слово, сочетающееся с другим словом как с частью в суждении, само не образует части данного суждения, но является частью части суждения, т. е. в незаконченном словосочетании обозначаются предметы мысли, обозначаемые данными словами, в данном для этого суждения сочетании их между собою (т. е. в таком сочетании, которое открыто уже прежде мыслью). Как скоро предложение представляет собою сложное словосочетание, т. е. как скоро в состав предложения входит и незаконченное словосочетание, такое предложение, кроме подлежащего и сказуемого, или так называемых главных частей предложения, включает в себе также и второстепенную часть или и второстепенные части предложения как словосочетания. Второстепенною частью в предложении является, следовательно, несамостоятельная часть незаконченного словосочетания, входящего в состав предложения. Во второстепенных частях предложения различаются по различиям в значении 1) дополнение, 2) определение и 3) обстоятельство. Дополнением называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает самостоятельный предмет мысли в данном его отношении к другому предмету мысли в части предложения; определением называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому самостоятельному предмету мысли в части предложения; обстоятельством называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому несамостоя-

тельному предмету мысли в части предложения, т. е. обстоятельство обозначает в данном предмете мысли признак признака. Предложения, а потому и словосочетания, кроме полных слов, являющихся частями предложения, могут заключать в себе также и слова частичные. О частичных словах, сочетающихся с полными словами в предложениях, я уже говорил прежде, когда рассматривал отдельные слова языка, и здесь я не буду рассматривать их вновь, по отношению их к предложению. Замечу только, что те частичные слова, которые обозначают нечто в значениях полных слов как частей предложений, образуют в соединении с этими полными словами составные части предложений; например, из сочетания полного слова, являющегося сказуемым предложения, со связкою в предложении образуется составное сказуемое предложения или, например, из сочетания полного слова, являющегося дополнением в предложении, с предлогом получается составное дополнение.

Грамматические словосочетания

Словосочетание является грамматическим в двух случаях: 1) тогда, когда части, составляющие его, являются сами по себе грамматическими, и 2) тогда, когда самое сочетание этих частей есть грамматическое.

Части словосочетания бывают сами по себе грамматическими тогда, когда они образуются в словосочетаниях при посредстве форм отдельных слов.

Сочетание частей словосочетания бывает грамматическим в том случае, если оно заключает в себе форму соединения слов в словосочетании. Всякое грамматическое словосочетание является, следовательно, словосочетанием с обозначенными частями его, причем эти части обозначаются или в них самих при посредстве форм отдельных слов, или в сочетании между собою при посредстве форм соединения слов в словосочетаниях. Грамматические словосочетания первого рода, т. е. такие, которые заключают в словах, входящих в состав их, грамматические части, существуют в языках, имеющих формы отдельных слов, а грамматические словосочетания второго рода, где самое сочетание частей является грамматическим, существуют в языках, не имеющих форм отдельных слов, но представляющих зато формы соединения слов в словосочетаниях. Мы остановимся теперь на словосочетаниях первого рода, существующих и в русском языке, и в других индоевропейских языках, да и вообще в большинстве известных нам языков.

Грамматические словосочетания с грамматическими частями их

Грамматически-самостоятельная часть словосочетания образуется соединением с данным словом другого слова, представляющего собою

грамматически-несамостоятельную часть словосочетания. Последняя образуется: 1) или при посредстве тех форм данных слов, которые по их значениям являются формами слов как частей в предложениях (см. выше о значении форм отдельных слов); или 2) при посредстве соединения полного слова с частичным словом, изменяющим первое в самостоятельную часть словосочетания, т. е. обозначающим в данном предмете мысли его отношение к другому предмету мысли в другой части словосочетания (например, во французском языке сочетание существительного слова с частичным словом *de*); или 3) при посредстве известного порядка, в котором соединяются существительное слово как самостоятельная и как несамостоятельная часть словосочетания с словом, являющимся по форме грамматически-несамостоятельную частью словосочетания (например, во французском языке различие в порядке, в каком соединяется с глаголом существительное слово как подлежащее в предложении и как дополнение). Существительные слова представляют собою известный грамматический класс полных слов, образуемый формами не самих этих слов, но других, сочетающихся с ними в словосочетаниях и имеющих такие формы словоизменения, которые по их значению предполагают существование в языке этих существительных слов как слов, обозначающих самостоятельные предметы мысли; так, например, в русском языке существительными словами как особым грамматическим классом полных слов являются те слова, которые предполагаются формами лица в глаголе и формами словоизменения в роде прилагательных имен и которые притом предполагаются этими формами как слова, обозначающие предметы мысли самостоятельные, т. е. обозначающие вместилища тех признаков, какие обозначаются глаголами и прилагательными именами. Словосочетание с грамматическими частями является грамматически законченным, т. е. представляет собою грамматическое предложение, как скоро грамматические части его различаются как грамматическое сказуемое и как грамматическое подлежащее; грамматическим сказуемым является та часть словосочетания, которая заключает в себе форму сказуемости, а грамматическое подлежащее есть та часть словосочетания, с которою сочетается грамматическое сказуемое. В индоевропейских языках грамматическое сказуемое может быть не только простым, но также и составным, а простое грамматическое сказуемое может, как мы видели прежде, заключать в себе не только простую, но и составную форму сказуемости, например *будет говорить*. Составное грамматическое сказуемое образуется в индоевропейских языках соединением с частью словосочетания такого частичного слова, которое само заключает в себе формы сказуемого, т. е. которое по отношению к этим формам само является

грамматическим сказуемым; такое слово называется грамматической связкой в предложении (например, русское *был* в словосочетании *Пушкин был поэт*).

Грамматическое словосочетание является грамматически-незаконченным, как скоро не включает в себе грамматических сказуемого и подлежащего, т. е. коль скоро грамматически-несамостоятельная часть его представляет собою или грамматическое дополнение, или грамматическое определение, или грамматическое обстоятельство. Например, *хорошая погода*.

Грамматические части словосочетания не должно смешивать с неграмматическими, или так называемыми психологическими, частями, т. е. с теми частями, которые определяют отношением этих частей по их неграмматическому значению, в процессе данной мысли; правда, первые могут совпадать со вторыми, но могут и не совпадать с ними. Точно так же грамматическое предложение не должно смешивать с предложением неграмматическим. Например, в грамматическом предложении (т. е. в законченном грамматическом словосочетании) всякая часть его может являться неграмматическим сказуемым или неграмматическим подлежащим (например, в грамматическом предложении *летит птица* неграмматическим подлежащим может быть и *летит*) или, например, грамматическое словосочетание, не представляющее собою грамматически законченного словосочетания, может быть вместе с тем неграмматически-законченным словосочетанием, т. е. может представлять предложение полное, хотя и неграмматическое, например русское *погода хорошая*.

В словосочетаниях с грамматическими частями порядок расположения этих частей может быть свободным и несвободным. Свободным он является тогда, когда может быть изменяем без изменения значения или без утраты значения данных слов как частей словосочетания, а несвободным бывает тогда, когда не может быть изменяем свободно без изменения или без утраты значения данных слов как частей словосочетания. Например, в русском языке в грамматическом предложении: *он читает книгу* – порядок расположения грамматических частей этого словосочетания является свободным, между тем как соответственное грамматическое предложение во французском и немецком языках представляет несвободный порядок расположения частей (здесь нельзя расположить эти части в таком порядке: *он книгу читает* или *книгу он читает*). В языках, имеющих свободный порядок расположения частей в грамматическом словосочетании, известный порядок является тем не менее обычным, нормальным.

Грамматические словосочетания с грамматическим сочетанием его частей

Такие словосочетания существуют, как я говорил, в языках, не имеющих форм отдельных слов. Сочетание частей словосочетания является грамматическим тогда, когда оно включает в себе форму соединения слов в словосочетаниях. В этой форме формальной принадлежностью является самый порядок расположения слов в словосочетании; например, в первом слове обозначается такую постановку слова несамостоятельная часть словосочетания, а во втором слове – самостоятельная часть словосочетания, или, наоборот, в первом слове обозначается самостоятельная часть словосочетания, во втором – несамостоятельная, или, наконец, может быть различие в этом отношении между местом несамостоятельной части в законченном и незаконченном словосочетаниях. Особенно развиты формы сочетания слов в словосочетаниях в китайском языке, где при посредстве их различаются главные и второстепенные части предложения, причем в самих значениях слов, соединяющихся в словосочетаниях, различаются известные классы значений.

Сочетание предложений

Предложения в мышлении, а потому и в речи могут вступать в различные отношения между собою, причем получается, следовательно, сочетание предложений. Отношение одного предложения к другому при сочетании предложений может быть или отношением придаточного предложения к другому как главному предложению, или отношением предложения непридаточного к другому непридаточному предложению. Придаточным предложением называется такое предложение, в котором обозначено то, что данное предложение образуется не само для себя, но для другого предложения, с которым оно сочетается; при этом придаточное предложение может быть по значению двоякого рода: или оно разъясняет собою то, что обозначается целым другим (главным предложением), и не образует поэтому части другого предложения, или же оно разъясняет собою то, что обозначается частью другого, главного, предложения, и в этом случае образует, следовательно, само часть другого, главного, предложения. Например, в русском языке предложение с союзом *если* принадлежит к придаточным предложениям первого рода, а предложение с союзом *что* или с относительным словом принадлежит к придаточным предложениям второго рода. Сочетание придаточного предложения с главным образует известное целое, называемое сложным предложением; следовательно, частями сложного предложения, как известного целого, являются такие предложения, в которых различаются

предложение придаточное и предложение главное. Отношение одного предложения к другому как придаточного к главному называется подчинением предложений, а такое отношение одного предложения к другому, при котором не обозначается подчинение одного предложения к другому, называется сочинением предложений. Сочинение предложений может оставаться вовсе не обозначенным особым словом или же обозначается при посредстве тех частичных слов, которые называются союзами (см. выше); таковы, например, в русском языке слова: *а, но, следовательно* и др.; подчинение предложений обозначается, между прочим, также при посредстве союзов, которые, в отличие от других союзов, могут быть называемы союзами придаточных предложений; таковы, например, в русском языке союзы: *если, потому что, что*. Но, кроме того, такое подчинение предложений, при котором придаточное предложение образует часть главного предложения, обозначается и при посредстве относительных местоименных слов (например, в русском языке *который, когда* с относительным значением), а относительным местоименным словом называется такое слово, которым данный предмет мысли обозначается как тождественный с предметом мысли в части другого предложения как главного. При сочетании одного предложения с другим как придаточного с главным может получаться также и предложение слитно-сложное; в слитно-сложном предложении придаточное предложение обозначается при посредстве такой его принадлежности (положительной или отрицательной), которая сама по себе не имеет этого значения и получает его лишь в существующем сочетании данного предложения с другим. Например, в русском языке сочетание предложений: *увиджу я его, я скажу ему* – образует слитно-сложное предложение, в котором придаточное предложение (с известным значением) обозначено в первом из двух этих предложений при посредстве известного порядка расположения главных частей грамматического предложения, хотя сам по себе (например, в отдельном предложении *увиджу я его*) этот порядок расположения частей предложения не имеет такого значения.

А. А. Шахматов

СИНТАКСИС РУССКОГО ЯЗЫКА

СИНТАКСИС, ЕГО ЗАДАЧИ И РАЗДЕЛЫ

§ 1. Синтаксисом называется та часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове, иначе – в совокупности внешних знаков, воспроизводимых органами речи и воспринимаемых слухом.

Все, что напряженными усилиями многих ученых выяснено по вопросу о происхождении языка, убеждает в том, что язык возник как средство общения людей между собою; это общение имело целью сообщение говорящим не названий отдельных представлений, а тех или иных сочетаний представлений, соответствующих душевным его переживаниям, обнаруживающих акты его мышления. Следовательно, словесный знак получили сначала не отдельные восприятия, ощущения, чувства, хотения, а также сочетания соответствующих им представлений, которые возникали в душе говорящего для обнаружения его воли, для утверждения или отрицания чего-либо; и лишь позже, путем расчленения этих словесных знаков простых или сложных сочетаний, получились слова, означающие отдельные представления. Словесное выражение сочетаний представлений мы называем речью; такие сочетания, как звенья непрерывной смены подобных сочетаний в душе говорящего, могут выступать и обнаруживаться как отдельно, так и в составе более или менее сложных сцеплений. Те части человеческой речи, которые соответствуют отдельному сочетанию представлений, называются в синтаксисе **предложениями**: отдельному предложению противопоставляется сочетание или **сцепление предложений**. Как указано, в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения).

Задачей синтаксиса является изучение как **предложения**, т. е. словесного выражения единицы мышления, так и выделившихся указанным путем словосочетаний и слов, насколько однако эти последние – в своей ли форме или в своем употреблении – не потеряли связи с предложением, сохранив значение **частей** или **членов предложения**. Вне области синтаксиса остаются таким образом только те элементы языка, которые потеряли свою неперемнную связь с предложением, которые, хотя и обнаруживаются в предложении, но могут быть отвлечены от него, не завися ни в своей форме, ни в своем значении от окружающих слов. Эти элементы рассматриваются частью в других частях грамматики (фонетике, морфологии, словообразовании), частью в тех отделах учения о языке, которые посвящены слову, отвлеченному от предложения (лексикология, семасиология).

§ I. Мое изложение располагается по следующим отделам: I. Учение о предложении. Виды предложений и Главные их члены. II. Учение о словосочетаниях и второстепенных членах предложения. III. Учение о

частях речи. IV. Учение о сочетании предложений. V. Учение об интонации предложений. VI. Порядок слов в предложении. VII. Значение предложений и перечень синтаксических категорий.

I. УЧЕНИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ

Вводная часть

§ 2. Предложение – это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления. Психологической основой нашего мышления является тот запас представлений, который дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологической же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем коммуникацией.

Определение сущности коммуникации извлекается из анализа данных, представляемых мышлением, или же путями, какими определяется, например, значение того или иного слова, следовательно, путем сопоставлений и отвлечений. Пути эти приводят к тому очевидному положению, что простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь. К коммуникациям относятся не только пропозиции или суждения, но и всякие иные сочетания представлений, умышленно, с той или иной целью приведенных нами в связь, например, сочетания, нашедшие себе выражения в словах, как *дома ли отец? уходите! выпить бы чего, посидел бы ты с нами!* Эти сочетания отличаются от суждения тем, что в них представления приведены в связь нарочитым актом не для утверждения чего-либо или отрицания, а в одном случае для вынуждения собеседника к тому, чтобы он высказал суждение, сочетав оба названных в вопросе представления, в другом случае для вынуждения или побуждения собеседника произвести то или иное действие (*уходите! посидел бы ты с нами!*), в третьем – для обнаружения желания говорящего (*выпить бы чего*).

§ 3. Обычным посредником между коммуникацией и предложением, в котором коммуникация находит себе выражение, является внутренняя речь, т. е. облеченная в слуховые, частью зрительные знаки мысль; во внутренней речи впервые конкретизируются те сложные, расплывчатые образы, которые сочетались в коммуникации; внутренняя речь главный материал свой заимствует из звуковых представлений о словах, опериру-

ет, следовательно, слуховыми знаками; но вызвавший ее психологический акт (коммуникация) может сообщить ей не только эти слуховые знаки, в той или иной степени воспроизводящие сочетавшиеся представления, но также и ряд других элементов, в виде представлений об отношениях и чувствах, вызываемых таким сочетанием; эти элементы стремятся прорваться наружу в внешнюю речь через посредство той же внутренней речи. Таким образом в самом мышлении (в внутренней речи) происходит разложение сочетавшихся образов, и только благодаря такому разложению их на соответствующие элементы приобретает определенность и возможность обнаружения сама коммуникация. Поэтому психологический акт коммуникации приходится признать результатом сложного процесса, состоящего в начале из движения воли, направленной к сообщению собеседнику сочетавшихся двух представлений, а затем в психическом анализе этих представлений; из сложных комплексов, возникающих в начале коммуникации, выделяются посредством ассоциации со знаками внутренней речи те или иные существеннейшие или важнейшие в данном случае для говорящего признаки; это дает возможность упростить зародившийся у говорящего психологический процесс и довести его до обнаружения в слове. Следовательно, начало коммуникация получает за пределами внутренней речи, но завершается она в процессе внутренней речи, откуда уже переходит во внешнюю речь. Отсюда видно, что ошибочно было бы отождествить внешнюю речь, в частности предложение, с коммуникацией: являясь посредницей между психикой говорящего и тем проявлением ее в слове, к которому он стремится, сама коммуникация отражает на себе, с одной стороны, глубочайшие недра человеческой психики, а с другой – те внешние средства, которыми она обнаруживается, т. е. звуковые представления о словах.

§ 4. Прежде чем перейти к доступному нам, в виду только что указанной природы коммуникации, ее анализу, разложению ее на составные части, члены, я должен сказать несколько слов об общем характере тех переживаний, которые являются содержанием человеческой психики. Все наши представления являются представлениями о признаках и отношениях; носителями, производителями признаков мы представляем себе субстанции (лица, предметы), причем одни из признаков (качества, свойства) оказываются неподвижными, пассивными, а другие (действия) подвижными, активными. Таким образом рядом с представлениями о предметах имеем представления об их качествах и состояниях, а также представления об отношениях. Каждая из указанных групп представлений образует определенные разновидности, о которых нам придется говорить неоднократно в дальнейшем изложении, в особенности о разно-

видностях в отношениях, изучение которых в их языковых обнаружениях составляет одну из задач синтаксиса. Здесь ограничиваюсь данными общими указаниями, но прибавлю, что к названным представлениям присоединяются еще представления и чувства и ощущения, которые, однако, конкретизируясь и определяясь в их отношениях к предметам, переходят в представления о признаках. Появление всех этих представлений относится к пассивному состоянию нашего сознания; активное его проявление обнаруживается, впрочем, в создании тех ассоциативных групп, определяемых природой отдельных представлений, которые ведут к распадению названных классов представлений на известные разновидности. Но определенная активность сознания сказывается в процессе зарождения, дальнейшего развития и обнаружения коммуникации. И эта активность выразилась в создании новых психологических категорий в отношении к самой природе коммуникации. Перехожу в связи с этим к вопросу о членах коммуникации, отметив теперь же, что эти члены явились в сознании как результат существования психического акта коммуникации.

§ 5. В каждом суждении должно быть то, о чем что-либо утверждается или отрицается, а также и то, что именно утверждается или отрицается. Первое называется в логике подлежащим суждения, а второе сказуемым суждения. Те же самые названия вслед за логикой усвоила для этих частей суждения и психология. Оставляя русские термины подлежащее и сказуемое для известных грамматических категорий (о которых ниже), мы для психологического суждения будем держаться латинских терминов субъект и предикат. Субъект и предикат имеются налицо не только в психологическом суждении, но и в других психологических коммуникациях: одно из обоих сочетавшихся представлений будет субъектом, а другое предикатом. Такое распространительное употребление терминов субъект и предикат требует иного определения обоих понятий сравнительно с тем, какое им дано для суждения; определяю психологический субъект как представление, господствующее над другим, сочетавшимся с ним представлением, которое определяется как психологический предикат: такое определение согласовано с данным выше определением коммуникации как сочетания двух представлений, приведенных движением воли в причинную или зависимую связь; следовательно, термин господствующее представление указывает на то, что второе представление стоит к нему в зависимой или причинной связи; дело идет о действительном господстве, обусловленном самою природой первого представления, и о действительной зависимости, обусловленной природой второго представления. Ниже укажу, что в ряде случаев имеет место

совпадение субъекта и предиката коммуникации (а в особенности того вида ее, который соответствует суждению) с подлежащим и сказуемым предложения; ввиду этого данное определение психологического субъекта и предиката может быть освещено некоторыми предложениями и отношением в них подлежащего к сказуемому: *собака убежала, книга исчезла, мы поедem, мальчик проснулся* и т. п. предложения представляют в соответствующем подлежащему психологическом субъекте представления, господствующие в отношении признаков, выраженных в соответствующем сказуемому психологическом предикате; действительно, эти активные по своей природе признаки являются производными в отношении к производящим их субстанциям; правда, книга исчезла не сама – ее спрятали, утаили или затеряли люди, но в данном суждении производителем признака выставлена она. То же скажем относительно предложений, как *мать больна, обед готов, ночь лунная*; соответствующие подлежащим субъекты являются носителями признаков, выраженных соответствующими сказуемыми предикатами, что ясно из того, что эти же субъекты можно мыслить в соединениях, как *больная мать, готовый обед, лунная ночь* и т. д. То же, наконец, ясно и в отношении предложений, как *Иванов офицер, он портной*; правда, *офицер, портной*, – такие же независимые сами по себе представления, как *Иванов* (мой знакомый, обозначенный мною выше словом *он*); но в данных суждениях мы представляем их себе не субстанциями, не носителями признаков, а совокупностью известных признаков.

Как указано, господствующее положение одного представления над другим вытекает из самой природы соответствующих представлений; отсюда ясно, что между теми группами представлений, о которых говорено было выше, должны существовать определенные отношения к возможности стать выразителями субъекта или предиката. Основную часть нашего мироздания (мира сущего) образуют представления об единичных предметах, которые в языке обозначаются конкретными именами существительными; эти предметы мыслятся всегда как носители качеств и как производящие из себя, благодаря движениям и изменениям, такие действия, которые находят себе выражение в прилагательных и глаголах. Отсюда следует, что при сочетании представления о предмете с представлением о признаке первое из них как господствующее в отношении признака по самой своей природе будет всегда субъектом, а второе предикатом. Выставляя такое утверждение, мы в полном праве сослаться на факты языка: название предмета (разумеется, данное в независимой форме, т. е. в именительном падеже) будет всегда грамматическим предложением в отношении к сочетавшемуся с ним глаголу или прилагательному; ни

при каких условиях невозможно нарушение такого положения; эта последовательность коренится, конечно, не в свойствах грамматических форм как таковых, а в свойстве тех представлений, которым они соответствуют и от которых никогда не оторвутся в силу самого грамматического их значения. Здесь особенно ярко сказывается тесная, внутренняя связь между языком и мышлением, между грамматическими и психологическими категориями. Мы постоянно встречаемся с несоответствием языковых форм предложения психологической коммуникации; но несоответствие нетождественно с противоречием; положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психологическая природа соответствующих грамматическим формам представлений. Таким образом, мы можем утверждать, что подобно тому, как в предложениях *птица летит* или *мать больна* подлежащим всегда при всяких условиях останется *птица* и *мать* (хотя бы на словах *летит* или *больна* лежало усиленное ударение, хотя бы такое усиленное ударение сопровождалось перестановкой: *летит птица, больна мать*), так же точно в соответствующем психологическом суждении объектом или господствующим представлением будет всегда представление о птице, о матери, а зависимым – представление о признаках *летит, больной*.

§ 6. Это обстоятельство мне приходится подчеркнуть в виду того, что существуют другие взгляды на природу психологического субъекта и предиката. Впервые фон-дер-Габеленц установил различие между логическими и грамматическими субъектами, с одной стороны, психологическими, с другой; оставив за логическим субъектом и предикатом приведенные выше определения (то, о чем что-либо утверждается или отрицается; то, что именно утверждается и отрицается), названный ученый определил психологический субъект как комплекс представлений, появляющийся в сознании говорящего или слушающего первым, а психологический предикат как содержание, примыкающее к этому первому представлению, или по иной формулировке того же ученого: психологический субъект – это то, о чем говорящий заставляет подумать слушающего, то, на что он хочет направить его внимание; психологический же предикат – это то именно, что слушающий должен мыслить по отношению к субъекту. Точка зрения фон-дер-Габеленца нашла себе сочувствие среди языковедов; в Германии укажем на Пауля, а у нас на Ф. Ф. Фортунатова. Определяя взаимные отношения психологического субъекта и предиката так же, как фон-дер-Габеленц, Пауль говорит, что среди прочих членов предложения наиболее резко выделяется психологический предикат как важнейший член, выявление которого является конечной целью предложения, почему на нем ложится сильнейшее ударение.

В предложении *Карл едет завтра в Берлин* предикатами могут стать слова *Карл, едет, завтра, в Берлин*, смотря по тому, на что именно обращает внимание говорящий в своем сообщении: так, например, если уже известно, что завтра кто-то едет в Берлин, и остается только сомнение относительно лица, которому предстоит поездка, грамматический субъект *Карл* станет психологическим предикатом (мы могли бы ведь выразиться и так: *тот, кто завтра едет в Берлин, – это Карл* или *это Карл едет завтра в Берлин*). Вундт и другие психологи не последовали за новой терминологией и новым определением членов психологического суждения: Вундт признал нецелесообразным перенесение в психологию логических терминов субъект и предикат (употребление которых в грамматике может быть так или иначе оправдано, хотя представляется необходимым различать грамматические субъект и предикат от логических субъекта и предиката), – и в особенности с таким несогласованным с логической терминологией значением; приведя предложение *сегодня день моего рождения*, Вундт говорит, что даже при сильнейшем ударении на сегодня такое сообщение не имеет целью вызвать в слушающем мысль о сегодняшнем дне; в основании, в центре сообщения, как в логическом, так и в психологическом смысле может быть только представление о дне рождения; ввиду этого и в согласии с другими терминами, принятыми в психологии, Вундт предложил назвать представление, соответствующее тому слову, на котором сосредоточено особое внимание, «господствующим представлением» (*die dominierende Vorstellung*). Не признавая, конечно, вопроса терминологического особенно существенным в развернувшемся между некоторыми лингвистами и психологами споре, ибо это в конце концов вопрос условного соглашения, я думаю, что главное внимание в споре должно быть обращено на то, следует ли вообще говорить в психологии о субъекте и предикате; как мы видели, психологи употребляют эти термины в том же значении, что исследователи логики <...>. Мне представляется возможность дать этим терминам в психологии более широкое значение, распространив их на все виды психологических соотношений, не ограничиваясь только одним психологическим суждением; при этом психологический субъект определяется как представление, по самой природе своей господствующее над представлением, поставленным в предикате. Соображения фон-дер-Габеленца и его последователей побуждают, однако, допустить в мышлении наличность таких представлений, которые, не будучи господствующими по своей природе, становятся таковыми в силу того или иного настроения говорящего, того или иного направления, данного им его сообщению. Таким образом, рядом с господствующими по природе своей представлениями (ко-

торые мы смело можем называть психологическими субъектом и предикатом, ввиду соответствия их в тысячах конкретных случаев с теми же логическими терминами) приходится допустить в мышлении наличие представлений, господствующих по воле или настроению говорящего; эти представления мы и назовем «господствующими», определяя представления, господствующие в силу их природы, как психологические субъекты. В самом возникновении рядом с господствующими по природе представлениями представлений, господствующих по воле и по настроению говорящих, видим указание на естественный конфликт между основаниями человеческой психики и ее изменчивым неустойчивым настроением; но важно указать, что в некоторых случаях такой конфликт, даже при особом напряжении воли говорящего, должен разрешиться все-таки не в пользу случайного настроения говорящего, а в пользу основных отношений, лежащих между различными группами представлений, так, например, грамматическая невозможность сделать *портной* подлежащим при слове *Иванов* (ср. в предложении *Иванов портной*: подлежащее *Иванов* и сказуемое *портной*) коренится, конечно, в невозможности психологической.

§ 7. Как указано, название предмета в предложении будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся с ним глаголу или прилагательному. Отсюда, из этой последовательности выводим заключение, что и в мышлении представление о предмете будет всегда психологическим субъектом в отношении к представлению о признаке, которое мыслится при этом как психологический предикат. Уместно вспомнить при этом замечание Г. Пауля: «Каждая грамматическая категория возникает на основании категории психологической. Грамматическая категория является в известном смысле оцепеневшею психологической категорией». В сочетаниях двух названий предметов, поставленных в предикативные отношения, грамматическим подлежащим будет название конкретного, индивидуального предмета, а сказуемым название общего, родового понятия, название предмета, с которым сочетаются представления о признаках, о совокупности признаков: об этом было сказано выше по поводу такого предложения, как *Иванов портной*, а также таких предложений, как *неклен – дерево, шведы – германцы*. Только там, где утверждается тождество одного предмета представления с другим, можно безразлично употребить то или другое название в качестве субъекта или в качестве предиката: *Нестор – отец русской истории, Отец русской истории – Нестор* (но только *Нестор – летописец*, а словосочетание *летописец Нестор* уже не может составить предложения).

§ 8. Перехожу к вопросу, может ли быть и при каких условиях психологическим субъектом представление о признаке. Согласно предыдущему, это невозможно там, где произошло сочетание представления о признаке с представлением о субъекте. Но там, где представление об одном признаке сочеталось с представлением о другом, вполне естественно допустить, что одно из них может занять по отношению к другому господствующее положение. Подобно тому, как при сочетании двух представлений о предметах предикативные отношения между ними возникают только в том случае, если одно из этих представлений мыслится как признак или как совокупность признаков, так же, наоборот, возможность предикативной связи между двумя представлениями о признаках в некоторых случаях обусловлена тем, что одно из обоих представлений мыслится как совокупность признаков, в числе коих может быть сочетавшееся с ним представление о признаке. Заключаем об этом из фактов языка; по-видимому, именно это, т. е. возможность мыслить признак в его сочетании с другими признаками, повело к появлению таких отвлеченных существительных, как существительные отглагольные и прилагательные субстантивированные; сочетания признаков, как *лететь* и *хороший*, *белый* и *маркий*, расчленяясь, переходя в *полет хорош*, *белое марко* в силу именно того, что в языке обычно расчленение типа, содержащего название представления о предмете, т. е. существительное, в сочетании с названием признака (ср. расчленение *зеленая трава* в *трава зелена*); ср. еще подобные же предложения: *поездка была утомительна*, *страдания были невыносимы*, *пение было очаровательно*, *полезное не всегда приятно*, *стирка нас утомила*, *учение ему не давалось*, *отъезд не состоится* и т. п. В некоторых, впрочем, случаях предикативное сочетание двух признаков возможно и вне указанного условия, т. е. без перехода одного из сочетавшихся представлений в представление о носителе признаков. Это имеет место там, где представление о признаке активном или пассивном сочетается с представлением о бытии, наличности, существования признака; признак бытия, наличности, существования является настолько отвлеченным, что, сочетаясь в другом конкретном признаке, он становится к нему в зависимое состояние и не вызывая представления о конкретном признаке как о носителе признаков вообще: это зависит именно от того, что каждый вообще конкретный признак включает в себя и выделяет из себя представление об этом отвлеченном признаке. Коммуникации, имеющие в предикате представление о признаке бытия, существования, наличности, можно назвать коммуникациями (суждениями) экзистенциальными. Существование таких коммуникаций доказывается фактами языка, а именно предложениями безличными, как *морозит*, ду-

ет, заволокло, и односоставными безглагольными, как *скучно, морозно, скука, мороз*. В соответствующих коммуникациях субъектами являются конкретные признаки *мороз, скука*, а предикатами – отвлеченный признак бытия, наличности. Наконец, третьим случаем, где возможно предикативное сочетание двух признаков, является сочетание двух тождественных или отождествляемых признаков: в русском языке подобные коммуникации выражаются сочетанием двух названий признаков: *учение – мучение, забыто – потеряно, жениться – перемениться*.

§ 9. Мы рассмотрели коммуникации, в которых субъект и предикат выражены или представлениями о предмете и признаке, или представлениями о признаке и признаке. Отметим тот вид коммуникации, где субъектом является представление о признаке, а предикатом представление об отношении. Отношениями называем те временные, пространственные, причинные соответствия, в которые могут стать те или иные признаки и субстанции. Представление о времени проявления того или иного признака, представление о месте, куда направлено движение, и т. п. представления являются представлениями несамостоятельными и соотносительными: они предполагают наличность двух представлений, поставленных в соответствующее отношение; ввиду этого нельзя допустить законченности мысли при наличности в ней представления о признаке и представления об отношении: представление об отношении не может стать в предикативное отношение к другому представлению. В коммуникации, соответствующей предложению *морозит*, видим не сочетание признака (*мороз*) с представлением о времени, а, как указано, сочетание конкретного признака (*мороз*) с отвлеченным признаком (наличности, бытия); представление же о времени сопутствует представлению об этом отвлеченном признаке. Равным образом не могут быть предметами самостоятельного представления наши чувства и волевые акты: они сопутствуют представлениям о тех или иных признаках, но не могут стать в предикативные к ним отношения.

§ 10. Подводя итог сказанному о природе коммуникации и ее членов, видим, что в каждой коммуникации имеется субъект и предикат, господствующий и зависимый член мысли; субъектом коммуникации является представление о субстанции при наличности в предикате представления о признаке или комплексе признаков; субъектом коммуникации может быть представление о конкретном признаке при наличности в предикате представления о признаке отвлеченном; наконец, в предложениях тождества субъектом и предикатом могут быть представления о субстанциях и о конкретных признаках. Наши заключения основываются изданных языка, на обнаружении коммуникации в слове. Предложение соответст-

вует коммуникации, ни в коем случае, впрочем не воспроизводя ее сколько-нибудь точно; это дает основание думать, что по существу не может быть противоречия между природой предложения и коммуникации, но, конечно, не в отношениях материальной природы первого к психологической природе второй, а в отношениях смысла, значения предложения и психологической природы коммуникации. Дальнейших заключений о коммуникации и ее членах мы не решаемся предложить на основании анализа предложения. Существеннейшим различием их между собой являются конкретизм членов коммуникации и расчлененность предложения: предложению *испуганная нами ворона взлетела на высокую липу* соответствует коммуникация, субъектом которой является *испуганная нами ворона*, а предикатом *взлетела на высокую липу*, двум членам коммуникации противопоставляется семь слов, причем эти слова соответствуют шести членам предложения. Образование членов предложения основывается, несомненно, на психологических категориях, но образовались они путем длинного эволюционного процесса, настолько отдалившего их от их основания, что неосторожно было бы пытаться анализировать коммуникацию по данным языка слов. Если бы наука имела в своем распоряжении какую-нибудь другую систему знаков, кроме языка, стремящуюся обнаружить мысль, быть может, мы могли бы мечтать о достижении положительных результатов в анализе психологической природы коммуникации; но такой системы нет, так как язык жестов, употребляемых глухонемыми, так же как язык жестов некоторых первобытных по культуре племен, находится в сильнейшей зависимости от языка слова, является или прямо от него производным, или в сильной степени от него зависимым. Кроме того, всякая выработанная система отразила бы на себе этапы исторического развития, а они отдалили бы ее от основания – человеческой психики. Ввиду этого нам приходится ограничиваться анализом явлений самого языка и уже по ним делать те или иные заключения о некоторых психологических основаниях этих явлений.

§ 11. Прежде чем перейти к анализу членов предложения, отмечу, что из сказанного выше о природе коммуникации следует, что, сочетаясь между собой, представления могут становиться в предикативные отношения; предикативными отношениями называем, как указано, изъяснительные, т. е. содержащее утверждение или отрицание чего-либо. Кроме этих отношений, существующих между субъектом и предикатом, между представлениями могут быть отношения атрибутивные, т. е. такие отношения, которыми одни представления определяются как свойства или качества других представлений; атрибутивными являются отношения

между представлениями, входящими в состав одного сложного, нерасчлененного представления, ибо расчленение ведет к выделению из него субъекта и предиката, стоящих между собой в предикативных отношениях. Такие сложные, нерасчлененные представления находят себе в языке выражение не в предложении, а в определенных словосочетаниях: ср. такие словосочетания, как *зеленая трава*, *больная мать*, *скучная книга*, *жаркий день*, противопоставляемые предложениям, как *трава зелена* или *трава зеленеет*, *мать больна* или *мать болеет*, *книга скучна*, *день жаркий*. Наконец, между представлениями возможны отношения предикативно-атрибутивные: это такие отношения, которые существуют между частями одного общего неразложившегося представления, причем ими утверждается или отрицается связь одних сочетавшихся при этом представлений с другими, но не расчлененных, не ставших между собой в отношении предикативные: наличность подобных отношений между представлениями вытекает из таких словосочетаний в составе предложения, в которых сочетавшееся с представлением о субстанции представление о признаке выражает утверждение или отрицание его связи с тем представлением: *добрый человек не мог бы так поступить*, *мальчики ленивые причиняют преподавателю немало огорчений*, *начальник нераспорядительный может легко запутать все дело* и т. п.

§ 12. Предложение и его члены. Согласно предыдущему, предложение – это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации. Предложению можно дать и такое определение: это простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представления, простым или сложным. Из предложенного определения видно, что между предложением и психологической коммуникацией наблюдается прямая связь, такая же связь, как между словом и его значением; предложение является воспроизведением коммуникации средствами языка. Отсюда, как мною уже указывалось, не следует, однако, чтобы предложение было сколько-нибудь точным отображением коммуникации. Мы видели, что коммуникация состоит из нарочитого сочетания двух представлений; соответствующее ей предложение может состоять и из одного слова, и из двух и более слов; эти слова и образующиеся ими словосочетания по самому основному их значению должны быть таковы, чтобы они соответствовали коммуникации, т. е. сочетанию субъекта с предикатом; если же по своему основному значению они и не таковы, то особенное значение, нужное для соответствия их коммуникации, слова и

словосочетания приобретают путем особого их произнесения в составе предложения; так, одно слово *мороз*, составив предложение (*мороз!*), произносится так, что соответствует коммуникации, в которой представление о конкретном признаке (*мороз*) сочеталось с представлением об отвлеченном признаке (бытия, наличности). Элементы предложения, его части, его члены не могут быть отвлечены от членов коммуникации, но во всяком случае прямого соответствия между ними нет, и это в противоположность целому составу предложения, находящему себе прямое соответствие в коммуникации. Тем не менее расчленение предложения должно исходить из несомненной связи его с коммуникацией. В каждом предложении (насколько, впрочем, оно не является предложением сокращенным) должны быть члены, соответствующие основным элементам коммуникации, выражающие словесно сочетание психологического субъекта и предиката. Как увидим, предложения русского языка распадаются в этом отношении на две главные разновидности: к первой принадлежат предложения, в которых указанное сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения (выраженном большей частью одним словом) – это предложения односоставные; ср. предложения, как *вчера морозило*, *прекратите разговор*, *прошу войти*, где сочетание субъекта и предиката подлежащей коммуникации находит себе соответствие в словах *морозило*, *прекратите*, *прошу*; *морозило* соответствует сочетанию конкретного признака с отвлеченным признаком в прошедшем времени; *прекратите* соответствует сочетанию субъекта 2-го лица с активным признаком в повелительном наклонении в предикате; *прошу* соответствует сочетанию субъекта 1-го лица единственного числа с активным признаком в настоящем времени в предикате; член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, мы назовем главным членом, главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях, таким образом, не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации; двучленной коммуникации соответствует односоставное (нередко, одночленное, односоставное) предложение. Ко второй разновидности принадлежат предложения, в которых субъект и предикат находят себе выражение каждый в особом члене (особом слове) предложения; это предложения двусоставные, причем главный член одного из обоих составов соответствует субъекту, а главный член другого состава предикату; как увидим ниже, в значительном числе случаев эти главные члены двусоставных предложений находятся между собой в грамматической связи; такие грамматически между собой связанные (согласованные) члены двусоставных предложе-

ний называются, подлежащим и сказуемым, причем подлежащее – это главный член господствующего, а сказуемое – главный член зависимого состава; но, как увидим, есть и такие виды двусоставных предложений, в которых оба состава грамматически не связаны, не согласованы между собою; их главные члены назовем главным членом господствующего состава и главным членом зависимого состава. Двусоставные предложения в противоположность односоставным представляются по своей форме более близкими к психологической природе коммуникации, так как в них обе расчленившиеся части коммуникации нашли себе особое словесное выражение. Примерами двусоставных предложений согласованных могут служить предложения, как *на дворе лает собака* (*собака* подлежащее, *лает* сказуемое), *дети вернулись из школы* (*дети* подлежащее, *вернулись* сказуемое); примерами двусоставных предложений несогласованных могут служить предложения, как *у меня есть деньги* (*деньги* главный член, господствующего состава, *есть* главный член зависимого состава), *в кошельке осталось пустяки* (*пустяки* главный член господствующего состава, *осталось* главный член зависимого состава).

§ 13. Прежде чем перейдем к рассмотрению других, второстепенных членов предложения, мы должны несколькими дополнительными сообщениями разъяснить то, что сказано в предыдущем параграфе о природе предложения и о распознавании главных его членов. Мы определили предложение как одно грамматическое целое, отметив, что слова, словесные элементы, составляющие предложение, сливаются в нем в одно целое благодаря или согласованию их между собою, или соответствующей интонации, являющейся, впрочем, и в первом случае непременно объединяющим началом. Согласование двух или нескольких сочетавшихся слов является средством выразить цельность сложного представления: *растущая на дворе зеленая трава* соответствует одному сложному представлению; мы выразили его расчленение несколькими словами, но его единство, его цельность обнаруживается, между прочим, в той грамматической связи, в которой находятся слова *трава, зеленая, растущая*; все они представляются формами именительного падежа единственного числа женского рода; приведенное сочетание слов может быть названо благодаря этому грамматическим единством, причем к этому единству относится и *на дворе*, внешним образом не согласованное со словом *растущая*, но внутренне с ним связанное, грамматически от него зависящее. В каждом грамматическом единстве имеется одно господствующее слово; при нем может быть одно или несколько зависимых слов; в приведенном выше словосочетании господствующим является слово *трава*, зависимыми *зеленая* и *растущая на дворе*. <...>

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предисловие

В основу каждого предложения ложится выражение предикативных отношений. Они передаются различными сочетаниями субъекта и предиката с их соответствующим грамматическим оформлением. В языках аморфного строя с этим назначением используется синтаксический прием местоположения. В языках морфологического строя в центр построения включается также морфологическая форма, по которой выделяются главные члены предложения, передающие грамматический субъект и грамматический предикат. Оба они получают закрепляемую за ними грамматическую форму с различным ее использованием в строении предложения и с многочисленными вариантами в его членениях.

Передача предикативных отношений связывает главные члены предложения, но может сосредоточиваться и в одном из них. Оттенки тех же отношений могут выступать и в других членах предложения. Предикативное содержание сохраняется отглагольной частью речи и вне позиции сказуемого. Субъект действия выделяется не одним только подлежащим. В глаголах личного спряжения выражение предикативных отношений может ограничиваться наличием одного сказуемого; ср.: *иду*, где грамматическая форма субъекта действия содержится в самом построении глагола, в его личном окончании. При передаче субъекта отдельным членом предложения, подлежащим, оно сочетается со сказуемым. Грамматический субъект выступает здесь в обоих главных членах предложения, сохраняя свое значение в каждом из них; ср.: *я иду*.

В приведенном примере один и тот же субъект, связывающий своими различными грамматическими формами подлежащее и сказуемое, выделяет ведущие члены предикативной группы в их взаимном сочетании. Подлежащим выступает местоимение 1-го лица, которым передается действие, совершаемое этим же лицом. Сказуемое получает личное окончание 1-го лица, потому что в позиции подлежащего стоит местоимение в том же лице. Получается грамматически оформленное сопоставление этих двух главных членов предложения. Предикативное содержание обуславливает здесь двустороннее согласование, при котором субъект получает свою грамматическую форму как в подлежащем, так и в сказуемом. Таким образом, грамматический субъект может передавать-

ся не одним только подлежащим. Он получает грамматическую форму также в личных окончаниях глагола.

В грамматических построениях предложения субъект становится в тесную связь со значением выступающей в нем лексической единицы. Ее содержание в словосочетаниях, изменяемых по лицам, обуславливает их различное положение в передаваемых отношениях, возникающих между субъектом и предикатом. В первых двух действующих лицах субъект, при его морфологическом оформлении, конкретизируется как лицом местоимения, так и личным окончанием глагола. В 3-м лице субъект конкретизируется не вербальным сказуемым, а предметным значением сочетаемого с ним именного члена. Глагол, стоящий в 3-м лице, так же как и местоимение в том же лице, лишь указывает на субъект, который уточняется контекстом предложения. Такое различное положение субъекта в его трех лицах выступает во всех языках.

Субъект и предикат сопоставляются с членами предложения, но не отождествляются с ними. Субъект может выступать не только подлежащим, но и в личных окончаниях вербального сказуемого. Предикативное содержание может получать не только сказуемое, но и отглагольная часть речи, используемая вне сказуемого. Предикативное содержание связывается здесь не с членом предложения, а с частью речи. Все же связь субъекта и предиката с членами предложения сохраняется. При разносторонних связях субъекта и предиката с членами предложения последние вступают в одностороннюю связь с ними. Подлежащее имеет содержание субъекта. Сказуемое получает значение предиката.

Субъект и предикат выступают во всех языках так же, как и члены предложения. И те и другие включаются в общезыковую субстрат, но различаются в нем по вкладываемому в них содержанию и по тому назначению, с которым они выступают в языках различных систем. Члены предложения выделяются как грамматические категории синтаксического назначения. С ними соединяются субъект и предикат, образующие логико-грамматические (понятийные) категории, используемые языковым строем. Они устанавливают в нем субъектные и предикативные отношения, получающие грамматическую форму в соответствующих членах предложения.

Каждое законченное высказывание строится на предикативных отношениях. Они передаются сочетанием субъекта и предиката даже тогда, когда один из них не получает требуемой грамматической формы. Пропуск соответствующего члена предложения не нарушает передаваемых отношений. В употребляемом мною призыве *товарищ!* уже содержатся эти отношения, хотя и выраженные одним именем существительным со

значением подлежащего (ср.: *товарищ! помоги!*). Предикативные отношения могут сосредотачиваться в одной лексической единице без грамматического выражения субъекта или предиката, если один из них подразумевается, восстанавливается или восполняется контекстом. При одиночном использовании наречия, например *холодно!*, имеется в виду испытываемое ощущение, которое и заменяет субъект высказывания. Его грамматическая передача, лишенная морфологического оформления, в таких построениях отсутствует. При наличии морфологического оформления субъект в 3-м лице глагола получает в нем свою грамматическую форму, которая в одиночном выступлении глагола уточняется контекстом: *(охотник) стреляет, (погода) холодит*. Субъект может уточняться семантикою глагольной основы: *(холод) холодит* и т. д.

Я не останавливаюсь на таких одночленных предложениях. Наличие в них содержание предикативных отношений замыкается одной синтаксической единицей. Она не передает тех расширенных схем, какие имеются в более сложных построениях предложения, члены которого вступают в отношения друг с другом. В одночленных предложениях не выступают те различные синтаксические конструкции, по которым может проводиться классификация синтаксических систем. Материалом для последних служит развернутый строй предложения с имеющимися в нем формальными разновидностями действующих синтаксических построений, поддающихся типологическим сопоставлениям.

Ими распределяются языки по группам, объединяемым общностью приема, используемого в синтаксических конструкциях предложения. Такие выделяемые родственные группы языков, в свою очередь, сопоставляются одна с другой, выявляя те расхождения, которыми они различаются в своих грамматических построениях, образующих обособляемые языковые семьи. На основании имеющихся между ними расхождений выясняется тот общий языковой субстрат, который объединяет многочисленные разновидности синтаксических структур и на котором строится все многообразие используемых грамматических форм. Общим для всех языков субстратом (лингвистической субстанции) выступают элементы не морфологии и лексики, а синтаксиса. Его ведущие грамматические категории участвуют в членении каждого предложения. Подлежащее, сказуемое, дополнения и определения являются общеязыковыми категориями. Их наличие обусловлено тою функцией, которую они выполняют в строении предложения. Их назначением служит передача отношений между его членами. Предикативные, объектные и атрибутивные отношения прослеживаются во всех языках.

Эти отношения, обусловленные их выступлением между членами предложения, устанавливают, как общеязыковая для них субстанция, структуру каждого синтаксического построения. Оно выступает в любом языке с исторически вырабатываемыми в нем приемами грамматического оформления, которое и ложится в основу проводимых группировок, образующих самостоятельные языковые системы. Каждая из них выделяется сложившейся в ней синтаксической конструкцией предложения. Их сопоставление обуславливает намечаемую схему синтаксической классификации наличного языкового материала. Она учитывает имеющиеся расхождения, обнаруживаемые в сопоставляемых системах при анализе грамматического оформления членов предложения, и на них обосновывается.

Такие расхождения могут выступать не только при сравнении разных систем, но и внутри их даже при сопоставлении простого и сложного предложений в пределах одного и того же языка, ср. флективный строй простого предложения в персидском и аналитическое оформление сложного предложения в его второстепенных членах того же языка. В некоторых языках используется особый синтаксический прием для выделения служебными частицами одного из членов предложения, например, в языках монгольских и в бирманском подлежащее может обозначаться не морфологическими показателями, а специально закрепленными за ними послелогоми, с иным назначением не употребляемыми. В большинстве других языков члены предложения, в том числе и главные, получают сами морфологическое оформление, которое и устанавливает их синтаксическое значение. Здесь синтаксические конструкции обслуживаются морфологией, что противопоставляет их построение аморфным.

Член предложения выделяется как в аморфном строе, так и в морфологически оформленном. И в том и в другом один из членов предложения может управлять грамматической формой другого. Грамматическая форма выражается не только морфологическим приемом, но и одним синтаксическим. Постановка члена предложения на определенное место есть грамматическая форма. В аморфном строе она представлена порядком размещения сочетаемых слов. В морфологическом – присоединяется изменение грамматического построения самого слова. Управление и сочетание членов предложения прослеживается во всех языках, но передается разными приемами грамматики. В аморфном строе управляемый член выделяется его местоположением, в морфологическом, кроме того, в тех же целях используется словоизменяемая морфема. Общим для

всех языков остается выражение синтаксических отношений с их разнообразным содержанием. Различие выступает в грамматической форме их передачи.

Синтаксические отношения связывают члены предложения, образуя в нем отдельные синтаксические группировки. Они различаются по своему содержанию и занимают по нему различное положение. Одни из них ложатся в основу всего синтаксического построения, другие получают в нем зависимое место. Для передачи устанавливаемых между ними отношений используются разные синтаксические приемы, выполняющие те же задания как в аморфном строе предложения, так и в его морфологическом оформлении.

В синтаксических группах с их ведущим членом и зависимым от него выступают односторонние отношения, при которых ведущий член управляет грамматической формой зависимого, занимая в атрибутивных и предикативных группировках различное положение. Такое одностороннее управление выступает в атрибутивной группе, в которой определение, передаваемое примыканием и грамматическим оформлением, сохраняет зависимую форму от ее определяемого члена. В предикативной группе ее главные члены, передавая субъектные и объектные отношения, получают разное место в устанавливаемой системе управления. Подлежащее может управлять оформлением сказуемого, и наоборот, сказуемое может и само оказаться управляемым, получая показатели не только подлежащего, но также прямого дополнения и даже косвенного в различных видах синтаксических построений, например в абхазском языке, в котором подлежащее и прямое дополнение не изменяются по падежам. Они устанавливают свою синтаксическую позицию местоположением и, сохраняя морфологическое построение предложения, включают в глагол свои классные показатели, с помощью них управляя вербальной формой сказуемого. В основу наличных грамматических построений ложится действующая система, исторически выработанная каждым языком.

По сложившимся системам синтаксических построений один из их членов управляет грамматической формой другого. Системы управления выступают в языках как морфологического строя предложения, так и аморфного. В морфологической конструкции система управления получает свое выражение в грамматическом оформлении ее членов. При передаче объектных отношений выступают разновидности падежных форм дополнений. В атрибутивных группировках изменениям подвергаются грамматические формы из зависимых членов (определений). Различные грамматические формы получают также и члены предикативной группы.

Прослеживаемая во всех языках система управления не ограничивается одними только второстепенными членами предложения, находящимися в зависимом положении, но затрагивает также и отношения, возникающие между главными членами. Подлежащее и сказуемое вступают в различные отношения и могут не только управлять другими членами, но также оказываться и сами в положении управляемых. Даже подлежащее получает в зависимости от действующих систем управления различную грамматическую форму.

В составе каждого предложения любой языковой системы выделяются его члены, зависимые в своем синтаксическом положении и управляющие грамматической формой других членов. Управляющий член одной синтаксической группы может сам оказаться управляемым со стороны члена другой синтаксической группы; ср. управляющее положение ведущего члена атрибутивной группы и его же управляемое положение в предикативной: *крупного волка убил охотник, быстрыми шагами шел человек*. Ведущее и зависимое положение прослеживается во всех словосочетаниях, не исключая и аморфных. В морфологических оно выступает в оформлении самого члена предложения. Придаваемая ему грамматическая форма выясняет синтаксический прием управления. Оно получает различное направление, что также учитывается при намечаемой классификации. Выработанные системы управления и подчинения противопоставляют, при морфологическом оформлении членов предложения, номинативную конструкцию эргативной. В номинативной превалирует одностороннее управление, направленное от ведущего члена на зависимый, тогда как в эргативной господствует многостороннее. Член эргативного предложения может управлять грамматической формой другого и в то же время быть сам управляем с его же стороны. Такое взаимное управление ложится в основу эргативного синтаксического построения предложения и этим противопоставляет его номинативному. Расхождения выступают во всей структуре предложения, затрагивая также его главные члены. В номинативной конструкции подлежащее не управляется другим членом предложения, в эргативной – падеж подлежащего управляется семантикой сказуемого и наличием прямого дополнения.

Привлекаемый материал рассматривается в его синтаксическом использовании, образующем различные грамматические построения в составе тех же синтаксических группировок. Члены предложения выделяются как в аморфной конструкции, так и в морфологической. В каждой из них устанавливается своя ведущая синтаксическая система, в которую включаются привлекаемые ею разновидности грамматических форм, подчиненных той же синтаксической модели. Частичные от нее отклонения не нарушают ведущего направления, выработанного действующей

системою. Проникновение элементов флексии наблюдается также в аморфной конструкции китайского языка.

Отдельные приемы сочетания слов в предложении оказываются общими для ряда систем, например, аморфное примыкание налично не только в языках аморфного строя, но также и в языках морфологического. Аморфные построения отдельно взятых членов предложения входят в общую схему предложений морфологической системы, ср. аморфное примыкание определения в тюркских языках и т. д.

В типологических сопоставлениях учитываются все детали синтаксического использования слова в предложении, но в настоящем их обзоре внимание останавливается на ведущих системах построения самого предложения. В его основной структуре выделяются аморфные и морфологические системы с их соответствующими разновидностями, широко представленными в предложениях морфологической системы, использующей богатство своих грамматических форм для различного выражения субъектных и объектных отношений.

Языки морфологического строя выделяются господствующею в них системою морфологического оформления членов предложения. Но они же различаются внутри этой системы выработанным в ней приемом передачи субъектных отношений, управляющих в номинативном строе и управляемых в эргативном. И в том и в другом выработаны их разделяющие основные направления передаваемых синтаксических отношений. Сравнительные сопоставления различных систем выявляют те конструктивные особенности, которые получают свое выражение в каждом отдельно взятом языке. Языки распределяются по установившимся в них синтаксическим системам и группируются в них по получаемым разновидностям их передачи.

Типологические сопоставления разносистемных языков уточняют имеющиеся между ними расхождения и устанавливают грамматическую форму используемых синтаксических построений. Грамматическая форма, как морфологическая, так и аморфная, строится на синтаксической основе. В построении предложения лексический состав может лишаться морфологического оформления, но не может оставаться без синтаксического. Оно передается не одним только грамматическим изменением формы слова. Языки, не имеющие парадигм склонения имен и спряжения глагола, выделяют синтаксический строй предложения, обусловленный размещением аморфного лексического состава по определенным позициям членов предложения. Изменение по падежам и лицам дает морфологическое оформление, история развития которого связана в значительной степени с потребностями синтаксиса. Он выделяется своим ведущим значением в развитии грамматической формы. Сравнительный

обзор наличного материала в его лексических и грамматических сопоставлениях обращает в них основное внимание на сложившиеся системы синтаксического членения предложения. Анализ грамматических форм членов предложения ложится в основу намечаемой синтаксической классификации по выделяемым структурам предложения.

В. В. Виноградов

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

1

<...> Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т. е. не делимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. Язык как орудие общения и обмена мыслями между всеми членами общества пользуется предложением как основной формой общения. Правила употребления слов в функции предложений и правила соединения слов и словосочетаний в предложении – ядро синтаксиса того или иного языка. На основе этих правил устанавливаются разные виды или типы предложений, свойственные данному конкретному языку. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего.

Каждое предложение с грамматической точки зрения представляет собой внутреннее единство словесно выраженных его членов, порядка их расположения и интонации. <...>

В настоящее время главная задача синтаксиса русского языка в области изучения предложения до некоторой степени предопределена историей развития нашей отечественной грамматики. Эта задача состоит в том, чтобы изучить все конкретно-языковые формы или структурные особенности основных разновидностей двусоставных (или двучленных) и односоставных (или одночленных) предложений в современном русском языке и выяснить последовательность, пути и закономерности их исторического развития.

Общая теория синтаксиса, построенного на основе марксистского учения о языке, не отбрасывает проблемы связи логических и синтаксических, шире – вообще грамматических категорий. Последовательное применение марксистского положения о неразрывном единстве языка и мышления позволяет обосновать и подтвердить фактами языка связь ло-

гических и синтаксических категорий и в то же время обнаружить их действительные различия, обусловленные спецификой внутренних законов развития языка. Однако грамматика как наука, абстрагирующая свои закономерности от конкретного народно-языкового материала на широкой исторической основе, не может и не должна смешиваться с логикой. В отличие от формальной логики как науки о законах правильного мышления грамматика, опираясь на материалистическую диалектику, изучает исторические законы построения той или иной конкретной народной речи, в которой реализуется мысль. Следовательно, и синтаксис как часть грамматики имеет свои объекты исследования – словосочетание и предложение, свой научный метод и решает свои специфические задачи, в том числе и свои задачи изучения предложений и их членов. <...>

2

Изучая правила составления предложений, синтаксис прежде всего должен выяснить, как слова и словосочетания, объединяясь в структуре предложения в качестве его членов, образуют предложение и в чем заключаются характерные конструктивно-грамматические признаки предложения. В нашей отечественной грамматической науке выдвинуты два общих характерных признака предложения в русском языке, хотя взаимоотношение и взаимодействие этих признаков до настоящего времени остаются не вполне определенными. Это – интонация сообщения и предикативность, т. е. отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, проявляющаяся в совокупности таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как основной и вместе с тем первичной грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль. Наличие обоих этих признаков для предложения обязательно.

Обычно говорят, что слова и словосочетания, соединенные в предложении большей частью посредством тех же приемов согласования, управления и примыкания, которые характерны для связей слов внутри словосочетания, без соответствующей организации их интонационными средствами еще не представляют собой сообщения. Интонационными средствами устанавливается, обуславливается коммуникативное значение слов в предложении, определяется членение предложения и осуществляется его внутреннее единство. Благодаря интонации не только соединения слов, но и отдельные слова могут приобрести значение предложений. <...> Интонация сообщения, таким образом, является важным средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных характерных признаков предложения. Именно в этом при-

знаке заключается одно из коренных отличий предложения от словосочетания.

Различием интонаций в значительной степени определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложений – предложения повествовательные, вопросительные и побудительные. <...>

Главными интонационными средствами, выполняющими основные функции в организации предложения, являются ударение и мелодика. Будучи существенным, неотъемлемым признаком предложения, интонация, однако, не исчерпывает и не определяет грамматической сущности предложения и своими вариациями не обуславливает и не создает всего многообразия видов предложений в русском языке. <...>

Интонация сама по себе, т. е. вне словесного содержания, вне отношения речи к действительности, расчлененной, законченной, логически построенной мысли не выражает. Интонация не является средством формирования и воплощения мысли, без слов она может быть выразительной, но не является содержательной, т. е. не служит материальной оболочкой мысли. Об интонации сообщения можно сказать, что она является лишь формой выражения более или менее замкнутой единицы речи (предложения). Однако интонация вовсе не является формой грамматического построения предложения. Правда, интонация может служить средством превращения слова и словосочетания в предложение, может выполнять предикативную функцию, но интонации не свойственно предметно-смысловое содержание. Часто она прямо причисляется к средствам субъективного выражения. Но при этом необходимо помнить, что это средство субъективного речевого выражения общественно организовано и общественно осознано. Вместе с тем в таких формах общения, как письменная речь, интонация нередко отступает на второй план.

<...> При чисто морфологическом подходе синтаксическое учение о предложении в целом получает односторонний и искаженный характер: оно не отражает всего многообразия структурно-грамматических форм предложения в русском языке. Вообще при построении теории предложения «морфологизм» в чистом виде не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложения. Дело в том, что со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы: категории времени и модальности, а также – в широком синтаксическом понимании – и категория лица, т. е. те категории, которые выражают отношение сообщения к действительности и подводятся под общее понятие «предикативности»; эти категории могут быть свойственны предложению в целом – независимо от наличия в его составе глагола. <...>

Значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности. В этом и состоит различие между словом *зима* со свойственным ему лексическим значением и предложением *Зима* в таком пушкинском стихе: *Зима. Что делать нам в деревне?* <...>

Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности конкретизируется в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно они придают предложению значение основного средства общения, превращая строительный материал языка в живую, действенную речь.

В конкретном предложении значения лица, времени, модальности устанавливаются с точки зрения говорящего лица. Но сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к отражаемому и выражаемому в предложении «отрезку», «кусочку» действительности. Отношения сообщения, содержащегося в предложении, к действительности – это и есть прежде всего модальные отношения. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п. Формы грамматического выражения разного рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности. Категорией модальности определяются различия между разными модальными типами предложения. Кроме форм глагольных наклонений, категория модальности выражается модальными частицами и словами, а также интонацией. Известно, например, сложное и тонкое разнообразие модальных красок инфинитивных предложений в русском языке. Модальность инфинитивных предложений определяется самой формой инфинитива и интонацией, а усиливается и дифференцируется частицами. <...>

Многообразие форм и способов выражения предикативности, разные виды сочетания и переплетения синтаксических категорий времени и модальности, широкие возможности выражения отношения говорящего лица к действительности посредством интонаций модальной окраски, осуществляемое посредством тех же интонаций эмоционально-волевое воздействие говорящего на слушателя и эмоционально-волевая реакция его на те или иные факты, явления действительности – все это обнаруживается в разнообразии конкретно-языковых форм (или типов) предложений современного русского языка.

Их выделение, разграничение, грамматическая характеристика, выяснение качественных различий между разными типами, изучение взаимодействий отдельных типов, исследование путей развития форм пред-

ложения в разговорной и книжно-письменной речи – важные задачи синтаксиса русского языка. <...>

4

Соотносительные члены предложения, связанные предикативными отношениями, – это подлежащее, выраженное формой именительного падежа существительного или местоимения (а также субстантивированным словом), и сказуемое, выраженное личной формой глагола, краткой формой причастия, прилагательного или другими морфологическими средствами.

Члены предложения – это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм слов и форм словосочетания и отражающие отношения между структурными элементами предложения. Между частями речи и членами предложения есть связь и даже взаимодействие, но нет параллелизма. Синтаксическая сущность слова или неделимого словосочетания как члена предложения определяется той функцией, которую несут они в строе предложения. <...>

Подлежащее и сказуемое как главные члены предложения противопоставляются второстепенным: определению, дополнению и обстоятельству. <...>

Во второстепенных членах предложения как бы синтезируются, обобщаются по функции те разнообразные грамматические отношения, которые обнаруживаются между словами в строе словосочетаний. В структуре предложения словосочетания соединяются и выстраиваются в строго определенной иерархической перспективе. Служа для пояснения главных членов предложения – подлежащего и сказуемого, второстепенные члены могут, в свою очередь, определяться и дополняться поясняющими их самих второстепенными членами. <...>

И все же синтаксические признаки второстепенных членов предложения складываются и развиваются на базе твердо установившихся морфологических категорий и их функционально-синтаксического усложнения в системе разных типов словосочетаний. Именно так установилась категория определения, морфологическим ядром которой явились качественные и относительные прилагательные. Не менее определены морфологические основы категории дополнения: формы и функции косвенных падежей имен существительных и местоимений в тех случаях, когда предметное значение имени не поглощается оттенками определительного и обстоятельственного характера и не растворяется в них. Морфологическую базу синтаксической категории обстоятельства составляют наречия и функционально близкие к ним формы косвенных падежей существительных (обычно с предлогом), когда в них закрепляются значения

обстоятельственных отношений. Но функционально-синтаксические оттенки, облакающие морфологическое ядро категорий определения, дополнения и особенно обстоятельства, оказываются настолько сложными, а иногда и недифференцированными и внутренне противоречивыми, что они очень часто выходят за рамки этих категорий (ср., например, функции так называемого объектного инфинитива: *рассчитывал сегодня закончить работу; отрадно вспомнить* и т. д.) или создают ряд переходных, смешанных типов.

Таким образом, при зыбкости трех категорий второстепенных членов предложения – определения, дополнения и обстоятельства – очень важны наблюдения над случаями переходными и «синкретическими» (т. е. совмещающими значения разных членов предложения). <...>

Таким образом, традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре. Этот пересмотр требует углубленного исследования всех видов синтаксических связей между словами как в формах словосочетаний, так и в структуре предложений. Дело в том, что в строе предложения синтаксические связи между словами, характерные для основных типов словосочетаний, расширяются и пополняются иными видами и типами связей. Особенно многообразны связи, возникающие и развивающиеся при предикативных отношениях. Поэтому общепризнано, что правила образования словосочетаний не охватывают всей грамматической схемы предложения и всех возможных ее осложнений. <...>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Г. А. Золотова

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: РЕПЕРТУАР ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО СИНТАКСИСА

Смелые путешественники сперва открывают землю, а после наблюдательные географы по их открытиям издают о ней географические карты и положительные описания. Смелые поэты, смелые прозаики! Откройте все богатства русского языка: по вас придут грамматики и соберут путевые записки и правила для указания будущим путешественникам, странствующим уже по земле знакомой и образованной.

П. А. Вяземский. Записные книжки.

Из тех, кто впервые занялись философией, большинство считало началом всех вещей одни лишь начала в виде материи: то, из чего состоят все вещи, из чего первого они возникают и во что в конечном счете разрушаются, причем основное существо пребывает, а по свойствам своим меняется, – это они считают элементом и это – началом вещей.

Аристотель. Метафизика.

ВВЕДЕНИЕ

Как окружающий нас физический мир состоит из элементарных частиц, мельчайших известных частиц материи, так и синтаксический строй нашей речи организуется разнообразными, но регулярными комбинациями элементарных, или минимальных, единиц, далее неделимых на синтаксическом уровне.

Представления об элементарных частицах отражают достигнутую современной наукой ступень в познании строения материи.

В лингвистике на современном этапе ее развития созрела потребность осмыслить понятие элементарных синтаксических единиц, из которых, как становится все очевиднее, строятся все другие, более сложные конструкции. Определение исходного понятия, первоэлемента концепционных построений, становится неременным условием самого существования научной теории синтаксиса.

Поиск элементарных объектов как частей, интегрантов сложных явлений, выяснение взаимных отношений «простого» и «сложного», выяснение системных связей между «простыми» элементами и воссоздание на этой основе теоретической картины изучаемой реальности – эти проблемы, конкретизируясь в каждом случае, встают на том или ином этапе в разных областях науки. «В истории науки элементарность никогда не была только простотой, а включала в себя аспекты фундаментальности, исходности, существенности и неделимости. Эти аспекты и составляют, по-видимому, исходный смысл понятия элементарности и его относительно сохраняющееся инвариантное содержание», – пишет современный историк философии¹.

Осуществление задачи Синтаксического словаря – представить синтаксические ресурсы русского языка научно систематизированными в словарных параметрах, впервые в лексикографической практике, – стало возможным на основе предлагаемого решения принципиального вопроса синтаксической теории – выявления конститутивной единицы синтаксиса.

В этом решении находит реализацию плодотворная идея взаимодействия лексики и грамматики, связанная с именами В. В. Виноградова и других наиболее глубоких и дальновидных лингвистов. Эта идея стала особенно актуальной в наше время, когда синтаксисты обратились к семантике. На теперешнем этапе зависимость правил построения синтаксических конструкций от лексико-семантических характеристик их компонентов стала очевидностью, уже не требующей доказательств, но требующей систематизации материала.

Для осмысления синтаксического механизма языка необходим ответ на вопрос о том, в каких единицах, на каком уровне системы это взаимодействие осуществляется. В качестве такой единицы выдвинуто понятие синтаксемы. Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций.

Различительными признаками синтаксемы служат 1) категориально-семантическое значение слова, от которого она образована, 2) соответст-

¹ Степанов, И. М. Концепции элементарности в научном познании / И. М. Степанов. М.: Наука, 1976. С. 21. См. также: «Критерием обоснованного выбора наиболее адекватного расчленения изучаемого объекта может служить то, насколько в результате удастся построить "единицу" анализа [...], позволяющую фиксировать целостные свойства объекта, его структуру и динамику» (Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 613).

вующая морфологическая форма и 3) вытекающая из (1) и (2) способность синтаксически реализоваться в определенных позициях.

Диапазон синтаксических потенций каждой синтаксемы определяется ее функциональными свойствами, принадлежностью к тому или иному функциональному типу.

Функциональная типология синтаксем базируется на понимании синтаксической функции как конструктивной роли синтаксической единицы в построении коммуникативной единицы. С этой точки зрения для характеристики синтаксической единицы существенным оказывается разграничение и противопоставление трех основных возможностей, трех функций синтаксем:

I. Самостоятельное, изолированное употребление единицы.

II. Употребление единицы в качестве компонента предложения.

III. Присловное употребление единицы в качестве компонента словосочетания (или сочетания слов).

Сумма возможностей и составляет основание для разграничения трех функциональных типов синтаксем: свободных (в Словаре помещаются под буквой А), обусловленных (Б) и связанных (В).

Свободные синтаксем могут выступать в функциях I, II, III, обусловленные – в функциях II, III, реже в I, связанные – только в III функции.

Функция I представлена чаще всего заголовками, а также драматургическими ремарками, экспозиционными предложениями текста. Понятие функции II и III в описании синтаксем детализируется более конкретным понятием позиции.

В функции-II различаются позиции:

- 1) предидируемого компонента предложения;
- 2) предидирующего компонента предложения;
- 3) распространителя предложения (ситуанта);
- 4) полупредикативного осложнителя предложения.

В функции III различаются позиции:

- 1) приглагольная;
- 2) приименная (присубстантивная);
- 3) приадективная и приадвербативная.

Термины функция и позиция, следовательно, обозначают понятия более общей и более конкретной ступени абстракции: тот или иной тип функции как потенцию, как виртуальную способность каждая синтаксема реализует в определенной синтаксической позиции в той или иной модели предложения или словосочетания¹.

¹ Задача подобного описания формулировалась многими учеными. Так, В. В. Виноградов писал: "Изучение функций форм слов и законов их употребления,

Функциональный анализ единиц определяет и структуру словарной статьи. «На входе» материал классифицируется по морфологическим показателям (для имен – падежи предлог, по порядку падежей и по алфавиту предлогов), затем проходит сквозь классификационный фильтр синтаксических функций, распределяясь по рубрикам А, Б, В, и «на выходе» показывает набор функций и позиций для каждой формы в каждом из данных структурно-семантических значений.

Поскольку термин «синтаксема» употребляется и применительно к типу, и применительно к манифестирующей его конкретной словоформе, естественно, что как словарная единица синтаксема представлена рядом лексических «делегатов» одного категориально-семантического подкласса в примерах и в иллюстрациях. В случаях, когда синтаксема образуется от слов лексически замкнутого круга, Словарь стремится перечислить их с возможной полнотой. Понятно, что структурно-семантические значения, выявленные у каждой синтаксемы, абстрагированы от множества конкретных употреблений словоформ данного подкласса, регулярно занимающих соответствующую позицию в соответствующей конструкции в текстах, представляющих различные виды общественно-речевой практики.

В результате, подтвердив эффективность понятия синтаксемы, сформулированного и теоретически заявленного в работах автора 1969, 1973, 1982 гг.,¹ Синтаксический словарь впервые в практике грамматического

установление правил их использования как для образования словосочетаний, так и в структуре разных типов предложения очень важный и еще недостаточно исследованный круг вопросов русского синтаксиса" (Грамматика русского языка. М., 1954. Т. II. Ч. 1. С. 34). См. также: "Язык состоит из формальных элементов, соединяемых в переменные комбинации в соответствии с определенными принципами *структуры*... Язык всегда содержит лишь небольшое число основных элементов, но эти элементы, сами по себе немногочисленные, могут вступать в большое число комбинаций. Самые элементы обнаруживаются нами именно через эти комбинации" (Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М., 1974. С. 23). «При более глубоком анализе нужно было бы перечислить все "функции", в которые ее [языковую единицу] можно подставить, и – в пределе – составить их полный перечень») (Там же. С. 137)

¹ Золотова, Г. А. О синтаксической форме слова / Г. А. Золотова // Мысли о современном русском языке / под ред. В. В. Виноградова. М., 1969; *Ее же*. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; *Ее же*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Термин "синтаксема" был предложен в работе автора 1980 г. (О Синтаксическом словаре русского языка // ВЯ. 1980. № 4) взамен первоначального "синтаксическая форма слова". Термин встречается в работах советских японистов (А. А. Пашковский, И. В. Головин, И. Ф. Вардуль) для обозначения первичной синтаксической единицы японского языка, не совпадающей по своей природе с первичными едини-

осмысления и описания языков представляет синтаксическое устройство русского языка в виде систематизированного перечня синтаксем с характеристиками и иллюстрациями их комбинаторных свойств, в составе всех моделей словосочетаний и предложений, в которых каждая из синтаксем способна функционировать.

Возникает вопрос о правомерности именовании работы словарем, о характере жанра исследования. Сама постановка задачи сталкивается с устойчивым представлением о противопоставленности двух (и только двух) способов описания языка. Согласно этому представлению, словарный состав языка получает отражение в словарях, формы слов и синтаксические конструкции описываются в грамматиках. И накопившийся практический опыт лингвистических описаний, и все большее проникновение языковедов в сущность взаимодействия лексики и грамматики делают это разделение в большой степени условным. Грамматические пометы о формах слов и их синтаксическом окружении сопровождают слова, толкуемые или переводимые в словарях. С другой стороны, грамматические описания, чтобы быть адекватными объекту, все более стремятся использовать в построении синтаксиса лексико-семантические показатели.

Как всякий словарь, книга содержит в виде словарных статей снабженный объяснениями и примерами перечень единиц, расположенных по определенным принципам, выработанным лексикографической практикой (алфавитный порядок предлогов, глаголов, указатели, ориентирующие читателя). Но Словарь устремлен на то, чтобы показать семантико-синтаксическое устройство языка.

Таким образом, по способу организации и представления материала работа эта является словарем нового типа, по целям же и по содержанию полученной информации она носит грамматический характер, в Словаре получает отражение функционально систематизированный синтаксический строй языка.

Назначение Словаря может быть оценено и с теоретической, и с практической точек зрения. Практическое назначение Словаря – быть нормативным семантико-грамматическим справочником для широкого круга читателей – филологов и не филологов, для учебно-педагогическо-

цами русскою синтаксиса. И. И. Мещанинов в "Общем языкознании" (1940) "словами-синтаксемами" называл связочные слова. В работах англистов (А. М. Мухин и его ученики) синтаксемой называется единица обобщенного смыслового значения, независимо от ее формы (ср. семантема у В. В. Богданова и др.). Термин "синтаксема", тоже в несовпадающем значении, использовался в работах Д. Станишевой и других болгарских русистов.

го использования, для русских и нерусских обучающихся. Установленные между предложением и синтаксемами отношения целого и его частей, образующих предложение компонентов, позволяют извлекать из Словаря информацию как активного характера, о выражающих разные смыслы, о порождающих разные виды предложения средствах русского синтаксиса, так и рецептивного, опознавательного, о роли и значении (конечно, и о правильности формы, если нужно) отдельных компонентов предложения.

Композиция книги обеспечивает несколько вводов в Словарь и позволит читателю удовлетворить интерес к языковым фактам и закономерностям, идущий от разных отправных точек.

В теоретическом отношении Словарь может рассматриваться как первый опыт описания всех элементарных структурно-смысловых единиц русского синтаксиса и их функциональных возможностей и через них, в сущности, – всей картины моделей русского предложения. Словарь послужит источником материалов, обработанных в новом ракурсе, для дальнейших исследований специалистов и в области системных отношений фиксированных единиц, и для обсуждения ряда дискуссионных проблем современной синтаксической науки.

Разработанная в Словаре система информации может способствовать прояснению некоторых актуальных для грамматической теории вопросов.

Среди таких теоретических результатов словарного описания синтаксического строя отметим следующие.

1. Установление релевантного для синтаксиса уровня абстракции от конкретного, с учетом взаимодействия трех составляющих синтаксемы – категориально-семантического, морфологического и функционально-синтаксического ее признаков – дало основание увидеть на этом уровне то взаимодействие формы и содержания, которое позволяет синтаксеме функционировать как единице формы и значения.

Язык осуществляет возможность выразить содержание мысли средствами синтаксиса путем предикативного сопряжения синтаксем, т. е. элементов, являющихся одновременно конструктивными и смысловыми.

Этот результат вносит коррективы в распространенные представления о соотношении синтаксиса и семантики как двух будто бы независимых друг от друга ярусов языка. Способы проявления этой бесспорно существующей зависимости неоднородны. Словарь дает основания для предварительных обобщений и дальнейших размышлений по этой проблеме.

Характеристику каждой синтаксемы можно представить схематически в виде таблицы, в которой формы и значения синтаксем составляют

вертикальную координату, функции и позиции – горизонтальную. Схема наглядно выявит разнонаправленность взаимодействия этих координат: семантика свободных синтаксем (локативных, темпоративных, директивных, делиберативных и др.) независима от их позиционных возможностей, она заключена в синтаксеме как бы «до предложения», на «докоммуникативном» уровне (диагностическим показателем чего и служит типичная для них возможность изолированного употребления в качестве единиц номинации); значения обусловленных и связанных синтаксем (субъектных, объектных и др.), напротив, производны от реализуемой ими позиции.

2. Вступая в предложение определенной структуры, синтаксема приобретает статус его компонента. Предложение любого состава и с точки зрения организации и с точки зрения членения может рассматриваться как одна из исчисляемых комбинаций синтаксем. Таким образом преодолевается затруднение, в котором оказалась стратификационная концепция языковых уровней, вынужденная констатировать, что между предложением и словом нет отношения целого и части¹. Недостающим звеном системы, частью по отношению к целому – предложению, оказывается не слово-лексема (в исходной форме), а слово-синтаксема, или синтаксическая форма слова. Проясняются отношения синтаксемы со словом и предложением, с одной стороны, и отношения синтаксической и морфологической формы слова – с другой: объем понятия и дифференциальные признаки морфологической и синтаксической формы слова не совпадают. В пределах одной морфологической формы, как правило, различается ряд омонимичных и полисемичных синтаксем. Понятно, что синтаксемы (1) *о* + *Предл.* с делиберативным значением и (2) *о* + *Предл.* со значением признакового партитива являются, при морфологическом подобии, структурно-смысловыми омонимами, они различаются и значением и набором позиционных возможностей, что определяет и их функциональную характеристику:

синтаксема (1), представляющая тип свободных синтаксем, реализует свои потенции в изолированных позициях заголовка или те магически-экспозиционного отрезка текста (1.1.2.: *О вреде табака; О детях; Об очередных задачах* и т. п.); в позиции предидирующего компонента предложения, при предидируемом имени информативного значения (И. 2. *Рассказ – о детях; Стихи – о любимой; Доклад – о задачах...* и т. п.); в качестве присловного распространителя при глаголах и именах той же

¹ См., например: Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М., 1974 ("Уровни лингвистического анализа". С. 133).

семантики (Ш. 1. *рассказывать о детях, петь о любимой*; Ш. 2. *рассказ о детях, песня о любимой* и т. п.);

синтаксема (2), представляющая тип обусловленных синтаксем, характеризует предмет по количеству его составных частей либо в предикативной позиции (И. 2. *Всякая вещь о двух концах; Домик был о трех окошках* и т. п.), либо в атрибутивной, приименной (Ш. 2. *домик о трех окошках; храм о двух шатрах* и т. п.); оттенок устарелости в этой синтаксеме делает ее возможности и лексически и стилистически ограниченными.

Отношения полисемии возникают в пределах делиберативной синтаксемы в позициях Ш. 1 и 2: помимо распространения глаголов и имен информативного значения, она выступает как распространитель глаголов и имен так наз. «горестного чувства» (*сетовать, тужить, тосковать, печалиться, грустить, плакать о ком-чем; тоска, печаль, грусть о ком-чем* и т. п.). В этом случае делиберативное значение синтаксемы *о + Предл.* осложняется каузативным оттенком, эта же объектно-каузативная синтаксема в свою очередь вступает в синонимические отношения с объектно-каузативной синтаксемой *по + Дат.* (*тосковать по дому, по друзьям*). Многообразие конкретных условий проявления полисемии и синонимии в разных синтаксемах будет импульсом для последующих наблюдений

Естественно, что в синонимические отношения (на основе сходства значений и функций, при различии формы) вступает не морфологическая форма, например *о + Предл.* во всей совокупности объединяемых ею синтаксем, а делиберативная синтаксема *о + Предл.* с делиберативной синтаксемой *про + Вин.* (*о детях – про детей*), так же как с рядом других делиберативных синтаксем, образуемых с помощью производных предлогов (*насчет детей, по поводу детей, относительно детей* и т. п.). То, что отношения омонимии, полисемии, синонимии, антонимии возникают именно между синтаксемами, а не между предложно-падежными формами вообще, может служить еще одним доказательством объективного существования в системе языка выделенных единиц.

Соотносительность единиц описания обнаруживает системность отношений между ними более наглядно по синтагматической, но, что не менее важно, и по парадигматической оси. Регулярность одних из этих отношений становится явной из самого описания, другие дают стимул для дальнейших исследований.

Известен тезис о принципиальной полисемии языкового знака. Выявляя положение знака – элементарной синтаксической единицы – в системе координат, синтагматических и парадигматических, Словарь позво-

ляет с большей достоверностью судить о тождестве и различии определяемых знаков.

3. Тройственная характеристика каждой синтаксемы – с точки зрения формы, значения и функции – позволяет более объективно дифференцировать значения падежных форм и семантических групп глаголов. Количество выделяемых единиц (степень дробности деления) – один из самых спорных вопросов семантических классификаций – определяется здесь не произвольно устанавливаемой шкалой обобщения, не интуитивным представлением о типах ситуаций, а синтаксическими условиями употребления.

Функциональный анализ выявляет семантические группировки глаголов (и имен существительных – соотносительных и не соотносительных с глаголами), подтверждая реализацию каждой из них в соответствующих наборах именных распространителей. Внимание к категориально-семантическим характеристикам компонентов позволяет более четко, чем это делалось в ряде описаний и словарей, разграничить типы глаголов – знаменательных, способных быть самостоятельными предикатами, и неполнознаменательных, лишь способствующих выполнять эту роль именным признаковым синтаксемам.

Разграничение именных распространителей по признаку конкретность/ абстрактность дает основание различить глагольные словосочетания с предметным именем как средства номинации расчлененного действия, используемые в качестве распространенного предиката глагольной модели, и сочетания с абстрактным именем, служащим в свою очередь способом номинализованного представления предикативной единицы, содержащим, таким образом, имплицитную предикативность (ср.: *Соседи говорят о пироге – Стихи говорят о бедности его воображения и под.*).

Различение характера синтаксических связей в основных моделях и их модификациях, с одной стороны, в монопредикативных и полипредикативных предложениях – с другой, дает возможность представить всю совокупность «простых предложений» русского языка в иерархически организованном порядке.

Вопрос о семантических классификациях, поставленный на синтаксические опоры, позволяет более четко представить проблему типологии самих семантических отношений. Можно вывести из морфологически похожих сочетаний слов *столб из мрамора* и *спор из озорства* отношения предмета и его материала, в одном случае, действия и его мотивации – в другом. Существенно при этом, что признак по материалу – имманентное свойство предмета, которое может быть констатировано как

атрибутивно, в распространенной номинации, словосочетании, так и предикативно – в именной модели предложения; что касается причинно-следственных отношений, то это отношения на другом рече-мыслительном уровне – между пропозициями, или событиями. Описание синтаксем и семантико-синтаксических условий их реализации ориентирует на корреляцию семантических отношений с разными видами мыслительного процесса, получающими выражение в синтаксических построениях разной сложности.

4. Получены основания уточнить соотношение понятий функции и формы.

Сумма позиционных возможностей каждой синтаксемы, представленных в Словаре, характеризует «объем употребления» синтаксемы, или ее функциональное пространство. Эти данные словаря могут получить числовое выражение, коэффициент, обычно в пределах от 1 до 10. Так, обусловленная синтаксема от личного имени в дательном со значением субъекта состояния (*Саше не спится, но весело ей*) употребляется только в качестве предикцируемого компонента модели, другие позиции ей не свойственны. Эта синтаксема получит коэффициент 1 (или 3, если считать разными позиции одноименной субъектной формы при разных предикатах: *Саше не спится; Ей весело; Ей пора вставать*). Равным единице будет и функциональный коэффициент связанной синтаксемы винительного объекта действия: у этой синтаксемы единственный способ включаться в связную речь – при переходном глаголе.

Равный двум коэффициент у ряда обусловленных синтаксем признакового значения: у синтаксемы *из-под + Род.*, характеризующей предикативно или атрибутивно предмет – вместилище по бывшему содержанию (*Эта бутылка – из-под кефира; бутылка из-под кефира*), у упомянутых выше синтаксем признакового партитива *о + Вин.* (*Стул – о трех, ногах; стул о трех ногах*), фабрикатива *из + Род.*, характеризующего предмет по материалу (*Столб – из мрамора; столб из мрамора*).

Полный набор из 10 основных позиций, дополненный грамматическими вариантами моделей, дают многие локативные синтаксемы.

При этом не следует абсолютизировать никакую классификацию, в классификации часто отражается тенденция к противопоставленности явлений, при наличии промежуточных случаев.

Кроме того, функциональные рубрики служат сетью, улавливающей отображение в синтаксических потенциях онтологических свойств предметов и явлений, стоящих за синтаксемами. Явлениям же в самой действительности свойственна разная степень «свободы» осуществления. Так, например, предметно-пространственное понятие принадлежит к наибо-

лее «свободным»: оно может представлять восприятию в самых разных связях, поскольку «все существует в пространстве». Отсюда – самый полный набор функций и позиций у локативных синтаксем. С другой стороны, свободные же синтаксемы с орудийным значением (*топором, из лейки, на машинке, в микроскоп, через увеличительное стекло, с помощью рычага* и т. п.) обладают узким синтаксическим диапазоном, потому что в самой действительности категория орудия неотделима от категории действия. Тем не менее употребление их при глаголах не делает эти синтаксемы связанными, управляемыми: их форма не задается конкретными глагольными лексемами, она в себе (в единстве предметно-категориального значения имени и предложно-падежного оформления) включает инструментальное значение, что подчеркивается также парадигматической корреляцией с рядом орудийных синтаксем (*начертить окружность циркулем, с помощью циркуля, при помощи циркуля; увидеть в микроскоп, при помощи микроскопа; поливать из шланга, с помощью шланга* и т. д.).

Но так или иначе, состав и количество занимаемых синтаксемой позиций определяет объем и способы ее употребления в языке. Любые подсчеты частотности тех или иных форм недостаточно достоверны, не будучи соотнесены с функциональным коэффициентом. Основания исчисления его могут быть детализированы, но в принципе они обусловлены функционально-типологическим характером синтаксем.

5. Изучение функциональных свойств именных синтаксем обнаружило разнообразие их конструктивно-смысловых возможностей, не сводимых к зависимости от глагола. Это наблюдение дало основание для принципиально иного решения структуры Словаря.

Существующие словари, толковые или специальные практического назначения справочники сочетаемости, в большинстве своем исходят из имплицитного или эксплицитированного понятия глагольного управления (глагольной валентности), строятся от «управляющего» слова, и с большей или меньшей полнотой раскрывают возможности того или иного глагола быть распространенным теми или иными предложно-падежными формами. При несомненной полезности подобных словарей, в которых реализуется лексикографический опыт лингвистики, в них не получает достаточного отражения собственно синтаксический аспект отношений между сочетающимися элементами, остаются невыясненными синтаксические потенциалы, которыми располагают эти элементы.

Во многих семантических исследованиях последнего времени, отечественных и зарубежных, в работах в области так называемой падежной грамматики недостаточен интерес к собственно синтаксическим, конст-

руктивным свойствам и возможностям падежных форм. Между тем, в силу богатства и разнообразия падежных и предложно-падежных форм при разнородности их функций функционально-синтаксический аспект проблемы для русской грамматики приобретает особую актуальность.

Исследование конститутивных единиц русского языка подтвердило мысль В. В. Виноградова о том, что имена существительные служат в русском языке «опорой большей части синтаксических конструкций»¹. Именные, а не глагольные синтаксемы оказались главным ключом к синтаксическому механизму русского языка. Описание субстантивных синтаксем составило основную часть Словаря. Принятая в лексикографии каталогизация валентностных свойств глагола минует особенности безглагольных конструкций, нивелирует различия в синтаксическом статусе субстантивных форм в глагольных предложениях, наконец, не отражает и многих глагольных конструкций, не укладывающихся в рамки глагольного «управления», «присловного синтаксиса». Ср., например, несоотносительность с глагольными сочетаниями таких предложений, как *Собак набежало; Больного знобит; Воды прибывает* (при невозможности глагольных словосочетаний **набежав собак, набегу собак; зноби больного, знобивший больного; прибывать чего* и под.). В предложениях *Счет подписывается чернилами* и *Счет подписывается контролером* одноименные формы творительного падежа представляют разные синтаксемы, находящиеся в разных отношениях с глаголом.

Путь от именных синтаксем, с характеристиками соответствующих глаголов в необходимых случаях, дал возможность полнее представить состав и безглагольных, и глагольных моделей русского предложения.

В результате такого положения вещей глагольная часть Словаря получила отраженный характер, повторяющий закономерности, установленные в именной части. За критерий отбора глаголов, включенных в раздел «Глагольные сочетания», приняты словосочетательные свойства глаголов, способность их вступать в присловную связь с «правыми» распространителями – связь, сохраняющуюся при изменении форм глагольного слова (например, *напиться воды – напился воды, напьемся воды, напейтесь воды, напившись воды* и т. д.). Не включены глаголы, реализующие только «левую», субъектную связь, поскольку она возникает на принципиально иной основе – не для распространения слова, а для построения предложения. Связи второго рода с достаточной полнотой представлены в именной части, с необходимой характеристикой соответ-

¹ Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. М.; Л., 1947.

ствующих глаголов, с двусторонней информацией о синтаксических свойствах обеих сочетающихся сторон.

Глагольные сочетания сами по себе представляют различные типы по характеру взаимной связи с именной синтаксемой, что получает частичное отражение и в используемых терминах: глагольным словосочетанием называется сочетание глагола со связанной синтаксемой, типа В, сочетанием слов (при глаголах, при именах и т. д.) – сочетания с синтаксемами свободными, типа А, и обусловленными, типа Б. Особую разновидность сочетаний слов составляют сочетания именных синтаксем с неполнозначными (фазисными, модальными и вспомогательными) глаголами. Глагольные сочетания в Словаре даны дважды: в порядке, повторяющем расположение соответствующих субстантивных синтаксем (с индексами, отсылающими к их более подробной квалификации), и в алфавитном порядке. Наблюдения над собственными возможностями субстантивных форм позволили установить, что большинство сочетаний глаголов с именами строится не на основе управления, глагольного «требования», а на основе синсемичности, взаимной готовности обеих сторон к соединению, при наличии общих сем. Круг собственно управляемых, связанных синтаксем, отражающих индивидуальную, лексическую сочетаемость, оказался минимальным.

Сочетаемость, таким образом, предстает в Словаре не как лексическая, а как семантико-грамматическая проблема, устремленная к выявлению обобщающих закономерностей синтаксических связей.

6. Функциональная классификация синтаксем дает ответы на ряд центральных вопросов теории предложения: о предикативном минимуме предложения, о возможностях и способах выражения главных компонентов различных моделей русского предложения, о возможностях и способах распространения моделей, о характере и степени присловной связи. Ряд нерешенных синтаксических проблем: проблема субъекта предложения, проблема «детерминантов», проблема сильного и слабого управления и др. своим затянувшимся существованием обязан тому, что наблюдались следствия, а не причины – причины еще не были выявлены. Эти причины – в наличии системно-синтаксических потенций у синтаксем определенных функциональных типов.

Последовательное описание моделей как результата реализации потенций предназначенных для их построения синтаксем подтверждает тезис о принципиальной двусоставности русского предложения. В этом тезисе, как в фокусе, сходятся логико-философские, гносеологические предпосылки и языковые данные: отображающий разные виды отношений действительности рече-мыслительный акт, претворяющийся в пред-

ложение, заключается в предикативном (в плане модальности, времени и лица) отнесении признака к предмету, его носителю. Именование предмета само по себе или именование признака, не приписываемого ничему, не составляет содержания предложения.

Выделение односоставных предложений было исторически прогрессивным шагом в упорядочении синтаксических конструкций на том этапе синтаксической теории, когда она:

во-первых, не преодолела морфологического ограничения, наложенного на представления о способах выражения предизируемого (подлежащего); в силу этого синтаксически не оправданного ограничения за односоставные принимались предложения с обязательным субъектным компонентом (предизируемым), выраженным определенными формами косвенных падежей;

во-вторых, не разграничивала язык и речь; в результате этого неразграничения за односоставные принимались речевые реализации двусоставных языковых моделей с контекстным или ситуативным эллипсисом предизируемого компонента (подлежащего): в силу присущей речи ситуативности (актуализованности категорий «я – здесь – сейчас») и сопротивления избыточности этот компонент часто оказывается избыточным, хотя место и способы его выражения остаются фиксированными.

Полученные в Словаре перечни моделей выявляют регулярные способы выражения предизируемого компонента русских предложений разных типов: обусловленные синтаксемы со значением личного субъекта предизируемого признака (*Он в тревоге; У него озноб; Ему весело; Его знобит; С ним обморок; В нем недоброта и недоверчивость* и т. п.), свободные синтаксемы с локативным значением, некоторые темпоративные в предложениях, предикативно характеризующих неличный субъект – называемое место или время (*За окном (на дворе, на улице) мороз (морозно, морозит); Над равниной побелело (месяц, туманно); На солнышке тепло (припекает, капель); В лесу сумрак (сумрачно, смеркается)* и т. п.; *Восьмого марта – Международный женский день; Сейчас – полночь* и т. п.); отвлеченные имена и инфинитив во вторичных, полипредикативных моделях – с иным набором предикативных признаков; особые формы выражения главных компонентов закреплены за экспрессивно-модальными модификациями предложений.

Диалектическая противопоставленность в предикативном единстве предметного и признакового содержания в разной степени абстракции от конкретного – вот структурно-семантическая основа предикативного минимума (модели) предложения и вместе с тем основание для иерархической классификации моделей по типам отображаемых внеязыковых

отношений, в их соотнесенности с соответствующими языковыми средствами и ступенями логико-мыслительного процесса осмысления действительности.

Что касается «детерминантов», или распространителей предикативного минимума предложения, существование которых как особого синтаксического явления было отмечено А. Х. Востоковым, А. В. Добиа-шем, Л. В. Щербой, позже В. В. Виноградовым и терминологизировано Н. Ю. Шведовой, следует сказать, что множественность обсуждавшихся в литературе их признаков, или критериев опознавания, необязательных в совокупности, лишь частично применимых в разных случаях, свидетельствует сама по себе о принципиальной неоднородности наблюдаемого объекта, рамки которого оказались неправомерно расширенными. Дискуссия о детерминантах может идти далее либо путем наращивания как перечней детерминантов, так и их факультативных признаков, либо путем дифференциации материала с иной точки отсчета.

Действительно, изучение функциональных потенций именных синтаксем показывает, что роль распространителей предложения свойственна только свободным и обусловленным синтаксемам, но не связанным, которые не способны разорвать присловную связь (речь не идет, конечно, о случаях эллипсиса). То, что детерминантами, т. е. распространителями предложения, считают «основные семантические компоненты предложения субъект, объект», выражаемые формами косвенных падежей (*Ему весело; У него бодрое настроение; С женщиной беда; За ним долг; Сыну год; Старику нездоровится; У отца три сына; От муравьев польза; С сердцем плохо, На уме – развлечения; В ребенке нет зла* и т. п.), можно объяснить только как результат наложения привычных падежных критериев членов предложения на реальные структуры.

Думается, что задача дальнейшего изучения распространителей предложения – не столько в распределении их по разрядам обстоятельств, сколько в дифференциации характера их отношений с распространяемым целым: существенно различна связь, допустим, между действием и локальной его характеристикой, с одной стороны, и между действием и его причиной, следствием, условием – с другой: в первом случае связь поддается непосредственному наблюдению, во втором конструируется в результате логической операции в сознании субъекта речи. Эти различия ставят соответствующие конструкции в разные парадигматические ряды в системе синтаксических средств.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Н. Н. Прокопович

СЛОВСОЧЕТАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СЛОВСОЧЕТАНИЕ И СЛОВО

1. Черты, сближающие словосочетание со словом

Исторически сложившись в строе предложения, способность слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, распространяться путем присоединения к ним других слов, также знаменательных, но уже зависимых от первых слов, привела к возникновению и развитию в русском языке тех языковых единиц, которые получили название словосочетаний (групп слов, или синтагм). Представляя собой такие грамматические единства, которые состоят минимально из двух полнозначных (не служебных) слов, связанных между собой по законам или правилам данного языка, они обычно «выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения»¹ и занимают своеобразное положение по отношению к таким языковым единицам, как слово и предложение. Проявляя значительную близость к ним, словосочетание вместе с тем характеризуется чертами, резко отличающими его и от первого, и от второго. Именно это и служит основанием для выделения словосочетаний в самостоятельные единицы.

Прежде всего, словосочетание, как и слово, выполняет коммуникативную функцию в языке только через предложение, в его составе. Как и слово, оно либо служит материалом для построения предложения, реализуется в нем, выполняя ту или другую синтаксическую функцию, либо, снова как и слово, предидируясь, образует самостоятельное предложение и включается в речевую цепь уже в этом качестве. Поэтому словосочетания можно изучать в составе предложения как его структурные элементы. С другой стороны, их можно изучать и вне предложения «как разные виды сложных названий».

Как и слово, словосочетание лишено свойственной предложению, обязательной для него предикативности. Для словосочетания не только не типичны, но и чужды синтаксические категории модальности, времени и лица, обязательные, напротив, для предложения. Поэтому возник-

¹ *Виноградов, В. В.* Введение ко II тому «Грамматики русского языка» / В. В. Виноградов. М., 1960. С. 10.

новение предикативности в словосочетании ведет к его распаду или превращению в предложение.

Подобно тому как слова распределяются по частям речи, словосочетания по их стержневым словам обычно подразделяются на глагольные, именные (субстантивные и адъективные), наречные и т. д. При этом словосочетание сохраняет присущую стержневому слову способность изменяться по формам, в связи с чем возникают парадигмы словосочетаний: ср. *лампа, лампы, к лампе, перед лампой* и т. д. и *лампа с красным абажуром, лампы с красным абажуром, к лампе с красным абажуром; бронзовый от загара, бронзовая от загара, бронзовые от загара; решить задачу, решил задачу, решив задачу, решивший задачу* и т. д.

Выполняя коммуникативную функцию только через предложение, словосочетание, в отличие от него, лишено и интонации сообщения.

Близость к слову особенно ярко проявляется в присущей словосочетанию способности выступать в качестве номинативного средства, использоваться для обозначения предметов, явлений, процессов, качеств, свойств и т. д. Способность словосочетаний служить названиями, использоваться для номинации, хотя иногда и с оговорками, отмечали многие исследователи-синтаксисты.

Отмечалась и совершенно очевидная связь между фразеологическими единицами и свободными словосочетаниями. Последние служат основой для образования фразеологизмов многих типов, повторяющих структуру свободных словосочетаний. В то же время многие модели свободных словосочетаний обнаруживают очень тесную спаянность компонентов и другие черты, сближающие их с фразеологическими единицами. В результате этого в некоторых случаях возникают затруднения в отнесении того или иного сочетания к свободным или к фразеологическим¹.

Способность обозначать единые, хотя и расчлененные названия действий-процессов, предметов, качеств-свойств и т. д. легко обнаруживается в самых разнообразных моделях словосочетаний всех разрядов.

Это легко обнаруживается в таких, например, глагольных словосочетаниях, как: *надеяться на успех, участвовать в работе, верить в победу, баллотироваться в депутаты, решать задачу, нарушить правило* и т. п.

¹ *Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. Ч. 3 / О. С. Ахманова. Учпедгиз, 1957. С. 166 и сл. (в частности, указание на «те словосочетания, которые занимают как бы промежуточное положение между свободными словосочетаниями и собственно фразеологическими единицами...», стр. 171).*

Это же наблюдается и в различных моделях субстантивных словосочетаний: с зависимым прилагательным (или причастием): *известный актер, черкесская шапка, стерляжья уха, зеленеющие кусты, пограничная застава, автомобильный завод* и др.; с зависимым существительным: *лампа с абажуром, анализ крови, шуба на соболях, дом с мезонином, щи с мясом, склонность к анализу, полка для книг, сюртук с барского плеча, начало весны* и т. п.; с зависимым инфинитивом: *потребность высказаться, необходимость переменить разговор, приказ выступить* и др.

О возможности использования свободных словосочетаний в номинативной функции ярко свидетельствуют и адъективные словосочетания: *богатый пшеницей, сильный духом, широкий в плечах, медлительный в движениях, оригинальный по форме, глубокий по содержанию, вредный для здоровья, горький на вкус, приятный на слух, близкий к отчаянию* и мн. др.

Конечно, степень спаянности компонентов словосочетания, а отсюда и степень яркости номинативного единства в словосочетаниях различных разрядов и различных моделей может быть неодинаковой. Так, в кругу адъективных словосочетаний тесной спаянностью своих компонентов характеризуются модели с зависимым существительным в винительном падеже и предлогом на, такие, как: *легкий на ногу, слабый на язык, крепкий на ухо* и т. п. На это обратил внимание еще А. Х. Востоков, отметивший возможность синонимической замены их соответствующими отдельными словами (*проворный, болтливый, глухой*). Сюда же можно отнести и другие модели адъективных словосочетаний: *широкий в плечах, узкий в груди* и т. п., наряду с которыми в русском языке существуют соответствующие, синонимичные им сложные слова (*широкочелый*).

Еще ярче тесная связь компонентов адъективного словосочетания как обозначающего качественный признак предмета обнаруживается в таких моделях, как *синий в клеточку, черный в серую полоску, голубой с искрой, гнедой с извилистой проточиной, серый в яблоках* и под. Такие словосочетания совершенно очевидно выступают в качестве целостных названий цвета, масти животного и т. д., т. е. в качестве номинативного средства.

Очень показательны в рассматриваемом отношении многие широко употребительные модели адъективных словосочетаний с некоторыми разрядами наречий в роли зависимого слова: *беспечно спокойный, намеренно ворчливый, удручающе скучный, экономически выгодный, морально устойчивый* и под. Такие словосочетания обнаруживают большую близость к отдельным словам, точнее, сложным прилагательным, и исполь-

зуются в речевой практике для обозначения единых, хотя и сложных наименований качеств, свойств предметов. Именно этим прежде всего объясняются случаи неправомерного смешения сочетаний такого типа и сложных прилагательных, что вызывает колебания в соответствующих написаниях и затруднения в составлении правил слитного или раздельного (дефисного) написания.

Весьма отчетливо, естественно, тесная связь компонентов словосочетаний различных разрядов обнаруживается в тех случаях, когда в качестве стержневого сочетания выступают слова с конструктивно-обусловленным значением. «Реализация определенного (именно такого, а не другого возможного для этого слова) значения невозможна вне зависимости от соответствующей конструкции»¹, что обуславливает максимально тесную связь компонентов, а вместе с тем максимальную «номинативность» словосочетания: *с особым чувством отозвался о Соломине* (Тург., *Новь*); *плакаться на слабое здоровье*; *нужно разобраться в этом вопросе* (из газеты), где разобраться имеет конструктивно-обусловленное значение «в результате опыта, наблюдений хорошо понять»; *далекий от жизни* и т. д.

Таким образом, словосочетания, характеризуясь в одних случаях большей спаянностью своих компонентов, в других – меньшей, в целом представляют собой такие грамматически организованные единства, которые способны выступать в номинативной функции, сближаясь в этом отношении со словом, хотя и не отождествляясь с ним, сохраняя резкое отличие даже от сложных слов.

3. Об объеме словосочетания (синтагмы)

Хотя вопрос об объеме словосочетания и не стоял в центре внимания исследователей и теоретиков синтаксиса, почти все они в различной степени его касались. Ученые, рассматривавшие предложение лишь в качестве разновидности словосочетания специально не ставили вопроса об объеме и границах словосочетания, так как в последнее включались даже сложные предложения. Это же можно сказать и о тех ученых (А. А. Шахматов, А. М. Пешковский), которые, опираясь на синтаксическую концепцию Фортунатова, хотя каждый различно, стремились к объединению учения о словосочетании с учением о предложении. В работах этих ученых отмечается минимальный объем словосочетания – наличие по крайней мере двух полнозначных слов. Такое указание нахо-

¹ *Виноградов, В. В.* Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 26–28. (Два первых примера заимствованы отсюда же).

дим, например, у Фортунатова, определявшего словосочетание как «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения или выражение его части»¹. Пешковский в определении словосочетания указывает как его минимальный объем два компонента («словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли»²).

В советском языкознании последнее десятилетие характеризуется особенно большим интересом к проблеме словосочетания, и в частности к его объему. Вопрос об объеме и границах словосочетания, хотя и попутно (и в различной мере), затрагивается в работах многих советских лингвистов.

А. А. Реформатский, рассматривая синтагму как «сочетание двух членов, связанных тем или иным отношением с неравноправной направленностью членов», в самом определении подчеркивает ее двучленность. Так как при этом предложение определяется как «высказывание, содержащее предикативную синтагму»³, Реформатский встречается с тем же затруднением, с каким и раньше сталкивались ученые, не разграничивающие синтагму (словосочетание) и предложение (см. выше): оказывается необходимым каким-то путем ввести в синтаксис однословные предложения⁴.

Объем словосочетания определяется прежде всего с точки зрения минимального количества составляющих его компонентов: словосочетание состоит не меньше чем из двух полнозначных слов. Определение минимального объема важно прежде всего потому, что именно простое, двусловное словосочетание лежит в основе словосочетаний усложненной структуры; с другой стороны, это важно для отграничения словосочетания от предложения. Наличие наряду с простыми словосочетаниями сложных, с одной стороны, обуславливает необходимость соответствующего указания в самом определении словосочетания, а с другой — ставит вопрос о границах усложнения словосочетания, о его максимальном объеме.

¹ *Фортунатов, Ф. Ф.* О преподавании грамматики русского языка в средней школе: Избранные труды. Т. II / Ф. Ф. Фортунатов. М., 1957. С. 451.

² *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. М., 1956. С. 63.

³ *Реформатский, А. А.* Введение в языкознание / А. А. Реформатский. М., 1960. С. 265–272.

⁴ *Мещанинов, И. И.* Структура предложения / И. И. Мещанинов // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 31.

Объем словосочетания, будучи обусловлен его грамматической природой, в то же время облегчает выяснение последней и входит в круг признаков, характерных для словосочетания как особой единицы.

Словосочетание представляет собой номинативное единство, используемое, как и слово, в построении предложения, хотя при этом оно сохраняет и свои отличия от слова. Это характерно как для простого, так и для сложного словосочетания и служит основой установления границы усложнения простого словосочетания.

Сложное словосочетание не может выходить за рамки выражения единого, хотя и сложного значения.

Объем словосочетания и границы его усложнения неразрывно связаны с качественным отличием от предложения. Словосочетание состоит минимум из двух слов, предложение может состоять и из одного слова, ибо свойственная последнему и чуждая словосочетанию предикативность может быть заключена и в одном слове (причем не обязательно спрягаемом глаголе). Поэтому так называемые предикативные словосочетания (т. е. соединения подлежащего со сказуемым) с точки зрения объема не однородны со словосочетаниями и не должны включаться в их систему.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В. В. Бабайцева

СИСТЕМА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ГЛАВА V. КЛАССИФИКАЦИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как ядро категорий рассматриваем при описании члены предложения, характеризующиеся полным набором дифференциальных признаков. Кроме того, типичными членами предложения считаем и те, в которых отсутствие или ослабление какого-либо признака, а также появление какого-либо признака, свойственного другой категории, не оказывает влияния на синтаксическое (категориальное) значение члена предложения.

При описании каждой категории членов предложения отмечаем как периферийные для данной категории синкретичные члены предложения.

Главные члены предложения

Главные члены предложения (подлежащее и сказуемое) образуют структурную схему предложения и обычно выражают языковой компонент семантики предложения. Они могут быть не только в двусоставных, но и в односоставных предложениях (или подлежащее, или сказуемое).

Подлежащее

Понятие о подлежащем

Как структурно-семантический компонент предложения типичное подлежащее имеет следующие дифференциальные признаки: 1) входит в структурную схему предложения (является главным членом предложения); 2) выражается существительным, местоимением в форме им. п.; 3) является структурно независимым словом; 4) занимает позицию перед сказуемым; 5) обозначает предмет речи (субъект мысли); 6) имеет категориальное значение деятеля и носителя признака; 7) выражается идентифицирующими словами; 8) обозначает «данное» (тему).

Эти свойства и составляют совокупность дифференциальных признаков понятия типичного подлежащего. Именно эти свойства подлежащего в разных комбинациях и с разной степенью полноты используются для определения понятия подлежащего в лингвистической и лингвометодической литературе.

Трудно дать исчерпывающее определение подлежащего из-за того, что даже включение всех отмеченных выше свойств подлежащего не охватывает всех случаев представления подлежащего в речи. <...> Так, подлежащее может обозначать не только тему, но и рему: – *Кто пашет? – Отец пашет*, занимать позицию после сказуемого: *Есть в русской природе усталая нежность, Безмолвная боль затаенной печали, Безвыходность горя, безгласность, безбрежность, Холодная высь, уходящие дали* (Бальмонт). <...>

Семантика подлежащего

Семантика подлежащего многослойна: в ней можно выделить два основных компонента – языковой и речевой, которые в свою очередь могут быть дифференцированы. Языковой компонент включает логический компонент (подлежащее обозначает предмет речи) и категориальное значение. Речевой компонент объединяет лексическое значение и коммуникативную нагрузку с различного рода коннотациями (дополнительными смыслами). Оба основных компонента отражают связи и отношения с другими членами предложения.

Подлежащее обычно выражается идентифицирующими словами, позволяющими «адресату речи выбрать нужную вещь из поля его непосредственного или опосредованного восприятия». Этим самым подлежащее, обозначая «данное», привязывает предложение к конкретной ситуации, так как «служит знаковым заместителем предмета»¹. Именно подлежащее позволяет «зацепить» высказывание за мир»².

Семантика подлежащего выявляется универсальным вопросом «О ком или о чем говорится в предложении?», известным уже в начальной школе. Чтобы показать достоинство и недостатки этого вопроса при выделении подлежащего, сравним предложения:

1. *Черемуха душистая весною расцвела* (Есенин).
2. *Ветви душистой черемухи смотрят мне в окно* (Лермонтов).
3. *Приятно пахнет цветущей черемухой.*

В речевой семантике этих предложений все внимание приковано к душистой (цветущей) черемухе, поэтому естественно, что на вопрос *О чем говорится в предложениях?* будет ответ: *о душистой (цветущей) черемухе*. Любой другой ответ на этот вопрос будет искусственным, не соответствующим речевой практике, противоречащим коммуникативной

¹ Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. М., 1976. С. 326, 329.

² Арутюнова, Н. Д. Лингвистические основы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982. С. 6.

установке авторов этих предложений. Не случайно разные авторы выделяют среди многих признаков черемухи как предмета объективного мира ее аромат.

Предмет речи / мысли и подлежащее точно соотносятся только в первом предложении. Именно здесь налицо вся совокупность свойств подлежащего как структурно-семантического компонента предложения. Не удивительно, что учащиеся уже в начальной школе усваивают такое подлежащее и не допускают ошибок при выделении его и ему подобных.

Второй пример требует более тонкого анализа. Логический субъект / данное *ветви душистой черемухи* образует состав подлежащего, но в этом составе структурно независимое положение занимает существительное *ветви*, семантически более бедное, чем весь состав подлежащего.

Еще сложнее для анализа третий пример, где есть предмет речи (иначе незачем и предложение строить!), но нет подлежащего, так как нарушено соотношение между логическими и синтаксическими категориями, чем достигается выражение тонких смысловых оттенков – здесь актуализируется действие *пахнет*. И в этом предложении также говорится о душистой черемухе, но подлежащего нет.

Универсальный вопрос «О ком или о чем говорится в предложении?» в практике преподавания корректируется вопросами им. п. *кто?* и *что?* А. М. Пешковский хорошо сказал об абстрактном характере этих вопросов: «Есть два слова в нашем языке, которые прекрасно выражают это общее значение предметности. Это слова *кто* и *что*. Вещественное значение их трудно определимо и во всяком случае очень отвлеченно. И вот эта-то отвлеченность и делает эти слова прозрачнее в отношении их формальных значений, подобно тому как пустой стеклянный сосуд гораздо лучше обнаруживает свою форму, чем наполненный. Когда мы спрашиваем *кто* и *что*, мы не называем никакого предмета (да и не знаем его, иначе не спрашивали бы), а только показываем своим вопросом, что то, о чем мы спрашиваем, нам представляется как предмет, а не как качество или действие. Значит, в этих словах выступают не сами предметы, а как бы одна чистая предметность, чистая «существительность», это идеальные существительные»¹.

Вопросы *кто?* и *что?* позволяют дифференцировать лицо и собственно предмет, а также выделить в предложении структурно независимое слово, выполняющее роль подлежащего.

¹ Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. 7-е изд. М., 1958. С. 73.

Категориальная семантика подлежащего включает следующие основные значения:

1) значение активного деятеля (лица или предмета): *После завтрака Катя шла на острова, брала с собой книгу или вышивание. Незримо по лесам поет и бродит осень* (Бунин);

2) значение носителя признака (лица или предмета): *Вернер – человек замечательный по многим причинам* (Лермонтов); *Молчание всегда красиво, а молчаливый всегда красивее говорящего* (Достоевский); *Безграничны сокровища русского языка* (Луговской);

3) значение лица или предмета, находящегося в каком-либо состоянии: *Заводь спит* (Бальмонт); *Раскольников был в чрезвычайном волнении* (Достоевский);

4) значение лица или предмета, бытие, отсутствие / наличие которого раскрывается в сказуемом: *Стоит вечер, золотой пылью рассыпался сухой закат над крышами* (Тендряков); *Был мальчик, звали его Филипп* (Л. Толстой); *Жили на свете роза и жаба* (Гаршин);

5) значение лица или предмета, находящегося в определенных отношениях с другими лицами и предметами: *Я помню чудное мгновенье* (Пушкин); *Я памятник себе воздвиг нерукотворный* (Пушкин); *Снится ей белая роца и травяные дуга* (Есенин); *И сам я вам ни капельки не нужен* (Есенин).

Семантика подлежащего обусловлена как лексико-грамматическими свойствами слов, выполняющих функцию подлежащего, так и теми компонентами, которые привносятся связью со сказуемым. Так, наиболее важные значения деятеля и носителя признака связаны с характером сказуемого: глагольного и именного. Значение деятеля подлежащее имеет обычно в предложениях с глагольным сказуемым, а значение носителя признака – в предложениях с именным сказуемым. Одно и то же существительное в функции подлежащего может быть и деятелем, и носителем признака. Ср.: *Пушкин родился в 1799 году. – Пушкин – это праздник человека. – Пушкин больше чем национален* (А. Н. Толстой).

Способы выражения подлежащего

Способы выражения подлежащего – самый яркий дифференциальный признак подлежащего. Эталоном подлежащего являются существительное и местоимение в им. п., так как существительное **называет** предмет речи, а местоимение **указывает** на него.

Отметим следующие способы выражения подлежащего:

1) Наиболее типичной формой выражения подлежащего является имя существительное в им. п. Подлежащее, выраженное существительным, может обозначать живое существо, неживой предмет, понятие, яв-

ление и т. д. в соответствии с предметным значением имени как части речи: *Гудит тайга, и слышен в целом мире звон топоров из Западной Сибири, и жарко светит зимняя заря* (Алигер).

В некоторых случаях сущ. в им. п. (*люди, человек, дело* и под.) не обладают информативной достаточностью и употребляются с семантическими конкретизаторами или имеют семантику неопределенности: *Гордятся люди земли советской своей красавицей Москвой* (Долматовский); *Хороший, живой человек всегда куда-нибудь стремится, чего-то ищет* (Горький); *Люди говорили, что когда-то старик был женат, а в дом въехал уже вдовым* (Ю. Яковлев); *Вдруг говорят мне: человек вас спрашивает* (Тургенев).

2) Подлежащее может быть выражено личными, вопросительными, относительными, отрицательными и неопределенными местоимениями. Особенно частотны подлежащие, выраженные личными местоимениями: *Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?* (Пушкин). Выразительны редкие случаи субстантивации личных местоимений: *Не «я», но «мы» – вот начало освобождения личности! До поры, пока будет существовать нечто «мое», – «я» не вырвется из крепких лап этого чудовища...* (Горький).

Выделяя подлежащие – вопросительные местоимения, обращаем внимание на то, что в предложениях естественного языка вопрос о деятеле и признаке включается в предложение. Думается, что и в учебно-методических целях не следовало бы изолировать вопрос к подлежащему: – *Кто идет?* (Васильев); *Что шумит-звонит перед зарею? Что колышет ветер в темном поле?* (Бунин); *Что же было ведущим, определяющим в литературе и искусстве на протяжении этих удивительных лет жизни народа? Этим ведущим и определяющим было начало героическое* (Смирнов).

В таких вопросах в сказуемом названы известные действия, признаки, местоимения замещают предмет (деятеля, носителя признака) и в ответных предложениях подлежащее содержит рему.

Местоимения *кто* и *что* могут выполнять и функцию сказуемого в предложениях, в которых назван предмет или указано на него, но неизвестны его действия или признаки: *Кто ты, мой ангел ли хранитель?..* (Пушкин); – *Слушай, парень, кто ты такой? Откуда бежал? Мы русские, русские! Ты кто?* (Бондарев).

При указательных местоимениях в простом предложении чаще других в роли подлежащего функционирует местоимение *это*, семантическая значимость которого определяется тем, что оно вмещает. Это в роли подлежащего может указывать на предложение или ряд предложений, на

существительное, субстантивное или инфинитивное словосочетание, а также на наглядно-чувственные образы, вводя их в структуру выражаемой мысли: *И в это время в вышине послышался густой нарастающий звук. – Что это? – спросила девушка. – Самолеты, наверное, идут воздушные маневры* (Ю. Яковлев).

Своеобразие рассматриваемых предложений определяется специфической лексико-грамматических свойств слова *это*, которое в силу своего местоименно-указательного значения способно вводить в семантическую структуру предложения компоненты, различающиеся степенью лексической конкретности и в значительном количестве случаев осложняющие выражаемую мысль указанием на наглядно-чувственные образы.

Указательное местоимение *тот* и его формы, а также относительные местоимения часто выполняют роль подлежащего в предикативных частях сложноподчиненного предложения: *Тот живет без печали и гнева, кто не любит отчизны своей* (Некрасов); *Те, кто перестраивает действительность, знают, что в ней является важным, а что второстепенным, что помогает и что мешает революционному преобразованию жизни* (Ермилов); *Людям, которые умеют держать себя с достоинством под выстрелом, многое, очень многое прощают* (Куприн).

Из других разрядов местоимений наиболее часто употребляются роли подлежащего субстантивированные определительные местоимения *всё* и *все*, неопределенные *кто-то* и *что-то*, отрицательное *никто*.

В семантико-стилистическом аспекте особенно интересны местоимения-подлежащие *всё*, *кто-то* и *что-то*: *Все торжествовали победу; всё кипело жизнью в разоренной и оживающей столице* (Л. Толстой); *В избе установилась мертвая тишина. Вдруг кто-то в задних рядах старательно крикнул, и всё задвигалось, зашевелилось, заговорили все сразу, послышались отдельные крики и возгласы* (Белов). Лица обычно обобщаются местоимением *все*, а предметы – местоимением *всё*. Употребление местоимения *всё* для обобщения лиц и предметов одновременно играет важную семантико-стилистическую роль. <...>

Неопределенность одушевленного деятеля в русском языке выражается обычно неопределенно-личными предложениями и неопределенным местоимением *кто-то*, а также *кто-нибудь*, *кто-либо* и др. *Кто-то спуускался к источнику* (Тургенев); *Вот если бы кто-нибудь подарил мне золотую розу* (Паустовский).

Вместо *кто-то* может употребляться *что-то* для усиления степени неопределенности: *Наконец вдруг что-то засвистело вдали: это был отдаленный крик петуха* (Гоголь).

3) Позицию подлежащего могут занимать все части речи. Различаются три разновидности:

а) подлежащие, выраженные субстантивированными словами, т. е. словами, приобретающими при этом некоторые свойства существительных: *Счастливые часов не наблюдают* (Грибоедов); *Будущее принадлежит людям честного труда* (Горький). Субстантивация частей речи приводит к образованию гибридных слов, характеризующихся семантической емкостью. Так, для субстантивированных прилагательных и причастий характерно сочетание категориального значения предметности со значением признака предмета, т. е. они одновременно называют лица, предметы и т. д. и их признаки. Синкретичный характер субстантивированных причастий обуславливает их распространение «слева» и «справа»: *Поднявший меч от меча и погибнет* (А. Невский); *Признающийся в любви всегда беззащитен* (Матусовский); *Все работающие на транспорте обеспечиваются бесплатным проездом в трамвае, автобусе, троллейбусе* (из газет);

б) подлежащие, выраженные словами, не подвергающимися субстантивации. Так, в схему предложения *Но – союз* можно вставить слова любой части речи, даже спрягаемую глагольную форму: *Читаешь – глагол в форме 2 л. ед. ч.*; *Ах – междометие*; *Как будто – союз и частица*; *Вдруг – наречие* и т. д.;

в) подлежащие, выраженные словами с окказиональной субстантивацией: *Кончилось мое «еще», началось мое «уже»* (Слуцкий); *Конечно, «сначала» и «потом» очень условны* (К. Чуковский); *Далече грянуло ура* (Пушкин); *Вот раздалось «ау» вдалеке* (Некрасов); *Громкое русское «ура» совершенно неожиданно обрушилось на переправившихся через реку немецких солдат* (Симонов).

Пунктуация предложений с междометиями в позиции подлежащего не унифицирована. Возможен и вариант с кавычками и восклицательным знаком. Это зависит от степени утраты междометием предложенческой интонации.

Возможны и подлежащие, выраженные звукоподражаниями: *Сегодня утром его «Хо-хо-хо» вдруг раскатилось по всем палатам* (Полевой).

4) Подлежащее, выраженное инфинитивом¹ (инфинитивное подлежащее), очень емко в семантическом отношении, так как инфинитив сохраняет свою синкретичную природу и в этой функции.

¹ См. более подробные сведения об этом типе подлежащего: *Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке* / П. А. Лекант. М., 1986.

Бесспорные случаи инфинитивного подлежащего можно иллюстрировать следующими примерами: *Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка* (Пушкин); *Смотреть на все это – грустно* (Горький); *Быть молодым и не уметь – это сносно; но состариться и не быть в силах – это тяжело* (Тургенев); *Быть простым и сильным – вот линия моей жизни* (Нагибин); *Радовать читателя «красивыми переплесками слова» не есть цель творчества* (Цветаева).

Для таких предложений характерно четкое распадение на два состава – состав подлежащего и состав сказуемого. В устной речи это выражается интонацией, в письменной речи – знаком «тире». Деление на два состава может быть оформлено и с помощью частиц *это* и *вот* и вспомогательных глаголов.

Инфинитив может выполнять роль подлежащего и в том случае, если инфинитивная группа стоит после состава сказуемого, включающего предикатные слова: *Какое же счастье быть земским врачом!* (Чехов). Инверсия подлежащего связана с актуализацией инфинитивного подлежащего, признак которого раскрывается в сказуемом. Однако в предложениях, включающих в состав сказуемого местоименное *это* с разной степенью утраты синтаксической самостоятельности, «новым» (ремой) может быть и состав сказуемого. Препозиция усиливает его семантическую значимость и эмоциональный характер предложения: *Большое это удовольствие жить на земле!* (Горький); *Сейчас это замечательно – быть инженером* (Эренбург). Интерпозиция слова *это* в первом предложении лишает его синтаксической самостоятельности, превращает в частицу. Во втором предложении инфинитивная группа – уточняющее подлежащее¹.

В безличных предложениях со словами, имеющими модальное значение, инфинитив в любой позиции входит в состав сказуемого. Препозиция инфинитива в таких высказываниях – одно из средств его актуализации: *Мне при жизни с вами сговориться б надо* (Маяковский); *Вам одеваться было лень и было лень вставать из кресел* (Цветаева).

5) Подлежащее может быть выражено цельным словосочетанием, а также сочинительным сочетанием: *Через час пришло десять бойцов* (Б. Васильев); *Десятки тысяч лопат сверкали на изломанной линии рва* (Первенцев); *Кто из вас не любовался старыми дубами?* (Соколов-Микитов); *Однажды Лебедь, Рак да Щука везти с поклажей воз взялись*

¹ См.: *Бабайцева, В. В. Переходные конструкции в синтаксисе / В. В. Бабайцева. Воронеж, 1967.*

(Крылов); Любовь и тайная свобода внушали сердцу гимн простой (Пушкин).

6) При выражении значения приблизительности и других количественных значений подлежащее может быть выражено предложно-падежным сочетанием: *около часа, до ста человек, с десятков домиков, по делегату* и под.: *Было около девяти часов, когда он проходил по Сенной* (Достоевский); *Перед мостом, уже подожженным, скопилось около десятка танков* (Бондарев)¹; *Приехало по делегату от школы; В приуральских местах мне доводилось наблюдать большие тетеревиные токи, на которые слеталось больше сотни птиц* (Соколов-Микитов); *Свыше ста тысяч рек протекает по необъятным просторам нашей страны...* (Паустовский).

7) Значение подлежащего (предмета речи / мысли) может быть выражено предложением или группой предложений. Такие случаи наблюдаются в предложениях с прямой речью, в сложных предложениях, в составе текста: *«Буду, буду летать!» – звенело и пело в голове Алексея...* (Полевой); *«Талант! Талант!» – звучало у него в ушах* (Гончаров); *Наивен, кто в любви искал покоя* (Щипачев).

8) Позицию подлежащего могут занимать цитаты: *Ваше «быть рядом» звучит нереально, призрачно...* (Ю. Яковлев); устойчивые выражения, построенные по схеме предложения: *Клин клином вышибают – это мой принцип* (Мамин-Сибиряк).

Таковы традиционно выделенные и общепризнанные способы выражения подлежащего. Большая часть их – типичные подлежащие. Нетипичными являются случаи, когда позицию подлежащего занимают предложения, цитаты, части речи, не подвергающиеся субстантивации.

Спорные вопросы теории подлежащего

Казалось бы, положение подлежащего в системе членов предложения наиболее устойчиво и определено, так как по традиции за подлежащим закреплен им. п., что нашло полную поддержку в работах В. В. Виноградова. Однако уже в традиционном языкознании были поставлены некоторые вопросы, дискуссия по поводу которых не прекращается и до настоящего времени и приводит порой к полному пересмотру теории подлежащего. Подлежащее продолжает привлекать исследова-

¹ В этих случаях предлоги *около, до, с* и др. по функции сближаются с частицами. См.: *Блюмина, И. К. Признаки синтаксической нечленности словосочетаний, выполняющих функцию одного члена предложения / И. К. Блюмина // Русский язык в школе. 1986. № 6.*

телей с разных точек зрения¹. Среди дискуссионных вопросов на первом месте оказались случаи совмещения свойств подлежащего и других членов предложения. Среди них выделим два случая: 1) подлежащее осложняется значениями других членов предложения; 2) семантика второстепенных членов предложения осложняется семантикой, характерной для подлежащего.

Синкретичное подлежащее. Отметим следующие случаи:

а) недифференцированный (диффузный) синкретизм свойств подлежащего и сказуемого наблюдается в предложениях типа *Пожар!*²²: *За окнами непрерывно мчалось к востоку черное угрюмое небо. – Буря! – крикнул Кипренский и подбежал к окну* (Паустовский). Существительное как способ выражения главных членов характерно как для подлежащего, так и для сказуемого, так что наличие существительного не является дифференциальным признаком члена предложения. Остальные структурные признаки не выявлены. С точки зрения семантики существительное *буря* одновременно и называет предмет речи (дифференциальный признак подлежащего), и утверждает его бытие (дифференциальный признак сказуемого). Диффузный характер этого члена предложения особенно очевиден на фоне синонимичных конструкций с дифференциацией функций подлежащего и сказуемого: *Это буря* и *Буря началась (есть)*;

б) семантика подлежащего осложняется семантикой, характерной для второстепенных членов предложения, в предложениях типа *Дом строится плотниками*. В таких предложениях для подлежащего характерны все структурные признаки подлежащего, но в отличие от типичных подлежащих с комплексом структурных и семантических свойств подлежащее в страдательной конструкции имеет объектное значение, выражаемое обычно дополнением. Структурные признаки подлежащего настолько ярки, что лингвисты в таких случаях не говорят о синкретизме

¹ См.: Попов, А. С. Подлежащее и сказуемое в структуре простого предложения современного русского литературного языка / А. С. Попов. Пермь, 1974; Попов, Е. Грамматические эквиваленты им. п. подлежащего / Е. Попов // Русский язык в школе. 1971. № 4; Кибрик, А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка / А. Е. Кибрик // ИАН ОЛЯ. 1979. № 4; Никитина, С. Е. Семантика термина «подлежащее» в отечественных и европейских словарях лингвистических терминов (к вопросу о тезаурусном способе описания терминологии) / С. Е. Никитина // ИАН ОЛЯ. 1979. № 4.

² См.: Бабайцева, В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. М., 1968. С. 141–145; Казакова, А. С. Структурно-семантические свойства предложений типа «Пожар!»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Казакова. М., 1984.

свойств, хотя и отмечают специфические особенности таких предложений;

в) синкретична семантика подлежащего в предложениях с субстантивированными прилагательными и причастиями в функции подлежащего: *Смелый дерется с врагами. Провожающие вышли из вагона.* В подлежащих совмещаются значения признака-атрибута и названия деятеля. Синкретизм категориального значения подлежащего связан с морфологическим синкретизмом: в словоформах *смелый* и *провожающие* сочетаются свойства двух частей речи: прилагательного и существительного, причастия и существительного. Лексико-грамматические свойства словоформ, выполняющих роль подлежащего, ограничивают возможности появления определений к подлежащему;

г) если в подлежащем лексическим значением обозначены обстоятельственные значения, то это накладывает известные ограничения на возможности распространения предложения соответствующими обстоятельствами: *Рассвет встретил нас на реке.*

Окказиональны случаи стяжения подлежащего и обстоятельства времени: *Весь день стоит как бы хрустальный* (Тютчев); *Весь день был тусклый, бледный и туманный* (Брюсов).

Во всех рассмотренных случаях структурные признаки подавляют лексико-семантические свойства подлежащих;

д) В. Н. Мигирин отмечает функциональный синкретизм в предложениях типа *Так было (Так было принято); Бывает такое* и под. «К значению беспроцессуальной циркумстативности примешивается оттенок субъективности»¹, – пишет он. В терминах членов предложения эту мысль выразим так: здесь сочетаются значения обстоятельств и подлежащего. Например: *Бывает в жизни такое, о чем лучше помолчать* (Алексин). *Так было. Так есть. Так будет* (Астафьев).

Синонимическая близость обуславливает взаимозаменяемость таких конструкций: *Он с сомнением спросил: «А такое бывает?» – Так бывает. И так во всем быть должно* (Немченко).

Несмотря на синонимическую близость, по структурным и семантическим свойствам конструкции *Так бывает* и *Такое бывает* не вполне равноценны, так как по лексико-грамматическим свойствам *так* может квалифицироваться лишь как наречие, а *такое* – как субстантивированное местоимение-прилагательное. Следовательно, по морфологическим свойствам *так* – обстоятельство, а *такое* – подлежащее.

¹ Мигирин, В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. Бельцы, 1971. С. 105.

Обстоятельство *так* не содержит субстантивного компонента в своей семантике. В таких предложениях позиция подлежащего остается незамещенной, и в этой позиции возможны местоименные слова *это, все*: *Нет, все в мире выходит не так, как ждешь, все по-другому* (Белов); предмет речи / мысли может быть актуализирован вопросом: – *Так бывает. – Что – бывает? – Любят и жить не дают. Наверно, часто бывает* (Тендряков). Вопрос *что?* – вопрос о предмете речи / мысли, вопрос к обстоятельству был бы *как бывает?* Ср. также: *Все движется, и так оно и должно быть, и так было и будет всегда* (Проскурин). В этом предложении значения субъекта и обстоятельства выражены разными словами *так* и *оно*, а предложения при незамещенной позиции подлежащего сближаются с безличными, тем более что слово *оно* – местоименная частица, лишь намечающая позицию подлежащего.

Второстепенные члены предложения, в семантике которых есть субъектный компонент. Подлежащее является независимым членом предложения, поэтому оно реже других членов предложения осложняется свойствами других членов предложения, но легко отдает способность обозначать тему высказывания и семантический субъект другим членам предложения.

Выделим следующие дискуссионные вопросы:

1) В предложениях типа *Дом строится плотниками* и *Ветра нет* субъектное значение сочетается с объектным значением (*строится кем? нет чего?*). Словоформы типа *плотниками* и *ветра* входят в структурные схемы предложений, но не являются подлежащими, так как для этих словоформ характерны все структурные свойства дополнений и часть семантических свойств.

2) Большую историю имеет дискуссия по поводу предложений типа *Саша не спит. – Саше не спится* и *Саша весела. – Саше весело*. Синонимика таких предложений привела некоторых исследователей к отождествлению семантической структуры этих конструкций. Дателный падеж в односоставных предложениях рассматривается при этом как выражение логического субъекта (в настоящее время – семантического субъекта). Еще в традиции такой способ обозначения лица получил название «дателного субъекта» (сейчас встречается и термин «субъектный датив»).

Однако уже само сосуществование таких конструкций в течение длительного времени свидетельствует о том, что различия в информативной семантике этих синтаксических синонимов связаны с различиями в языковой семантике, обусловленной их разными структурными схемами. «Структурному различию предложений-синонимов соответствует различие в семантических оттенках: значение «состояния», звучащее в

кратком прилагательном приглушенно, как «нюанс» (ср.: *Девочка была весела. – Девочка была веселая*), в безличном предложении становится основным»¹, – пишет П. А. Лекант.

В глагольных двусоставных предложениях подлежащее обозначает активного деятеля, а в односоставных предложениях дат. п. обозначает пассивное лицо, которое испытывает состояние, не зависящие от его воли и желания.

В синонимической паре *Саша весела. – Саше весело* различны логико-семантические типы предложений: в двусоставных предложениях содержится предикативный признак предмета речи / мысли, а в односоставных выражается состояние.

3) В последние годы внимание исследователей привлекли предложения типа *С хлебом хорошо*. Словоформа *с хлебом* вызывает самые противоречивые квалификации, так как сочетает значение субъекта состояния со значением объекта.

Сравним два синонимичных предложения: *Дела с газетой обстояли неважно. – С газетой неважно*. Во втором предложении отсутствует подлежащее, и позицию его занимает словоформа *с газетой*, в которой актуализируется объектное значение, осложненное субъектным, но исчезает атрибутивный признак (*газетные дела*).

Объектный компонент в семантике таких словоформ очевиден, если позиция подлежащего занята: *Ну, с первым, с Мишей, все было просто: первенец есть первенец* (Крутилин); *Что-то с Верой неладно, – говорила она* (Гончаров); *Подумал про попутчиков, принялся сочинять их жизнь. С трактористами все ясно* (Суров). Позиция подлежащего в этих предложениях замещена местоимениями *все* и *что-то*, хотя они и не дают определенности субъекта мысли – предмета оценки.

4) Семантический «груз» подлежащего могут брать на себя и обстоятельства. Отметим следующие случаи:

а) *В лесу сыро. – Лес сырой. В лесу* – обязательный компонент структурной схемы этой разновидности безличных предложений, так как это обстоятельство места ограничивает предмет мысли (оценки в данном случае) указанием места. Таким образом, значение обстоятельства осложняется значением субъекта, что обуславливает синонимику двусоставных и односоставных безличных предложений, но не делает тождественной их семантическую структуру.

¹ Лекант, П. А. Об изучении синонимии в простом предложении / П. А. Лекант // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980. С. 193.

б) *В газетах писали, что в нашем районе будет метро.* – Газеты писали, что... В структуру неопределенно-личных предложений входят второстепенные члены, в семантике которых есть характеристика субъекта действия указанием его местонахождения, места работы и т. д. Неопределенно-личные предложения по семантике богаче двусоставных предложений, так как в них указывается место действия и отмечаются некоторые признаки деятеля: *В редакции для начала мне предложили написать о восстановлении железных дорог* (Сажин); *В Сибири не любят горячку и спешку* (Сурков).

Как и в других случаях, в этих конструкциях остается незанятой позиция подлежащего. Ср.: *В этом городе люди любили спорить, любили сообщать друг другу новости...* (Астахов). Факультативное подлежащее *люди* свидетельствует о том, что в словоформе *в городе* доминирует значение места, что позиция подлежащего остается свободной даже при наличии синкретичного обстоятельства места.

Многие из рассмотренных случаев отмечены в работах Н. Ю. Шведовой как детерминанты с субъектным значением. Семантический синтаксис, введя понятие семантического субъекта, не учитывает в этих членах предложения других семантических компонентов, явно преобладающих и поддержанных структурными свойствами.

5) В лингвистической литературе нет единого мнения о структуре предложений типа *Пароходов было два*. По поводу этих конструкций есть три точки зрения.

Одни ученые считают, что такие предложения двусоставны: в одном составе называется предмет высказывания (субъект), в другом дается определение количества (логический предикат). Первый состав – подлежащее, второй – сказуемое¹.

Другие склоняются к тому, чтобы толковать предложения этого типа как переходные между двусоставными и односоставными (безличными)².

Согласно третьей точке зрения, разъединенные количественно-именные сочетания представляют собой «нумеративные подлежащие»³. Эта точка зрения отражена и в «Русской грамматике – 80»: «... при актуализации возможно позиционное расчленение компонентов подлежащего и вынесение одного из компонентов в начало предложения: «Со-

¹ См.: Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. М., 1973. Ч. II. Синтаксис. § 74.

² См.: Скобликова, Е. С. Сказуемое при подлежащем с количественно-именным сочетанием / Е. С. Скобликова // Вопросы культуры речи. Вып. II. М., 1959. С. 93.

³ См.: Попов, А. С. Предложения с разъединенными количественно-именными сочетаниями и нумеративные подлежащие в современном русском литературном языке / А. С. Попов // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Пермь, 1974.

бралось много школьников. – Школьников собралось много, – Много собралось школьников...» (§ 2241. – С. 241). По мнению Н. Ю. Шведовой, аналогичная мена форм имени и расчленение количественного сочетания имеет место и в предложениях *Мы купили две тетради. – Тетрадей мы купили две* (Русская грамматика – 80. С. 241). Эту же точку зрения разделяет и Н. Д. Арутюнова: «... актуализация количественного определения в общем случае не выходит за пределы изменений в его актуальном членении»¹.

Нельзя не отметить справедливости этих рассуждений, но очевидно и то, что Н. Ю. Шведова анализирует в основном предложения, не меняющие логико-семантического типа при актуализации их компонентов. Ср. также: *Часов в пять, в шестом встал и направился к кустам надеяться ежевикой...* *Ежевика* (тема) *росло много* (рема) (Суров); *Снегу намело в эту зиму* *видимо-невидимо* (Нилин). В этих предложениях сказуемые выражены полнозначительными словами, и семантика предложений не изменяется при любом порядке слов, а количественно-именные словосочетания, несмотря на дистантное расположение их компонентов, входят в состав одного члена предложения – подлежащего и дополнения.

Предложения, имеющие актуализированный род. п. имени и количественное слово, неоднотипны, поэтому и оказались возможны их различные интерпретации. Отсутствие четких границ между полнозначительными и связочными глаголами обуславливает существование полярных типов и переходных между ними. Ср.: *Пришло трое мальчиков. – Мальчиков // пришло трое; Осталось трое мальчиков. – Мальчиков // осталось трое; Было трое мальчиков. – Мальчиков // было трое.*

Общее у этих предложений заключено в их речевой семантике, обусловленной сходным лексическим составом. Наиболее существенно отличаются друг от друга предложения первой и последней пары. Предложения первой пары сохраняют общее типовое значение при изменении порядка слов, а предложения последней пары существенно отличаются друг от друга по типовой семантике и характеру актуального членения. Предложение *Было трое мальчиков* имеет семантику бытийности, с точки зрения актуального членения оно является нерасчлененным (только рема). Предложение *Мальчиков было трое* содержит количественную предикацию, с точки зрения актуального членения оно является расчлененным: тема – *мальчиков*, рема – *было трое*. У предложений второй пары различия не так ярки.

¹ Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. М., 1976. С. 228.

Потребность в выражении особой семантики вызвала изменение порядка слов, а это привело не только к расчленению, но и к разрушению цельности количественно-именного словосочетания *много мальчиков*. Таким образом, в речи под влиянием коммуникативного аспекта сформировалась новая структурная схема нового типа предложения, имеющего свои специфические свойства. Первый компонент схемы – существительное или местоимение во мн. ч. род. п., обозначающий предмет речи / мысли; второй компонент схемы – слова с количественным значением. Форму мн. ч. род. п. в предложениях нового типа имеют и словоформы «бывших» словосочетаний с числительными *два, три, четыре*: *Пароходов было два (три, четыре)*. – *Было два (три, четыре) парохода*. Форму ед. ч. имеют лишь существительные с количественным значением, не имеющие форм мн. ч.: *Мало слов, а горя – реченька, Горя реченька бездонная!* (Некрасов); – *Наработались люди – не до песен. – Раньше-то что, не работали, что ли? – Молодежи больше было* (Шукшин).

В остальных случаях первый компонент схемы заполняется формами мн. ч., а второй – разными лексическими средствами с количественным значением: *Добровольцев, желающих овладеть космическими специальностями, десятки тысяч* (Каманин); *Соловьев, черемухи, грибов у нас было пропасть* (Герасимов); *Дел было невпроворот* (Платов). В позиции количественного компонента может быть сочинительное словосочетание: *Парней-то на деревне – я да еще несколько* (Шукшин).

Несмотря на известную типологическую самостоятельность, в предложениях данной разновидности сохраняется в какой-то степени цельность количественно-именного сочетания. Она проявляется как в системных связях с двусоставными предложениями с бытийным значением, так и в способности поясняться рядом однородных членов, который поясняет одновременно и форму в род. п., и количественное слово перечнем субъектов: *Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня* (Тургенев); *Их было четверо: капитан Самсонов, черный мичман, лейтенант Чайников и длиннолицый подпоручик* (Марьянов); *Нас было двое пассажиров: я да маленькая обезьяна* (Тургенев). Позицию пояснения может занимать подчинительное словосочетание, синонимичное сочинительному: *Пассажиров в нашем вагоне было только двое – старушка с мужем, оба очень неразговорчивые* (Л. Толстой).

Как квалифицировать первый компонент таких предложений в терминах членов предложения? У словоформы в род. п. есть семантические свойства подлежащего: она обозначает предмет речи / мысли; тему актуального членения. Из структурных свойств подлежащего для словоформы в род. п. характерно то, что она занимает позицию подлежащего. Од-

нако у таких словоформ нет главного структурного признака подлежащего – нет форм им. п., и это не позволяет признать такие словоформы типичными подлежащими.

Цельность количественно-именных словосочетаний сохраняется при полнозначительных словах в функции сказуемого при любом порядке слов. Глагол *быть* и глагольная связка *быть* служат показателями разной семантики разноструктурных предложений: *Было два парохода* (семантика бытийности, *быть* – полнозначительный глагол); *Пароходов было два* (семантика количественной характеристики, *было* – связка). Между этими моделями есть переходные, нестабилизировавшиеся звенья, допускающие возможность их неоднозначной квалификации.

Сказуемое

Понятие о сказуемом

Как структурно-семантический компонент предложения типичное сказуемое имеет следующие свойства: 1) входит в структурную схему предложения (является главным членом предложения); 2) выражается спрягаемой формой глагола и именами существительными, прилагательными и др.; 3) структурно подчиняется подлежащему; 4) занимает позицию после подлежащего; 5) соответствует логическому предикату; 6) обозначает предикативный (модально-временной) признак предмета речи (субъекта мысли); 7) выражается предикатными словами; 8) обозначает «новое» (рему).

Эти свойства сказуемого составляют комплекс дифференциальных признаков понятия типичного сказуемого и включаются в его определение в различных комбинациях.

Трудно дать исчерпывающее определение сказуемого, так как даже включение всех отмеченных выше признаков сказуемого не охватывает всех случаев функционирования сказуемого в речи, поэтому в некоторых пособиях вообще не дается определение сказуемого.

В конкретных высказываниях сказуемое может не иметь полного набора указанных выше свойств. Так, сказуемое может обозначать не только рему («новое»), но и тему («данное»); при этом сказуемое может занимать позицию перед подлежащим. Ср.: *Заводь спит. Молчит вода зеркальная* (Бальмонт). Во втором предложении сказуемое *молчит*, лексическим значением связанное со сказуемым первого предложения, обозначает «данное».

Известно, что не все лингвисты называют сказуемым главный член односоставных глагольных предложений, так как со времен А. А. Потебни подлежащее и сказуемое рассматриваются в паре как взаимосвязанные и взаимообусловленные члены предложения, причем наличие одного будто бы обязательно предполагает наличие другого. Вопрос о син-

таксической квалификации главного члена глагольных односоставных предложений стал «вопросом» потому, что сказуемое трактовалось как главный член, который обозначает признак подлежащего. Действительно, в соответствии с таким пониманием семантики сказуемого можно говорить о сказуемом только при наличии подлежащего. Но в сказуемом раскрываются признаки не подлежащего, а предмета речи / мысли. «Сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соответствующему событию), а не к слову, его называющему». «Субъект принадлежит миру, а предикат мышлению о мире»¹. На этом свойстве сказуемого строятся загадки: *В воде купался, сухим остался. (Гусь.) В воде родится, а воды боится. (Соль.) Кругла, а не месяц, зелена, а не дубрава, с хвостиком, а не мышь. (Репа.) Сперва летит, потом бежит, потом на улице лежит. (Дождь.)* В загадках указываются признаки предмета речи / мысли, который надо назвать, учитывая эти признаки. Такие предложения являются двусоставными неполными, так как целью загадок является поиск подлежащего – название носителя указанных признаков предмета.

Рассматривая сказуемое как член предложения, обозначающий предикативный признак предмета речи / мысли, который может быть и не назван в подлежащем, мы получаем теоретически оправданную трактовку главного члена односоставных глагольных предложений как сказуемых, образующих структурную схему предложения без подлежащих и тем самым актуализирующих значимость выражаемого ими предикативного признака.

В двусоставном предложении сказуемое семантическими свойствами ориентировано на предмет речи / мысли, а структурными на подлежащее, называющее предмет речи / мысли или указывающее на него.

Ориентация сказуемого глагольных односоставных предложений на характеристику предмета речи / мысли без посредника – в виде подлежащего – определяет его структурные и семантические свойства: сказуемое становится не только семантическим, но и структурным центром предложения; сказуемое избирает для своего строения такие формы, которые могут выразить нужное представление о деятеле без называния его: 1-е л. ед. ч. позволяет представить деятеля как лицо определенное, 2-е л. – как определенное и обобщенное и т. д. Из свойств сказуемого, отмеченных выше, для сказуемых односоставных предложений не отмечаем лишь связь с подлежащим, но направленность сказуемого на предмет речи / мысли, характерная для сказуемого как члена предложения, сводит почти на нет и это различие, позволяя отмечать лишь некоторую

¹ Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. М., 1976. С. 328.

специфику сказуемого односоставных предложений. Это «почти» позволяет не ставить под сомнение очевидные свойства сказуемого, имеющего и в односоставных предложениях те же типы, что и в двусоставных.

Семантика сказуемого

Семантика сказуемого, как и семантика подлежащего, многослойна: в ней можно выделить два основных компонента – языковой и речевой, которые в свою очередь могут быть дифференцированы. Языковой компонент включает логический компонент (сказуемое обозначает предикат суждения) и категориальное значение предикативного (модально-временного) признака. Речевой компонент объединяет лексическое значение и коммуникативную нагрузку с различного рода коннотациями. Оба основных компонента отражают и синтаксические связи, и отношения с другими членами предложения.

Предикативный признак (категориальное значение сказуемого) включает следующие основные значения, соответствующие основным категориальным значениям подлежащего:

1) действие активного деятеля; *Кирила Петрович громко засмеялся, а гости вслед за ним захохотали* (Пушкин); *При быстром таянии снега вода сбегала со взгорка, наполняла пруд...* (Герасимов);

2) собственно признак лица или предмета: *Совсем недавно листья были бесшумны, легки и летучи* (Николаева); *Рассказ казался мне бездарным, а я сам – косноязычным дураком* (Паустовский); *К ее удивлению, Варя уже была умыта, одета и готова к отъезду* (Кочетов);

3) состояние лица или предмета, который может быть и не назван подлежащим: *Мне грустно потому, что весело тебе* (Пушкин); *И мать и сестра были в страшном испуге* (Достоевский); *Спит земля в сиянье голубом* (Лермонтов);

4) отсутствие / наличие бытия / существования лица или предмета: *Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора* (Тютчев); *Стоял ноябрь уж у двора* (Пушкин); *Мне не хватает нежности твоей, тебе моей заботы не хватает* (Щипачев); *Другого выхода нет* (Чехов);

5) реляционные отношения между лицами и предметами: *Правда светлее солнца* (поговорка); *Москва больше Ленинграда; Ведь он Репетилова сын побочный* (Салтыков-Щедрин) и др. ¹.

Между языковыми и речевыми компонентами семантики сказуемого нет четкой демаркационной линии, так как общие значения действия и

¹ Выделяется разное количество типов (категорий) предикатов. Так, Ю. С. Степанов выделяет 10 типов (см.. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. М.. 1981. С. 150–159).

собственно признака являются результатом абстрагирования лексических значений предикатных слов.

Разнообразие категориального значения «признака» предмета обуславливает разнообразие вопросов к сказуемому, в которых отражается более дробная дифференциация самого общего значения «признака»¹. Универсальным вопросом к сказуемому, выясняющим его семантику, является вопрос «Что говорится о предмете речи / мысли?». Более частные вопросы, отражающие более частные значения, уточняют общий вопрос «Что говорится о предмете речи / мысли?».

Что делает предмет?	Ученик читает книгу.
Какой предмет?	Книга интересная.
Каков предмет?	Ученик аккуратен. Книга интересна.
Кто такой предмет?	Этот ученик – отличник.
Что такое предмет?	Книга – источник знаний.

При синтаксическом разборе вместо слова *предмет* вводим подлежащее: *Что делает ученик? Какой ученик? Каков ученик?* И т. д.

Признак предмета речи / мысли имеет модально-временной характер. Именно сказуемое выражает отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности: то, о чем сообщается, мыслится как реальное (в настоящем, прошедшем или будущем времени) или как ирреальное, т. е. возможное, желаемое, должное или требуемое.

Подлежащее лишь называет предмет речи / мысли, а сказуемое характеризует его по действию, признаку и т. д. лексическим значением предикатных слов.

Нередко характеристика предмета по действию очень выразительна. *Дожди отслезилась в начале ноября* (Нагибин); *По годам идешь, как вверх по лестнице – с каждой ступенькой все труднее. Тот зеленый новичок порхал и подпрыгивал, а начальник станции шествует, – усмехнулся Семенов* (Санин), *Строит, рушит, кроит и рвет, тихнет, кипит и пенится, гудит, говорит, молчит и ревет – юная армия: ленинцы* (Маяковский).

Все компоненты семантики сказуемого тесно связаны между собой. От того, как они выражены, зависит тип сказуемого.

Классификация типов сказуемого

Для обозначения действия предмета используются спрягаемые глагольные формы, для обозначения собственно признака – существитель-

¹ См.: Чеснокова, Л. Д. Грамматические вопросы при разборе сказуемого / Л. Д. Чеснокова // Русский язык в школе. 1978. № 3.

ные, прилагательные и т. д. В конечном счете, значение определяет способ выражения сказуемого и его структуру.

Наиболее известны два варианта классификации типов сказуемого: семантическая и структурная. Эти классификации совмещают оба основания классификации, но различаются иерархией (порядком) выделения свойств. <...>

В семантической классификации сказуемое делится на глагольное и именное. Глагольное сказуемое обозначает действие и состояние, именное – признак (свойство, квалификацию и т. д.).

Эта классификация сказуемого не зависит от свойств подлежащего, она определяется тем, что именно говорится о предмете речи: сообщается ли о его действии или о его признаке. Эти свойства сказуемого позволяют дифференцировать подлежащее – как деятеля или как носителя признака. Ср.: *Октябрь сады задумчиво листает* (Соколов). *Октябрь – один из осенних месяцев.*

Значение и способ выражения тесно между собою связаны – они определяют друг друга.

В зависимости от способа выражения модально-временных значений сказуемое делится на простое, составное и сложное. Эту классификацию можно назвать «структурной», так как в ней на первом плане количественный состав сказуемого, характер составляющих его словоформ.

Основное отличие простого сказуемого от составного и сложного заключается в том, что в простом сказуемом все компоненты семантики выражены одним словом, а в составном и сложном – разными словами, модально-временные значения выражаются спрягаемыми глагольными формами (в том числе связками), а категориальные и лексические значения – инфинитивом (в глагольном сказуемом) и именной частью (в именном сказуемом). Ср.: *Он учится. Он начал учиться. Он ученик. Он будет учителем.*

Простое глагольное сказуемое. Простое глагольное сказуемое выражается глаголом в каком-либо наклонении: *Я знаю Россию по песням* (А. Прокофьев); *Он шел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким* (Тургенев); *Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат: пусть солдаты немного поспят* (Фатьянов); *Съездил бы в Холмск, поговорил. Заодно бы детей повидал* (Проскурин).

Укажем некоторые особенности функционирования простого глагольного сказуемого:

1) Сказуемое, выраженное глаголом в форме сложного будущего времени, является простым глагольным сказуемым: *Будем жить нашей жизнью давнишней, будем радоваться и горевать и по-прежнему звезды, как вишни, за забором вселенной срывать* (Светлов).

2) В состав простого глагольного сказуемого могут входить частицы *было* и *бывало*: *Мы пошли было от озера, но тут я вспомнил про загадочные тропинки возле дороги и вернулся* (Солоухин).

3) Простое глагольное сказуемое может быть выражено в форме междометных глаголов: *толк, стук, трак, хватать, шмыг* и др.: *Мы сюда всем отрядом шасть!* (Фадеев).

4) В состав сказуемого побудительных предложений могут быть включены частицы *да, давай, пусть, смотри* (в значении частицы): *Да приснятся тебе самые лучшие, самые красивые сны* (Чехов); *Давайте вспомним все, что нам знакомо* (Светлов); *Сквозь кутерьму идущих лет давай с тобой докажем людям, что есть мечта и есть поэт!* (Светлов). В значении частицы употребляется в разговорной речи и словоформа *дайте*: – *А дайте я поеду на танке с вами* (Твардовский).

5) В состав сказуемого могут входить частицы, вносящие дополнительные (иногда существенные) оттенки в его семантику: *Степь будто раскололась от небесного грома* (Паустовский).

6) Простое глагольное сказуемое может быть выражено фразеологизмами, главным структурным элементом которых является глагольная форма: *прийти к убеждению, выйти из терпения, впасть в сомнение* и т. п.: *Ты имей в виду, палки нам в колеса вставляешь, вот чем ты занимаешься* (Шолохов); *Какой-то древний царь впал в страшное сомнение* (Крылов).

Многочисленны сочетания с глагольным опорным словом, которые не стали еще фразеологизмами, но уже утратили в разной мере «свободу сочетаемости»: *вести беседу, устроить прием, дать руку, дать обещание, принять предложение, произвести впечатление* и т. д. Синтаксическая квалификация их может быть двойной: а) они могут рассматриваться как сказуемое (особенно, если сочетание легко заменить одним словом) и б) в них может быть выделен второстепенный член. Ср.: *Она приняла предложение, и мы пошли гулять.* – *Она приняла предложение, и мы вскоре поженились.*

В предложениях с однородными сказуемыми может быть выражена последовательность действий, их чередование и т. д. иногда лишь лексическими значениями глаголов-сказуемых: *А гордый стих и в скромном переводе служил и служит правде и свободе* (Маршак); *Скоро снег просядет, побуреет и сойдет* (Нилин). Эти отношения могут быть не только между сказуемыми, но и между частями сказуемых: *Степь стала желтеть, потом розоветь на востоке* (Лидин).

Составное глагольное сказуемое. Составное глагольное сказуемое имеет две части: вспомогательную и основную: *И в обед, устроившись*

под елкой, начинает паренек писать о звенящих проводах над Волгой (Яшин). *Начинает* – вспомогательная часть, *писать* – основная часть сказуемого.

Основная часть составного глагольного сказуемого всегда состоит из инфинитива, выражающего речевое (лексическое) значение сказуемого. Вспомогательная часть включает слова, дополняющие речевое значение сказуемого и выражающие модально-временные значения сказуемого. Таким образом, вспомогательная часть несет на себе двойную нагрузку.

Речевое значение вспомогательной части включает:

а) указание на начало, конец, продолжение действия: *начать*, *стать*, *кончить*, *остаться*, *продолжать*, *перестать*, *прекратить* и под. Такие глаголы называются фазовыми. Эталонами фазовых глаголов являются *начать*, *кончить*, *продолжить*. Например: *В севастопольской тюрьме Грин впервые начал писать* (Паустовский); *Мальчишки продолжали гонять мяч* (Паустовский); *Даже мальчишки перестали верить моряцким басням о бутылках, залитых воском и выброшенных на песок прибоем* (Паустовский). <...>

б) указание на необходимость, желательность и возможность действия: *мочь*, *хотеть*, *желать*, *намереваться*, *решать*, *предполагать*, *рассчитывать*, *стараться* и т. д. Такие глаголы называются модальными. Эталонами модальных глаголов являются *мочь* и *хотеть*:... *Нина мраморной красою затмит соседку не могла* (Пушкин); *Хотел писать, но труд упорный ему был тошен* (Пушкин); *Я болтал и старался* (= хотел. – В. Б.) *всячески показать, что мне весело* (Паустовский).

К составным глагольным сказуемым этого типа относятся сказуемые, вспомогательная часть которых включает фразеологизмы с опорным глагольным словом: *горю желанием* (= *хочу*) *учиться, сделал усилие* (= *хотел*) *подняться, изъявил желание* (= *согласился*) *работать; имел намерение* (= *хотел, собирался*) *уехать* и под.: *Он не имел права* (= *не мог*) *рисковать и поэтому шел осторожно, избегая открытых мест* (Б. Васильев); *Любой из нас имеет основанье* (= *может*) *добавить, беспристрастие храня, в чужую скорбь свое негодование, в чужое тленье своего огня!* (Мартынов).

Входя в состав сказуемого, инфинитив в таких конструкциях сохраняет и определительное значение: *намерения* (какого?) *жениться; права* (какого?) *рисковать* и т. д.;

в) эмоциональную оценку действия: *любить*, *бояться*, *страшиться* и т. д.: *Андерсен любил придумывать свои сказки в лесах* (Паустовский); *Я страшился заглянуть в себя... страшился отдать себе ответ в чем бы то ни было* (Тургенев).

Составное именованное сказуемое. Составное именованное сказуемое более разнообразно, чем составное глагольное, по составу и значению как основной части, так и вспомогательной.

Вспомогательная часть. Вспомогательная часть включает:

а) глагол-связку *быть*, выражающую только модально-временные значения: *Высочайший патриотизм – страстное желание блага родине* (Чернышевский); *Слово – одежда всех фактов, всех мыслей* (Горький); *Правда светлее солнца* (пословица); *Стол уже был накрыт на веранде с цветными стеклами, отчего сахар в сахарнице был зеленый, огурцы красные, хлеб пожелтел...* (Кочетов).

В настоящем времени связка обычно отсутствует («нулевая форма связки»). Употребление связки *есть* для указания настоящего времени имеет стилистическую окраску: *Всякое противоречие есть источник смешного и комического* (Белинский); *Речь человеческая есть завершение сложного духовного и физического процесса* (А. Н. Толстой).

В разговорной речи (встречаются и в других стилях) очень употребительны конструкции типа *Жизнь есть жизнь*, которые строятся по устойчивой схеме, но характеризуются относительной свободой лексического наполнения. «Алогизм тавтологии, – пишет Н. А. Николина, – побеждается в языке за счет идиоматичности семантики, за счет смысловых приращений, которые приобретают эти высказывания в ситуации общения»¹. Известно, что из Ниццы А. Чехов прислал указание заменить большой монолог Андрея о жене предложением «Жена есть жена». «В этой короткой фразе, – писал А. Чехов, – если вдуматься в нее поглубже, заключается все, что было сказано в длинном, в две страницы, монологе». Ср. также: *Стихи как будто и стихи, да правды ни словечка* (Твардовский); *Чистоту, простоту мы у древних берем, саги, сказки из прошлого тащим потому, что добро остается добром в прошлом, будущем и настоящем* (Высоцкий). <...>

Именная часть. Внимание к именованному типу предложения, к именованному сказуемому, к именной части сказуемого не случайно. Предикативность как основное свойство предложения связывалась обычно с глагольными предложениями, а в русском языке количество именных предложений огромно. Как показывают исследования последних лет, богаты и разнообразны схемы именных предложений, специфичны оттенки в языковой и речевой семантике, выражаемые с помощью разнообразных схем.

¹ Николина, Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» / Н. А. Николина // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984. С 46.

Наиболее распространены следующие способы выражения именной части сказуемого: прилагательное, существительное, краткое страдательное причастие, цельные словосочетания и фразеологизмы: *Жизнь превосходна, полна увлекательных задач и целей* (Серебрякова); *Народная дружба и братство дороже всякого богатства* (пословица); *Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь* (Н. Ушаков); *Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!* (Горький); *Речушка была тихая, с ленивым течением и густыми зарослями по берегам* (Паустовский); *Этот очерк написан в мезонине деревенского дома* (Паустовский); *Снега были необъятные, белые, исполосованные грязными плетями дорог* (Симонов); *А когда-то он ей казался героем, рыцарем без страха и упрека* (Н. Островский); *Игорь – тепличное растение, а Колька чист и свеж, как полевой цветок* (Панова).

Выделим следующие вопросы: каковы оттенки в значении краткой и полной формы прилагательных? Чем отличаются им. и тв. п. существительных и прилагательных в составе именной части?

Исследователи отмечают распространение в функции сказуемого полной формы прилагательного, вследствие чего краткой форме пришлось потесниться. И вообще краткая форма прилагательного в русском языке, как и во многих других славянских языках, уступает место полной. У кратких форм, сохраняющихся в функции сказуемого, развивается временное значение: они выражают не постоянный, а временно присутствующий предмету признак. Наиболее сблизились в этом отношении с глагольными формами краткие прилагательные *рад, готов, должен* и под., которые утратили соотносительные полные и, несмотря на свою малочисленность, используются в речи довольно часто.

Краткие формы прилагательных, сохраняющие связь с соотносительными полными, обозначают не признак, а точнее, «качественное состояние, протекающее или возникающее во времени», а полные формы прилагательных обозначают постоянный признак, т. е. признак, «мыслимый вне времени, но в данном контексте отнесенный к определенному времени»¹. Так, в следующих предложениях краткие формы могут быть заменены полными и, наоборот, без существенных изменений в лексическом значении, но с некоторыми оттенками в характере временной отнесенности признака: *...Он хорошо сложен и крепок, и красив старинной русской красотой* (Фадеев); *Отцы ваши многое сделали для того, чтобы она (жизнь. – В. Б.) была красивой и полной* (Полторацкий).

¹ Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. М., 1947. С. 263.

В некоторых случаях краткие и полные формы, несмотря на сохранение соотносительности, расходятся в лексических значениях. Ср.: *Девушка очень хороша* и *Девушка очень хорошая*.

По наблюдениям В. И. Чернова, «в плане настоящего времени, при нулевой связке, употребляются только краткие формы и полные формы именительного падежа (*Озеро глубоко, Озеро глубокое*); в иных модально-временных планах, при выраженной отвлеченной связке, используется, кроме того, полная форма творительного падежа (*Озеро было глубоко, Озеро было глубокое, Озеро было глубоким*); эта форма является почти единственно возможной или не знает конкуренции в конструкциях с ползнаменательными связочными глаголами и в построениях с инфинитивом любого связочного глагола (*Озеро стало глубоким; Озеро казалось глубоким; Здесь озеро может быть глубоким*), в конструкциях же со знаменательными связками господствуют полные формы именительного падежа (*Он пришел усталый*)»¹.

Внимание исследователей привлекло и употребление им. и тв. падежей существительного в именной части сказуемого². В предложениях с нулевой формой связки существительное имеет форму именительного падежа: *Мой брат – учитель*, в предложениях со вспомогательными глаголами «наряду с исторически исконной формой именительного падежа существительного грамматически регулярно функционирует форма творительного падежа»³. Например: *Грин был суровый сказочник и поэт морских лагун и портов... Грин провел почти всю жизнь в ночлежных домах, в грошовом и непосильном труде, в нищете и недоедании. Он был матросом, грузчиком, нищим, банщиком, золотоискателем, но прежде всего неудачником* (Паустовский). В какой-то мере им. п. обозначает признак более постоянный, чем тв. п., но это различие не всегда четко осознается и сохраняется. Ср.: *Грин был не только великолепным пейзажистом и мастером сюжета, но был еще и очень тонким психологом* (Паустовский).

Сложное сказуемое. Сложное сказуемое представляет собой осложненное простое или (чаще) составное сказуемое.

¹ Чернов, В. И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке / В. И. Чернов. М., 1985. С. 42.

² См.: Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века / под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964.

³ Чернов, В. И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке / В. И. Чернов. М., 1985. С. 21.

Основные схемы предложений со сложным сказуемым:

Двусоставные предложения:

1. «Подл. + краткое прил. + (связка) + инфинитив»: *Настоящая музыка способна выражать только большие гуманные чувства, только передовые гуманные цели* (Шостакович); *Наше сердце, полное любовью, мы готовы Родине отдать* (Колычев); *Я должен был только передать вам письмо* (Паустовский).

2. «Подл. + краткое прил. + (связка) + быть + имя»: *Ребенок должен быть ребенком* (Сухомлинский).

3. «Подл. + спрягаемый глагол + быть + имя»: *Я смешным быть не хочу, прежде всего не хочу быть смешным* (Достоевский); *Я тоже хочу быть вашим другом* (Куприн); *Да разве ты можешь быть другим!* (Кетлинская); *Одиноким же никто из нас быть не может* (Л. Толстой); *Ты стараешься быть порядочным для себя* (Тендряков); *Этот человек мог бы быть моим сыном* (Чаковский).

Односоставные предложения:

1. «Кат. состояния + (связка) + инфинитив»: *Хорошо было, зарывшись в теплое сено, слушать звуки этой ночи* (Паустовский); *Надо и знать, и любить, и беречь свою землю* (Песков); *Учиться можно и нужно на протяжении всей жизни* (Лещинский); *Надо всю жизнь учиться, учиться и учиться у жизни, у науки, думать и анализировать* (В. А. Обручев).

2. «Кат. состояния + (связка) + быть + имя»: *В наши дни нельзя быть энциклопедистом* (Брюсов); *Важно быть убежденным в красоте и величии того, что преподаешь. В его непререкаемой важности* (Грекова).

Именной или глагольный тип сложного сказуемого определяется по последнему компоненту: если это инфинитив, сказуемое квалифицируется как сложное глагольное, если имя, то как сложное именное. В предложении *Педагог должен быть щедр, без оглядки тратить себя, время, душу* (Грекова) первое сказуемое – именное, второе – глагольное.

Модально-временные значения выражаются спрягаемыми глаголами (в настоящем времени они могут отсутствовать). Именная часть в первом компоненте (в составном именном сказуемом) двусоставных предложений может быть выражена краткими прилагательными *рад, готов, способен, намерен, должен* и др., а в односоставных предложениях – словами категории состояния с модальным (*надо, необходимо, нельзя, можно* и под.) или эмоционально-оценочным значением (*хорошо, приятно, ве-*

село и под.). Основная часть сложного именного сказуемого подключается к первому компоненту с помощью инфинитива *быть* или других глаголов со значением бытия, существования, а также связочных глаголов (*служить, показаться, стать* и др.): *У муз Валя готова была служить и судомойкой* (Эренбург); *Они все настоящие люди, и ты теперь же можешь стать настоящим человеком* (Гранин); *Я боюсь показаться нескромным* (Куприн); *Не всякий может быть художником, как не всякий, знающий грамоту, может быть писателем. Но рисовать, графически пояснить ту или иную мысль на доске мелом или на бумаге карандашом должен уметь и инженер, и педагог, и научный работник* (Павлинов).

СИНКРЕТИЧНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Негативное отношение некоторых лингвистов к теории членов предложения вызвано прежде всего тем, что живое разнообразие речи не укладывается в рамки традиционной классификации членов предложения, не учитывающей явлений переходности и зоны синкретизма, обусловленной ими¹.

Синкретизм в системе членов предложения – это совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения, разных их функций.

Синкретизм членов предложения не мог не привлечь внимания исследователей, так как это объективно существующий и широко распространенный факт языка и речи. Известны и попытки его описания в терминах членов предложения², на материале словосочетаний³ и в терминах распространителей⁴.

¹ О разграничении диахронных и синхронных явлений переходности см.: *Бабайцева, В. В.* Переходные конструкции в синтаксисе / В. В. Бабайцева. Воронеж, 1967; о зоне синкретизма см.: *Бабайцева, В. В.* Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В. В. Бабайцева // НДВШ: Филологические науки. 1983. № 5.

² См.: *Бабайцева, В. В.* Изучение членов предложения в школе / В. В. Бабайцева. М., 1975; *Бабайцева, В. В.* Русский язык. – Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева. М., 1979; *Чеснокова, Л. Д.* Конструкции с предикативным определением и структура предложения / Л. Д. Чеснокова. Ростов-на-Дону, 1972; *Чеснокова, Л. Д.* Семантические типы членов предложения с двойными отношениями / Л. Д. Чеснокова. Ростов-на-Дону, 1973; *Фурашов, В. И.* Несогласованные определения в современном русском языке / В. И. Фурашов. М.: МГПИ им. В. И. Ленина. 1984, и др.

³ См.: Грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1960. Т. 2. Синтаксис. Ч. II. Раздел «Словосочетание»; *Русская грамматика*. М., 1980. Т. II. Синтаксис. Раздел «Подчинительные связи слов и словосочетания».

⁴ *Русская грамматика*. М., 1980. Т. II. Синтаксис.

По семантике члены предложения делятся на типичные (однозначные) и синкретичные (многозначные). Типичные члены предложения обладают полным набором дифференциальных признаков какого-либо одного члена предложения, синкретичные совмещают дифференциальные признаки разных членов предложения.

Сравним следующие предложения:

1. *Недавно из Петербурга пришли известия, которые сообщали о декабрьском восстании и сражении, которое произошло на Сенатской площади.*

2. *Недавно пришли известия из Петербурга о декабрьском восстании и сражении на Сенатской площади (Паустовский).*

В первом предложении все члены предложения однозначны, во втором предложении – 4 синкретичных члена предложения: словоформы *из Петербурга, о восстании и сражении, на Сенатской площади* выполняют основную функцию определения, но все они осложнены добавочными семантическими компонентами: словоформы *из Петербурга* и *на Сенатской площади* обозначают признак по месту (*из Петербурга* определяет *известия*, *на Сенатской площади* – *о сражении*), словоформы *о восстании* и *сражении* обозначают признак предмета, названного в подлежащем *известия*, по объекту.

Добавочные семантические компоненты появились у предложно-падежных словоформ вследствие изменения их синтаксических связей и отношений: в первом предложении эти словоформы подчиняются глаголам, во втором – существительным. Второе предложение отличается от первого более компактным строением и конденсацией смысла, для него характерна экономия языковых средств.

Причиной появления и существования синкретичных членов предложения является потребность в выражении синкретичной семантики, более богатой, чем у типичных членов предложения. Только типичными членами предложения нельзя выразить многие оттенки значений, так как не всегда однозначны сами языковые явления, с помощью которых выражаются сложнейшие связи и отношения между явлениями действительности. Синкретичные члены предложения – экономный способ конденсации смысла.

Разнообразие языковых явлений отмечал Л. В. Щерба: «... опыт показывает, что всякие таблицы и схемы расплзаются по всем швам, как только попробовать вставить в них факты живой действительности»¹.

¹ Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. Л., 1974. С. 246.

Это относится и к синкретичным членам предложения, которые свидетельствуют о гибкости системы членов предложения.

Предложение как единица языка и речи многоаспектно, а члены предложения являются его компонентами, следовательно, и члены предложения характеризуются многоаспектностью. «Многоликость» членов предложения раскрывается в совокупности его свойств, каждое из них, как показано выше, дает однозначную классификацию членов предложения, но неполную, одностороннюю, не исчерпывающую всех свойств членов предложения.

Даже два признака, положенные в основу классификации, не дадут во всем последовательной, непротиворечивой классификации, тем более $4 + 4$ (структурные и семантические).

Следовательно, признавая многоаспектность членов предложения, мы тем самым принимаем как их характернейшее свойство и возможность разнообразных несоответствий языковых фактов традиционной классификации членов предложения.

Для синкретичных членов предложения характерно колебание удельного веса сочетающихся свойств, усиление признаков то одного члена предложения, то другого, а в некоторых случаях – примерное равновесие их.

Синкретизм членов предложения обусловлен рядом факторов, из которых основными являются следующие: 1) несоответствие формы и содержания; 2) двойные синтаксические связи и отношения; 3) синкретичное категориальное значение слово формы; 4) эллипсис глагольной формы; 5) лексико-грамматические свойства сочетающихся словоформ.

Рассмотрим каждый из выделенных факторов.

Несоответствие формы и содержания

При соответствии формы (структурных свойств) и содержания (семантических свойств) членов предложения имеем типичные члены предложения, они-то и характеризуются устойчивостью, стабильностью. При несоответствии формы и содержания имеем синкретичные члены предложения. В таких случаях семантика членов предложения не укладывается в строгую форму одного члена предложения. Соответствие формы и содержания характерно для морфологизованных членов предложения, а у неморфологизованных членов предложения, когда части речи используются во вторичной (или трансформационной) функции, наблюдается синкретизм семантики.

Употребление слов в не свойственной им синтаксической функции – основное условие образования синкретичных членов предложения.

«Вторичная» (трансформационная) функция позволяет как сохранить старые свойства, так и приобрести новые. Удельный вес тех или других может быть различен в зависимости от разнообразных, более частных факторов.

С синкретизмом членов предложения тесно связан синкретизм частей речи. Выполняя не свойственную данной части речи синтаксическую функцию, слово приобретает новые структурно-семантические признаки, ослабляя или утрачивая часть старых. Между структурно-семантическими свойствами слов и их синтаксической функцией существует диалектическая связь: «вырабатывая» свои свойства в синтаксической функции, слова (или их словоформы) влияют на характер синтаксической функции.

Обратимся к языковым фактам.

Морфологизованным обстоятельством является наречие. Однако в настоящее время чаще, чем наречие, в функции обстоятельств употребляются падежные и особенно предложно-падежные формы существительных. Обстоятельственная функция для существительных является вторичной, поэтому многие обстоятельства, выраженные предложно-падежными и падежными формами, сохраняют и предметное значение.

Так, обстоятельства причины, сформировавшиеся позже других, нередко сочетают значения дополнения и обстоятельства. Удельный вес сочетающихся свойств может быть разным. Ср.:

– ... *Из-за чего мы ругаемся?* Ничего же не случилось! Вот! Еще ни разу Вадим с Лизой не поссорились *по* какой-нибудь *вульгарной причине* – *из ревности, из-за денег, из-за того, что не смогли договориться*, куда ехать и чем заниматься – ну, *из-за чего* обычно ссорятся нормальные люди. Нет, у них ссоры выходили *из-за причин абстрактно-возвышенных*. Сегодня *из-за коммерческого кино*, другой раз (невозможно рассказать, не поверят!) – *из-за Наполеона!* (М. Чулаки).

Семантика причины выражена выделенными словоформами, сочетаниями словоформ и придаточным предложением. В наиболее «чистом» виде семантика причины выражена теми сочетаниями словоформ, в которых есть лексическое название причины (*по вульгарной причине, из-за причин абстрактно-возвышенных*). В остальных случаях семантика причины сочетается с предметной семантикой (значением дополнения). Этим обусловлен и вопрос *из-за чего?* (а не *почему?* – типичный для обстоятельства причины). Вопрос *из-за чего?* можно задать и к дополнению. Обобщающее сочетание *по вульгарной причине* гасит в какой-то мере сему предметности в однородных членах предложения (*из ревности, из-за денег*) и придаточном предложении.

Синкретизм предложно-падежных словоформ с объектно-причинной семантикой объясняет варианты написания *от того – оттого*: *Вторая, Палага, не любила лишнее говорить просто от лени, от равнодушия ко всему на свете, от того, что ничего не хотела знать и ни во что не хотела вмешиваться* (Яшин).

Падежные и предложно-падежные формы существительных являются одним из источников формирования наречий. Некоторые случаи образуют переходные звенья и в синхронной системе языка заполняют зону синкретизма.

Несоответствие формы и содержания наблюдается и в следующих случаях, когда лексическое значение словоформы характерно для одного члена предложения, а форма – для другого, причем эта форма соответствует валентным свойствам подчиняющего слова: *И с ветром нежно-зеленая ольховая пыльца, (откуда?) из детских лет донесенная, как тень, коснется лица* (Твардовский). Сочетание словоформ *из детских лет* по лексическому значению могло бы быть обстоятельством времени, по форме – обстоятельством места.

Посреди огня и дыма белела старинная церковь, каким-то чудом не тронутая пожаром, и вокруг нее кладбище (Катаев). Сочетание словоформ *каким-то чудом* по форме – дополнение, по семантике – обстоятельство причины *почему-то*.

Двойные семантические связи и отношения

Все второстепенные члены предложения с двойной связью и разнонаправленными отношениями характеризуются синкретизмом семантики.

Дуплексивы, выделенные Л. Д. Чесноковой, сочетают значения определения и обстоятельства: *Чурилин первым разделся и бросился в ледяную воду* (Ефремов). Словоформа *первым* по отношению к подлежащему *Чурилин* выполняет функцию определения, а по отношению к сказуемому – функцию обстоятельства; определения и дополнения: *Дядю Тихона считали по всей округе чудачком* (Шамякин). Словоформа *чудачком* по отношению к дополнению *Тихона* выполняет функцию определения, а по отношению к сказуемому функцию дополнения; сказуемого и обстоятельства: *Дмитрий ушел недовольный, хмурый* (Кочетов).

Синкретизм семантики наблюдается и у некоторых детерминирующих членов предложения, например: *В пионерских галстуках рябины собрались на праздничный костер* (Грибачев). Слово сочетание *в пионерских галстуках* по отношению к подлежащему выполняет функцию определения (*рябины* какие?), а по отношению к сказуемому – дополнения и обстоятельства (*собрались* в чем? как?).

В причастных и адъективных оборотах с синкретичной семантикой основным компонентом является атрибутивный, так как он оформлен подчинительной связью (согласованием); *Измученная многодневной засухой, земля жадно утоляла жажду* (Минт). *Довольно быстрое для лесной речки, течение закручивало мелкие воронки* (Нагибин). Кроме атрибутивного и обстоятельственного компонентов, в причастных и адъективных оборотах есть еще значение предикативное. Таким образом, причастный и адъективный обороты совмещают семантические компоненты трех членов предложения, причем доминантным является значение определения.

В деепричастных оборотах обстоятельственные значения осложняются предикативным: *Снег с полей сошел за одну неделю, обнажив парящую влажную землю* (Мусатов). Ведущим значением в этом деепричастном обороте является значение следствия.

Синкретичное категориальное значение словоформы

Синкретизм члена предложения может быть обусловлен синкретизмом категориального значения распространяемой словоформы и синкретизмом самой словоформы. Первый случай рассмотрим на примере отглагольного существительного, второй – на примере инфинитива.

Всегда синкретичны по семантике словоформы, распространяющие члены предложения, выраженные отглагольными существительными, так как семантика отглагольных существительных совмещает значение предметности со значением действия.

Так, в словосочетаниях *поездка на Кавказ* и *сообщение о собрании* синкретичное категориальное значение главных слов обуславливает сложную семантику словосочетаний и двойную валентность их: правую и левую. Например: *прошлогодняя поездка на Кавказ; неожиданное сообщение о собрании*. В словосочетании *поездка* (какая? куда?) *на Кавказ* совмещаются определительное и обстоятельственное значения, а в словосочетании *сообщение* (какое? о чем?) *о собрании* – определительное и объектное значения, так как общее субстантивное свойство этих существительных (предметное значение) обуславливает их потребность в атрибутивном распространителе, а общее глагольное свойство (действие) – потребность в обстоятельственном и объектном распространителе. Потребность в обстоятельстве и объекте определяется лексико-грамматическим значением движения (*поездка*) и говорения (*сообщение*). Выбор второго вопроса *куда?* и *о чем?* обусловлен живой связью отглагольных существительных с мотивирующими глаголами: *поехать* (куда?) *на Кавказ; сообщить* (о чем?) *о собрании*.

Синкретичность семантики зависимых словоформ можно аргументировать трансформациями. Атрибутивный компонент выявляем заменой несогласованного определения согласованным: *кавказская поездка*, объектный компонент – заменой субстантивного словосочетания – глагольным: *сообщить о собрании*. Такие трансформации не сохраняют полную семантику, да и не всегда возможны в силу различных причин: семантических, стилистических, словообразовательных и др.

Приведем примеры таких словосочетаний в предложении: *Мысль о поражении и бегстве не могла прийти в голову Ростову* (Л. Толстой); *Слон слушал его запоздалое признание в любви* (Ю. Яковлев); *Поездка в город и впрямь была для них праздником* (Чичков); *У входа в вагон была обычная вокзальная сутолока* (его же); *Известие об открытии курсов разнеслось по тайге задолго до получения ответа из области* (Коптяева).

Отглагольные существительные вносят в предложение дополнительную предикацию, поэтому возможна замена их деепричастными оборотами и придаточными предложениями: *По приезде* (каком? куда?) *в Ленинград я не преминул навеститься в Пушкинский дом Академии наук СССР* (Андроников). – *Приехав в Ленинград...* – *Как только я приехал в Ленинград...* Эти трансформации – еще одно свидетельство наличия глагольного компонента в семантике отглагольных существительных.

Отглагольные существительные неоднородны по степени сохранения глагольного компонента, поэтому удельный вес сочетающихся свойств в зависимом члене различен. В одних случаях в зависимом члене преобладает объектное значение, в других – определительное¹. Ср.: *Выпиливание* (чем?) *лобзиком* (чего?) *настенных украшений было его любимым занятием*. – *Чувство* (какое? чего?) *новизны, радости и желанья что-то сделать согревало ее* (Грин). Объектный компонент семантики подавляет атрибутивный при отглагольных существительных, сохраняющих живые связи с глаголами (*изучение истории, выдвижение кандидатов, чтение газет* и т. п.).

Синкретичный характер члена предложения может быть обусловлен и синкретичным характером его собственных структурно-семантических свойств, его положением в системе частей речи.

Покажем это анализом некоторых синтаксических функций инфинитива.

¹ См.: *Абдуллаев, Х. Н.* Валентные свойства отглагольных существительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х. Н. Абдуллаев. Ташкент, 1987.

Инфинитив выполняет роль всех членов предложения, так как вмещает в своем категориальном значении субстантивный и глагольный компоненты. «Если бы мы ничего не знали о происхождении неопределенной формы, то мы бы определили ее как «глагол, сделавший один шаг по направлению к существительному». Зная же ее происхождение, мы скажем, что это «существительное, не дошедшее на один шаг до глагола»¹.

Как и в других синкретичных словоформах, в инфинитиве в зависимости от синтаксических условий (от порядка слов, от сочетаемости с другими словами и т. д.) усиливаются то глагольные, то субстантивные свойства.

Субстантивный компонент в семантике инфинитива преобладает в следующих случаях:

1) в позиции подлежащего: *Подчинять своей воле подхалимов скучно. Подчинить мыслящего человека – нелегкое, но удовольствие* (Евтушенко). В некоторых случаях возможна замена инфинитива отглагольным существительным: *Курить запрещается. – Курение запрещается;*

2) в позиции дополнения, особенно в тех случаях, когда инфинитивное дополнение чередуется в тексте с субстантивными дополнениями: *Будьте великодушны, дайте чаю и закусить* (Горький); *Я целую вас и завещаю вам священную ненависть к проклятому и подлому врагу, бороться с ним до последнего фашиста* (Смирнов);

3) в инфинитиве представления²: *Спускаться в загадочную котловину ночью? Нет, это было опасно* (Платонов).

Глагольный компонент семантики инфинитива проявляет себя в валентных свойствах.

В составе сказуемого у инфинитива актуализируется глагольный компонент семантики: *В пятницу лагерь начали сворачивать* (Паустовский); *Хотелось мне зарю назвать Авророй* (Троицкий); *Старый учитель любил рассказывать о восстаниях Разина, Пугачева, Булавина* (Паустовский); *Когда мы прощались после нашей первой встречи, вы обещали обратиться ко мне в затруднительных обстоятельствах* (Жу-прин).

¹ Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. 7-е изд. М., 1956. С. 131.

² В. В. Виноградов назвал такие конструкции «инфинитивно-назывными предложениями». См.: Виноградов, В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения / В. В. Виноградов // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 268; Жаркова, А. В. Отражение глагольно-именной природы инфинитива в его синтаксических функциях / А. В. Жаркова // Рус. яз. в школе. 1982. № 4.

О субстантивном компоненте в семантике инфинитива свидетельствует возможность местоименного вопроса *что?* к инфинитиву в естественной речи: ... *Напротив, тот скорее достоин сожаления, с кем эта штука случается. – Случается что? – Полюбить* (Тургенев).

Инфинитив, обозначающий действие того же лица, что и спрягаемый глагол, называют субъектным. Принято считать сказуемым сочетания фазовых и модальных глаголов с инфинитивом.

Нет единого мнения в оценке сочетаний *люблю петь, боюсь сказать, мечтаю уехать* и г. п. Если расширить число связочных глаголов и включить в них не только фазовую и модальную, но и эмоциональную и этическую оценку действия, то такие сочетания можно трактовать как сказуемые: *Кузьма всю жизнь мечтал учиться и писать* (Бунин); *Я мечтаю поставить фильм... об одном дне в моем родном селе* (Шукшин); *Я... боялся потревожить прохладный покой в старом доме* (Астафьев). Известна и иная квалификация отмеченных сочетаний. Кроме того, инфинитив рассматривается как дополнение, несмотря на его субъектное значение, и в сочетаниях с модальными глаголами: «... нет никаких оснований считать нечленимыми на уровне синтаксического конструирования сочетания типа *хочу учиться, думаю остаться, надеялся встретить, мечтал увидеть, боялся взглянуть, готовился принять, остался заниматься* и под. Личные глаголы в этих сочетаниях имеют вполне определенное, лексическое (вещественное) значение и относительно свободное, незакрепленное употребление – следовательно, самостоятельно выполняют роль сказуемого; в свою очередь примыкающий к ним инфинитив также выступает в роли отдельного грамматического члена»¹.

Конечно, можно договориться квалифицировать все субъектные инфинитивы как часть сказуемого, но несомненно, что, и входя в состав такого «условного» сказуемого, инфинитив удовлетворяет потребность глаголов *начать, хотеть, любить* и подобных в сочетании с объектом. Эта потребность может быть реализована субстантивными и местоименными дополнениями, а также придаточными предложениями, которые в тексте нередко чередуются с инфинитивом. *Мне хотелось движения, а не спокойного течения жизни. Мне хотелось волнений, опасностей и самопожертвования для чувства* (Л. Толстой); – *Милая Надя, милая моя девочка, – говорит мама, – не хочется ли тебе чего-нибудь? – Нет, мама, ничего не хочется* (Куприн); *А как мне хотелось, **чтобы меня поняли!*** (Чехов); *Он [Пипилок. – В. Б.] боялся мертвых, боялся подходить,*

¹ *Распопов, И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке / И. П. Распопов. М., 1970. С. 52.

когда провозили их через село (Шамякин); ... Но я постоянно боюсь огорчить их, боюсь, что вот у отца от волнения покраснела его тощая шея и как бы с ним не сделался удар (Чехов); Я люблю книги, люблю держать их в руках, пробегая заглавия... (Грин); Ты не любишь считать облака в синеве. Ты не любишь ходить босиком по траве. Ты не любишь в полях паутин волокно... (Тушнова).

Эти и им подобные примеры свидетельствуют о несомненном синкретизме семантики инфинитива, обуславливающей возможность и необходимость двойственной квалификации его синтаксической функции. Так, очевидно, что разные компоненты синкретичной семантики актуализируются в предложениях: *Я люблю пение, но не люблю петь сама*. Синкретичные категориальные значения слов *пение* и *петь* близки, но не тождественны: у инфинитива преобладают глагольные свойства, а у отглагольного существительного – субстантивные.

Следовательно, нельзя не видеть в инфинитивах, сочетающихся с глагольными формами *начать, хотеть, любить, бояться* и под., и глагольного значения, обозначающего действие деятеля, и субстантивного, выражающего значение объекта действия спрягаемой глагольной формы. Другими словами, инфинитив в составе сказуемого выполняет двойную функцию: обозначает действие деятеля и объект действия, выраженного спрягаемой глагольной формой. В конкретной речевой ситуации ярче то одно значение, то другое. Это зависит прежде всего от характера лексического значения спрягаемой глагольной формы. Вообще модальные лексические значения, берущие на себя значительную долю «предложенческой» модальности, менее яркие и менее самостоятельны, чем значения эмоциональной, этической и т. п. оценки. Поэтому сочетания с модальными словами «прочнее», чем с более яркими по лексическому значению (ср. разную членимость предложений типа: *Кататься зимой с высокой горы весело* и *Кататься зимой с высокой горы следует (нужно, необходимо)* и т. д.) на больших санках¹.

Инфинитив, выполняющий роль определения, содержит и объектный компонент в своей семантике: *Не раз поднималось в ее душе почти непреодолимое желание (какое? чего?) высказать все без утайки* (Тургенев).

Все сочетания с инфинитивом требуют тонкого анализа, здесь нельзя стремиться к однозначной квалификации, наступая на горло языковым фактам.

¹ См.: *Бабайцева, В. В.* Переходные конструкции в синтаксисе / В. В. Бабайцева. Воронеж, 1967.

Эллипсис глагольной формы

Одним из новых явлений в синтаксическом строе современного русского языка является «сжатие и опрощение синтаксических конструкций»¹, проявляющееся, в частности, в эллипсисе глагольной формы. При эллипсисе какого-либо члена предложения, выраженного глагольной формой, оставшаяся часть берет на себя функции эллиптированной (опущенной), сохраняя и свою первичную функцию. В результате в словоформе сочетается старое значение с новым, появившимся в связи с установлением новых отношений между словоформами. Иллюстрируем это явление следующим примером: *Вскоре за поворотом увидел он родной дом, прикорнувший под снегом, елочки в палисаднике в пушистых заячьих лапках на каждой веточке, – все словно нежно замороженное и оставшееся таким, каким было в детстве, когда, надышав дырочку в заледеневшем стекле окна, можно было увидеть зимний сказочный мир и домики под снегом, похожие на обливные пряники* (Лидин).

Обстоятельственное значение в словоформе *под снегом* формируется в сочетании с глагольной формой *прикорнувший под снегом* и сохраняется в субстантивном словосочетании *домики под снегом* при эллипсисе причастия. В новом словосочетании словоформа *под снегом*, сохраняя лексико-грамматическое значение места, приобретает и новое значение определения при новом синтаксическом отношении.

В отличие от словосочетаний типа *поездка на Кавказ* в словосочетаниях типа *дом под снегом* значение места у зависимого слова не поддержано валентными свойствами главного слова, но не видеть его – значит не видеть различий между семантикой словосочетаний *кавказская поездка* и *поездка на Кавказ*, *дом под снегом* и *снежный дом*, значит допускать существование конструкций, не оправданных потребностью в выражении особого содержания.

Приведем примеры: *Окна в сад были открыты всю ночь* (Бунин); *Деревья на бульваре и около тротуаров – старые и развесистые* (Бунин); *Мимо Петрозаводска проходит великий водный путь на Север* (Паустовский); *Поезд из Орла шел не спеша* (Бунин); *Вода в Фонтанке отражала белое небо, свет без теней* (Гранин); *Ветер с озера исполнял свою музыку в исковерканных трубах* (Гранин).

В словосочетаниях этого типа главные слова имеют только значение предметности, зависимые слова конкретизируют определяемый предмет: не все окна, а окна, ведущие в сад; не все деревья, а деревья, растущие на

¹ См: *Акимова, Г. Н.* Новые явления в грамматическом строе современного русского языка / Г. Н. Акимова // Рус. яз. в национальной школе. 1980. № 5. С. 14.

бульваре, и т. д. Наряду с определительным значением, зависимая словоформа имеет и значение места. Это значение выявляется вставкой глагольной словоформы. Как и в других случаях эллипсиса, трудно говорить о неполноте словосочетаний без глагольных форм, но тем не менее эта неполнота значима, она поддерживается обстоятельственным или объектным значением зависимых предложно-падежных словоформ: *В кафе подали блинчики (какие? с чем?) с вареньем* (Атаров).

Лексико-грамматические свойства сочетающихся словоформ

Синкретизм членов предложения может быть обусловлен отнесенностью сочетающихся словоформ к лексико-семантическим группировкам слов, к лексико-грамматическим разрядам частей речи, их валентными свойствами и т. д. Покажем это на следующем примере: *Русалка на ветвях сидит* (Пушкин). К словоформе *на ветвях* можно задать два вопроса: *где?* и *на чем?* Эти вопросы обусловлены лексико-грамматическими значениями сочетающихся словоформ: вопрос *где?* – лексико-грамматическими свойствами глагола *сидеть*, а вопрос *на чем?* – как свойствами глагола *сидеть*, так и – особенно! – лексико-грамматическими свойствами словоформы *на ветвях*, в которой конкретно-предметное значение не ослабляется в данных синтаксических условиях (*сидеть* не только *где?*, но и *на чем?*). Обе валентности глагола *сидеть* обслуживает одна словоформа *на ветвях*. Ср.: *сидит в комнате на диване* – реализованы обе валентности; *сидит здесь* – одна. Совмещение значений места и косвенного объекта в словоформе *на ветвях* и позволяет задать к ней два вопроса, а следовательно, и квалифицировать данный член предложения как синкретичный, совмещающий значения дополнения и обстоятельства. Ср. также: *На пушистых ветках снежною каймой распустились кисти белой бахромой* (Есенин).

Лексико-грамматическими свойствами сочетающихся словоформ обусловлены также сходства и различия словосочетаний типа *поездка на Кавказ* и *дорога на Кавказ*. В словосочетании *поездка на Кавказ* более прочные связи между словоформами, так как в категориальном значении существительного *поездка* есть компонент действия, обуславливающий сильное управление. В словосочетании *дорога на Кавказ* – более свободное присоединение зависимой словоформы, граничащее с примыканием, так как существительное *дорога* относится к разряду конкретно-предметных и не требует управляемых слов. Словосочетания *поездка на Кавказ* и *кавказская поездка* синонимичны, а словосочетания *дорога на Кавказ* и *кавказская дорога* обозначают разный денотат, так как называ-

ют разные дороги. Для словосочетания *поездка на Кавказ* характерно встречное движение валентных свойств сочетающихся словоформ. Совмещение субстантивного и глагольного компонента в синкретичной семантике отглагольного существительного обуславливает атрибутивно-обстоятельственный характер словоформы *на Кавказ*, которая, в свою очередь, стремится к подчинению глагольному слову. В словосочетании *дорога на Кавказ* от существительного *дорога* исходит требование атрибута, а словоформа *на Кавказ* стремится к подчинению глагольной форме.

Выделенные факторы, обуславливающие синкретизм членов предложения, часто дополняют друг друга. При их взаимодействии в качестве ведущего выделяется тот семантический компонент, который создается характером синтаксических отношений.

Факторы актуализации семантических компонентов в синкретичных членах предложения

В синкретичных членах предложения может усиливаться какой-либо один семантический компонент, подавляя другой (*-ие*), который, однако, не исчезает совсем. Актуализация одного семантического компонента происходит под влиянием ряда факторов, из которых выделим следующие:

1) ряд однородных членов предложения, открываемый морфологизованным членом предложения: 1) *День был прохладный, с дождиком* (Лихоносов); 2) *Станция была большая, с буфетом и с книжным шкафом* (Чехов); 3) *Речь ее, медленная и спокойная, с короткими перерывами для раздумья, тихая и однотонная, без малейшего признака волнения, могла бы показаться холодной, если бы большие голубые глаза не были полны печали* (Поповский); 4) *Я шел понури́в голову, без мыслей, почти без ощущений, но весь погруженный в самого себя* (Тургенев).

В первых примерах (1, 2) морфологизованная именная часть сказуемого уподобляет себе по функции предложно-падежные словоформы, которые тем не менее сохраняют свой синкретичный характер (в них есть значение объекта). В 3-м предложении морфологизованные определения актуализируют в предложно-падежных словоформах *с перерывами, без признака волнения* атрибутивный компонент, а в 4-м предложении морфологизованное обстоятельство *понури́в голову* высекает обстоятельственный компонент не только в предложно-падежных словоформах *без мыслей, без ощущений*, но и в причастном обороте;

2) морфологизованное обобщающее слово: *Дождь шумел повсюду: и по крыше, и вокруг дома, и в саду* (Бунин); *Вокруг – на склонах распад-*

ков, на огромных вросших в землю гранитных валунах, на ветвях елей и сосен – толсто и пухло лежал неправдоподобно белый, никем и нигде не тронутый снег (Кочетов); В начале июня шли необычные для лета дожди: тихие, по-осеннему смирные, без гроз, без ветра (Шолохов);

3) морфологизованное уточняемое слово: *Вдруг впереди, на повороте, под темными горами, мелькнул огонек* (Короленко); *Тут старые, дряхлые ели всегда, даже в тихую погоду, издают легкий, суровый шум, пахнет смолой, и ноги скользят по сухим иглам* (Чехов); *За трассой метрополитена – множество домов, есть и такие же, как наши, – из стекла, бетона, пластика и металла* (Кучаев). В последнем примере в словоформах *из стекла, бетона, пластика и металла*, обозначающих объект – материал, из которого сделан предмет, актуализируется под влиянием определения *такие* атрибутивный компонент.

В некоторых случаях уточняющий член предложения актуализирует соответствующий компонент в уточняемом члене предложения: *Я к вам приду, в коммунистическое далеко* (Маяковский). В словоформе *к вам*, указывающей на лицо, обычно основным является объектный компонент. В этом случае ведущим оказывается обстоятельственный компонент под влиянием уточняющего члена предложения.

В сочиненном ряду словоформ при общем доминирующем значении могут быть объединены разные по сочетающимся свойствам синкретичные члены предложения: *При лечении земляникою просто едят ее сырою, но не вареной или сушеной. Едят одну или с молоком, сливками, молодой сметаной, с сахаром* (Солоухин). Дуплексивы *сырою, но не вареной или сушеной* совмещают значения определения и обстоятельства. В следующем сочиненном ряду дуплексив *одну* имеет эту же семантику, а словоформы *с молоком, сливками, сметаной, с сахаром* совмещают значения обстоятельства и дополнения (не являются дуплексивами) и связаны только со сказуемым.

Богатство оттенков – компонентов семантики членов предложения, обусловленных разнообразными факторами, не всегда четко дифференцировано грамматическими средствами, поэтому в тех случаях, когда словоформа с объектно-обстоятельственным значением попадает в позицию несогласованного определения (постпозицию к существительному), она может сочетать семантику определения, обстоятельства и дополнения: *А за окном моросит дождь, лужи (какие? на чем? где?) на асфальте* (Тендряков); *Вечер (какой? у кого? где?) у доктора был именно такой, какими бывают эти семейные вечеринки повсюду в провинциальной России* (Куприн). (Наличие обстоятельственного значения места маркирует наречие места *повсюду*, которое есть в придаточном предложении.)

Дорога (какая? к кому? куда?) *к Плисовым* шла все время в гору (Куприн); *Пар* (какой? из чего? откуда?) *из парходных труб* ложится на воду (Паустовский); *Плавание* (какое? по чему? где?) *по Волге* было для Шевченко праздником (Паустовский); *Окно из комнаты Федина* выходило на террасу (какую? над чем? где?) *над морем* (Паустовский).

В грамматической литературе отмечается обычно синкретизм лишь второстепенных членов предложения. Синкретичными могут быть все члены предложения.

Синкретичные члены предложения возникают и существуют не только из-за отсутствия тех или иных номинативных средств, но и потому, что они позволяют выразить с меньшим количеством языковых средств более сложный комплекс синтаксических значений.

С одной стороны, «развитие системы членов предложения характеризуется направлением от функционального синкретизма к функциональной разграниченности»¹, с другой стороны – идет образование новых синкретичных членов предложения. Многие синкретичные члены предложения отличаются стабильностью: они известны с древнейших времен и не обнаруживают тенденции к функциональной дифференциации.

Методическое примечание. При анализе синкретичных членов предложения не следует стремиться к категоричности квалификаций. Абсолютная четкость невозможна, так как именно отсутствие четких разграничительных линий позволяет выразить полутона с многочисленными оттенками.

Как для синтаксических исследований, так и для практики преподавания чрезвычайно важно не стремиться «втиснуть» синкретичный член в «прокрустово ложе» типичных членов предложения, а вскрывать в нем как то, так и другое, показывать оттенки в значении, допускать варианты в квалификации, отмечать сочетающиеся свойства.

Преодоление догматизма в практике преподавания возможно лишь с признанием факта существования переходных (синкретичных) явлений, что влечет за собой свободную (не категоричную!) трактовку значений членов предложения, выявление нескольких значений у словоформ, как это делается при анализе грамматического значения словосочетаний. Нельзя добиваться правдами и неправдами однозначной квалификации члена предложения, руководствуясь правилом «или – или» там, где нужно признавать «и – и».

Признание синкретичных членов предложения позволяет избегать насилий над языковыми фактами, однозначной квалификации семантически емких членов предложения. Описание многочисленных случаев синкретизма в системе членов предложения позволяет уточнить понятие типичных членов предложения.

¹ Мигирин, В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. Бельцы, 1971. С. 99–100.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ

Морфологизованные и неморфологизованные члены предложения

Среди структурных свойств членов предложения одним из наиболее важных является способ выражения членов предложения¹.

Между членами предложения и частями речи теснейшая связь. Учащиеся интуитивно чувствуют ее и с трудом отграничивают синтаксический уровень от морфологического. Это и не удивительно, так как «нередки случаи, когда исследователь приходит к смешению показателей членов предложения с показателями частей речи»².

В. В. Виноградов выделил 4 основных типа слов, «существеннейших конструктивных элементов предложений»³: 1) части речи, или слова-названия; 2) служебные слова; 3) модальные слова; 4) междометия. «Различия между основными типами слов, — пишет В. В. Виноградов, — сказываются и в их грамматических функциях, в их грамматической природе, в их формах»⁴.

В последние годы появились работы, описывающие структуру предложения с опорой на части речи. При этом в центре внимания оказывается комбинаторика частей речи, обусловленная их валентностью⁵.

В характеристике членов предложения, несомненно, велика роль морфологических категорий, но сводить синтаксис к морфологии, подменять члены предложения частями речи при описании строя предложения — значит не видеть специфики синтаксических и лексико-грамматических категорий, членов предложения и структурно-семантических классов слов. В. В. Виноградов предупреждал: «Вообще при построении теории предложения «морфологизм» в чистом виде не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложения»⁶.

¹ Т. П. Ломтев подверг справедливой критике эту формулировку. По его мнению, члены предложения «не выражаются», а сами выражают, являются «выражающими» (*Ломтев, Т. П. О спорных вопросах теории синтаксиса / Т. П. Ломтев // НДВШ: Филологические науки. 1958. № 4*). За неимением лучшей формулировки сохраняем традиционную, хотя и учитываем ее условность.

² Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. М.; Л., 1945. С. 17.

³ Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. М., 1947. С. 38.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ См., напр.: Бурлакова, В. В. Синтаксические структуры современного английского языка / В. В. Бурлакова. М., 1984.

⁶ Виноградов, В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения / В. В. Виноградов // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 266.

История языка показывает, что вычленение членов предложения предшествовало оформлению частей речи. Положение об исторической связи морфологии и синтаксиса прекрасно выразил В. В. Виноградов в классической формуле: «Нет ничего в морфологии, чего нет или не было в синтаксисе и лексике. Морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы»¹. В синтаксических условиях вырабатываются лексико-грамматические свойства слов, т. е. складывается система частей речи, синтаксические условия способствуют переходу слов из одной части речи в другую.

Исторически сложившаяся связь членов предложения и частей речи, несомненно, является ярким свойством, характеризующим как члены предложения, так и части речи. Соотносительность членов предложения и частей речи в грамматической литературе неоднократно рассматривалась с разных сторон.

При подходе к анализу этой соотносительности с уровня синтаксиса выделяют морфологизованные и неморфологизованные члены предложения², при подходе к анализу этой соотносительности с уровня морфологии выделяют первичные и вторичные синтаксические функции у частей речи³.

Морфологизованные члены предложения – это члены предложения, выраженные словами тех частей речи, для которых данная синтаксическая функция является первичной, основной. Неморфологизованные члены предложения – это члены предложения, выраженные словами тех частей речи, для которых данная синтаксическая функция является вторичной.

В результате можно отметить следующую соотносительность: для подлежащего типичны существительное⁴ и личные местоимения в форме именительного падежа; для глагольного сказуемого – спрягаемая форма глагола; для определения прилагательное, числительное, местоимение-прилагательное, причастие (в полной форме); для дополнения – существ-

¹ Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. М., 1947. С. 29.

² Аванесов, Р. И. Второстепенные члены как грамматическая категория / Р. И. Аванесов // Рус. яз. в школе. 1936. № 4; Кротевич, Е. В. Члены предложения в современном русском языке / Е. В. Кротевич. Львов, 1959.

³ Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. М., 1962.

⁴ Синтаксическая специализация имен существительных остроумно объясняется Д. Н. Шмелевым: «В нашем изменчивом мире имена существительные фиксируют нечто постоянное и устойчивое в непрерывном вихре событий, именно им принадлежит роль точек отсчета в наших представлениях об окружающей действительности» (Шмелев, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. М., 1976. С. 10).

вительное и местоимение в косвенных падежах; для обстоятельства – наречия, деепричастия.

Отмеченные способы выражения членов предложения являются эталонами.

Если этот перечень рассмотреть с уровня частей речи, то окажется, что первичные функции частей речи характерны для морфологизованных членов предложения, а вторичные – для неморфологизованных.

Неморфологизованные члены предложения могут трансформироваться в морфологизованные, т. е. вторичная для части речи функция может стать основной. Но это совсем необязательно. История языка показывает, что многие группы неморфологизованных членов предложения характеризуются известной стабильностью.

При неморфологизованных членах предложения неизбежно сочетание в членах предложения дифференциальных свойств разных членов предложения. Следовательно, неморфологизованные члены предложения всегда синкретичны, хотя синкретизм в них может проявляться в разной степени: удельный вес сочетающихся свойств может быть различным. В некоторых случаях «примесь» новых свойств настолько незначительна, что о ней можно не говорить; в других случаях незначительна «примесь» сохраняющихся свойств.

Части речи и члены предложения соотносительны, но не тождественны. «Между частями речи и членами предложения есть связь и даже взаимодействие, но нет параллелизма»¹, – отмечает В. В. Виноградов.

Использование частей речи в нетипичной для них синтаксической функции создает условия для явлений переходности в области частей речи. Так, прилагательные и причастия (в полной форме) в функции подлежащего и дополнения субстантивируются: *Молодой работает, старый ум дает* (пословица); *Битого, пролитого да прожитого не воротить* (пословица).

Хотя субстантивации поддаются не все части речи, но все части речи могут окказионально употребляться в позиции подлежащего и дополнения: *Он ждал «и», но последовало страшное «но»* (Гранин). Ср. также случаи окказиональной субстантивации в других синтаксических позициях: *Бродят черные галки по белой меже между зимним ЕЩЕ и весенним УЖЕ* (Шуйский);... *И Николай сказал негромко, словно про себя: – «Как-нибудь»... Страшная вещь: «как-нибудь»... «что-нибудь»... Лучшие ничего, чем что-нибудь! Лучшие никак, чем как-нибудь!..* (Бруштейн).

¹ Виноградов, В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения / В. В. Виноградов // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 275.

В процессе исторического развития русского языка ярко проявляется потребность в дифференциации обстоятельственных значений, эталоном выражения которых являются наречия.

В современном русском языке многие падежные и предложно-падежные словоформы находятся на различной стадии адвербиализации и только синтаксические условия позволяют вскрыть их наречные или субстантивные свойства или констатировать гибридный характер словоформ, их место на шкале переходности.

Возникновение многих наречий – следствие функционирования существительных с предлогами и без предлогов в роли обстоятельств: *кругом, босиком, пешком, дыбом, кубарем; сверху; внизу, сначала* и т. п. Ср.: *Я утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я* (Пушкин); *Коч овдовел позапрошлой зимой* (Белов); *Дело было глубокой осенью* (Белов).

Анализ синтаксических функций, свойственных различным частям речи, показывает, что только одну синтаксическую функцию выполняют спрягаемые формы глагола и деепричастия, остальные части речи могут выполнять несколько функций. Функции всех членов предложения может выполнять существительное, а также инфинитив, этимологически связанный с существительным.

Традиционный вопрос о соотношении членов предложения и частей речи, которому посвящена огромная литература, в последние годы дополняется проблемой соотношения членов предложения и синтаксических форм слова, проблемой синтаксических функций падежей¹.

Члены предложения и служебные слова

Служебным частям речи почти не уделялось внимания при изучении членов предложения, а между тем внимание к роли служебных слов в предложении позволяет вскрыть сложный механизм образования предложения, строевую и смысловую значимость всех языковых средств.

Служебная (синтаксическая) роль неполнозначных слов определяет их высокую частотность во всех стилях и жанрах речи. По свидетельству частотных словарей русского языка, неполнозначные слова занимают самые первые места, деля их с местоимениями, одной из функций которых также являются служебные функции указательности, вмещаемости,

¹ См.: Мразек, Р. Синтаксис русского творительного: Структурно-сравнительное исследование / Р. Мразек. Прага, 1964; Беличова, Е. Семантическая структура предложения и категория падежа / Е. Беличова. Прага, 1982; Плющ, М. Я. Категория падежа в семантико-синтаксической структуре предложения: автореф. дис. ... докт. филол. наук / М. Я. Плющ. Киев, 1984.

лексико-грамматических средств связи, усилительности и т. д. По данным Л. Н. Засориной, 50 % текста заполняется служебными и малоинформативными словами¹.

Рассмотрим роль предлогов, союзов и частиц в конструировании предложения и членов предложения.

Члены предложения и предлоги

Семантико-синтаксическое значение предлогов наиболее определено: не выполняя самостоятельно функции членов предложения, они входят в состав членов предложения, так как осуществляют синтаксическую связь (значение их близко к значению падежа) и дифференцируют значения словоформ². Предлог оформляет словоформу, дополняя лексико-грамматическое значение слова, например: *в лесу, около леса, возле леса, к лесу, мимо леса, до леса, от леса* и т. д. В этом ряду словоформ значение места дифференцируется с помощью предлогов.

Значения словоформ *из-за леса* и *из-за болезни* различаются лексическим значением существительных, но не только. Так, для определения значения словоформы *из-за леса* нужно знать и «значение отношений», нужен контекст, хотя бы в виде предложения. Ср.: (Откуда?) *Из-за леса показалась луна*; (Почему?) *Из-за леса не видно солнца*.

Подобно окончанию, предлог связывает слова не только в словосочетании, но и в предложении. Особенно наглядна роль предлогов в предложении (а не только в словосочетании) в тех случаях, когда предложно-падежное сочетание выступает как детерминант и может быть отнесено к разным членам предложения, например: *За рекой луга зазеленели* (Бунин). В этом предложении словоформа *за рекой* может быть включена как в состав субстантивного (ср.: *заречные луга*), так и глагольного словосочетаний (*за рекой зазеленели*). Более подробно такие случаи рассматриваются в разделе о детерминантах.

Особенно велика семантическая роль синкретичных по своей семантике предложных образований, сохраняющих в какой-то мере лексико-семантическое значение тех слов, от которых они образуются. Это наречные, отыменные и деепричастные предлоги. Все названные группы производных предлогов появились в результате потребности в более

¹ См.: Засорина, Л. Н. О статистике и автоматизации в лексикографии / Л. Н. Засорина // НДВШ: Филологические науки. 1963. № 4. С. 98.

² Предложное сочетание благодаря вносимому в него предлогом значению развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной форме (*Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. М., 1941. С. 504*).

точном выражении синтаксических значений. Они входят в зону синкретизма в системе предлогов и мотивирующих частей речи. Даже такой предлог, как *около*, лексически значим:... *Юношей я лежал в госпитале, в войну. Меня положили в клубе около сцены. Около! Не на сцене, а рядышком. Хуже нет быть около чего-то в жизни* (Лихоносов). Актуализация наречных свойств у наречного предлога *около* в этом речевом употреблении осуществляется изолированным повтором, а также заменой гибридного слова *около* наречием *рядышком*. Предложное значение подчеркнуто функциональной соотнесенностью производного предлога с непроизводным в словоформе *на сцене*.

Наречные предлоги дифференцируют синтаксические функции существительных. Ср. также: Будущее не просматривается сквозь голубой зеркальный воздух ранней весны, но тень будущего как бы плывет вдоль волнистого горизонта (Катаев); Ночью сквозь шорох дождя пароход прокричал четыре раза (Паустовский). Наречный предлог *сквозь* подчеркивает объектное значение существительного, а *вдоль* – обстоятельственное значение места.

Предлоги, образованные от существительных, также сохраняют некоторые свойства источника. Так, для дифференциации обстоятельственного значения времени грамматикализируются следующие сочетания: с течением времени, на короткое время, в последнее время, в первое время, все время, в скором времени, тем временем, в свое время, с незапамятных времен и др. Предлоги *в течение*, *в продолжение* указывают на продолжительность действия во времени: *Осень наступила в этом году поздно, но зато в течение нескольких дней подняла реки, размывала дороги, разнесла по бревну ветхие мосты* (Яшин); *В продолжение утра и середины дня он весь был погружен в арифметические расчеты* (Л. Толстой). Лексическую значимость слова *в продолжение* оттеняет существительное *середина*.

Явления переходности, связанные с формированием наречных и субстантивных предлогов¹, затрудняют определение границ словоформ, отграничение их от словосочетаний. Так, в предложениях *Сядь со мною рядом* и *Ветер дул мне навстречу* определение объема обстоятельства может быть двояким: *рядом* и *со мною рядом*; *навстречу* и *мне навстречу*, так как *рядом* и *навстречу* в постпозиции являются гибридными словами, в равной мере обладающими свойствами наречий и предлогов. Ср. также следующие случаи функционирования звукового комплекса вместе: *Мы вместе шагали под градом картечи в суровые годы войны* (Сур-

¹ См.: Черкасова, Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. М., 1967.

ков); *Командира вместе с военкомом утром хоронили* (Маршак); *Чиновники губернских учреждений совместно с женами ставили любительский спектакль* (Паустовский).

В русском языке формируются новые типы деепричастных предлогов, сохраняющих в разной мере свойства источника. Часть деепричастных предлогов утратила лексические связи с источником: Эта власть несколько слабела благодаря острой болезни (Грин); часть сохраняет лексическую общность с источником: Я всеми чувствами, исключая осязания, наслаждался природой (Л. Толстой).

Часть формирующихся предлогов дифференцирует известные обстоятельственные значения (*вдали от, в направлении к, в обстановке* и др.); часть же выражает обстоятельственные значения, не выделенные еще в особые виды обстоятельств. Таковы, например, *вместе с, применительно к, в отношении к, в качестве, за исключением, исключая* и т. п.: Левитан оставил около ста «осенних» картин, не считая этюдов (К. Паустовский) = без этюдов, исключая этюды, за исключением этюдов.

Включая предлоги в состав члена предложения, мы тем самым усиливаем самостоятельность значения самой предложно-падежной словоформы, вне ее связи с другими формами. Очевидно, что словоформы в школу и в школе имеют разную семантику: в первом случае – значение направления движения, во втором – значение места действия. В условиях конкретного предложения, при сочетаемости со словами, обозначающими предметы, а не действия, эти словоформы, сохраняя пространственные значения, приобретают и значения определений. Ср.: Дорога в школу шла через сквер. – Завтраки в школе необходимы для учащихся.

Некоторые предлоги, закрепившиеся за определенными падежами, выступают как сигнализаторы значений членов предложения. Полезно, например, знать такие случаи: предлоги *для* и *ради* обычны в обстоятельствах цели; предлог *несмотря на* характерен для обстоятельства уступки, предлог *при* часто встречается в обстоятельстве условия, предлог *из-за* характерен для обстоятельства причины и т. д.¹

Методическое примечание. Включая предлоги в состав члена предложения, нужно показывать учащимся их значения, ограничивать предлоги от других частей речи. При условно-графическом разборе предложений следует подчеркивать предлоги вместе с существительными и заменяющими их словами: *Около пещеры мы заметили стаю бакланов* (Паустовский); *Белый пар по дугам расстилается* (Никитин).

¹ См. подробнее: «Грамматика – 80», раздел «Подчинительные связи слов и словосочетания» (§ 1720–1889) и раздел «Синтаксис формы слова» (§ 2680–2751).

Члены предложения и союзы

Союзы, наряду с интонацией, соединяют члены предложения в сочиненные ряды словоформ – ряды однородных членов предложения: *Иркутск и Варшава, Орел и Каховка – этапы большого пути* (Светлов); *Мирзоев попал в госпиталь, а потом на завод* (Панова).

В вузовской и школьной практике синтаксического разбора предложений союзы обычно не включаются в состав членов предложения, они остаются между членами предложения при условно-графическом выделении их. Эта традиция идет от А. М. Пешковского, по наблюдениям которого сочинительные союзы «не только физически, но и по значению стоят между соединяемыми величинами, не сливаясь нимало ни с одной из них»¹.

Такая оценка союзов в какой-то мере оправдана чисто структурным и методическим подходом к анализу компонентов предложения, но не всегда может быть оправдана и приемлема с учетом семантики, с учетом цельности блока однородных членов предложения².

Обратимся к данным выше примерам. В первом предложении однородные члены предложения образуют цельный структурно-семантический блок, который в совокупности всех словоформ подчиняет себе сказуемое, требуя формы множественного числа. Однородные подлежащие нельзя порознь соединить со сказуемым, в однородных членах есть значение последовательности этапов во времени, которая во втором предложении тоже есть и выражена лексико-грамматически – наречием *потом*.

Блок однородных членов предложения, скрепленный разными средствами, в том числе и союзами, выступает как единое целое по отношению к тому члену предложения, с которым он связан.

Еще сложнее определение границ (объема) членов предложения при переплетении свойств частиц и союзов. Отметим лишь некоторые случаи, в которых синтезируются свойства частиц и союзов: *Здание железнодорожного клуба было цело, только обветшало за эти годы* (Лидин); *Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей* (Лермонтов); *И туман, и непогоды осень поздняя несет* (Пушкин). Повтор союза создает особый оттенок в его значении, вследствие чего образуется эмоционально-усилительный союз-частица.

¹ Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. М., 1956. С. 464.

² Бабайцева, В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева. М., 1979. С. 152–166.

Многочисленные примеры, для которых характерна текучесть, зыбкость и подвижность границ между союзами и частицами, еще более оттеняют единство структурно-семантического блока однородных членов, занимающего позиции того или иного члена предложения. Вопрос о границах между членами предложения, об их объеме при наличии союзов требует дополнительных наблюдений и уточнений, но уже сейчас несомненно, что ответ на него не может быть однозначным во многих случаях, особенно в практике школьного и вузовского преподавания.

Члены предложения и частицы

Внимание к структурным и семантическим свойствам предложения и его членов позволило дифференцировать функциональные свойства частиц, неоднозначных по синтаксической роли. Они могут входить в состав члена предложения, могут оформлять все предложение в целом. Во многих случаях трудно четко отграничить частицы, относящиеся ко всему предложению, от частиц, входящих в состав какого-либо одного члена предложения. Такие полифункциональные частицы более емки по структурно-семантическим свойствам, чем частицы с одной функцией.

Входя в состав члена предложения, смысловые частицы привносят в семантику члена предложения в соответствии с разрядом свои значения (указательные, определительно-уточняющие, выделительно-ограничительные, усилительные): *Стройка – это огромный механизм, и его звено – лишь маленькая клеточка этого механизма* (Чичков); *Только влюбленный имеет право на звание человека* (Блок); *Шумливы только мелкие речки* (Песков); *Петя знал, что он плохо воспитан и что некоторые неудачи в его жизни произошли именно по этой причине* (Каверин); *Я готов обнять даже дом у Москвы-реки* (Лазарев); *Мы – дети баррикад. Мы сами – баррикады* (Евтушенко).

На границе между предложениями смысловые частицы берут на себя и функции союзов: *Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка – это флаг корабля.* (Лебедев-Кумач); *Но черствый хлеб не перестает быть хлебом. Даже самый черствый хлеб не превращается в камень* (Ю. Яковлев).

Эмоционально-экспрессивные (восклицательные) частицы (*Что за, как, какой, куда, где там, куда там*) сочетают две функции: 1) выступают как строевые элементы восклицательного предложения и усиливают восклицательную интонацию всего предложения (при наличии их обязательно ставится восклицательный знак!); 2) усиливают степень качества того слова, с которым непосредственно сочетаются: *Что за прелесть эти сказки!* (Пушкин); *Как эти ливни золотые, пугая, радовали нас!* (Бу-

нин); *Как хороши, как свежи были розы!* (Мятлев); *Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!* (Некрасов); *Какая теплая и темная заря!* (Бунин).

Как и какой функционально сближаются с наречием *очень*. В таких случаях не следует добиваться однозначной морфологической квалификации их. Ср. также: *Исключение составлял зазимовавший в поселке писатель... Да, впрочем, какой он был писатель. По целым суткам пропадал с рыбаками в море...* (Куприн); *Тишина, ах, какая стоит тишина!* (Алигер); *Ах, какая большая стоит тишина!* (Алигер).

Особенно разнообразны функции модальных частиц.

Отрицательная частица *не* может входить в состав любого члена предложения, частица *ни* при повторе совмещает функции союза с функцией частицы; частица *не* при повторе усиливает утверждение: *Ни зима, ни весна, ни лето, ни осень не оказывали ни малейшего видимого влияния ни на него, ни на его образ жизни* (Бунин); *Но он не мог не думать о работе* (Яшин).

Вопросительные частицы (*разве, неужели, ли*) являются одним из средств оформления вопросительного предложения, в состав членов предложения не входят: *разве гром бывает немотом болен? Разве удержишь смерч, чтоб вихрем не кипел?* (Маяковский); – *А плохо разве быть великим хирургом?* (Крелин); *Приходилось ли видеть колючие кусты можжевельника, приятно пахнущие смолою?* (Соколов-Микитов). И даже эти самые однозначные частицы имеют выделительно-ограничительное и усилительное значение, примыкая в интерпозиции к глаголу-сказуемому.

Сравнительные частицы (*как, как бы, словно, будто, как будто, точно, вроде* и др.) вносят в семантику членов предложения значения сравнения, неуверенности, предположения: *И он по площади пустой бежит и слышит за собой как будто грома грохотанье* (Пушкин); *Дни как битвы* (Сикорский); *Я брожу как бы во сне...* (Тютчев); *Я успел только разглядеть очертания небольшой, как будто детской руки* (Короленко).

Сравнительные частицы могут относиться ко всему предложению или его обособленной части, изменяя их модальность: *Молодой, нежный месяц, будто забытый жницей серебряный серп, лежал на синем пологие ночи* (Паустовский); *Сосна-великаниша, будто отдаваясь сладкой своей гибели, еще не шевельнула ни единой иглой* (Белов).

Формообразующие частицы (*пусть, пускай, да, бы, дай (-те), давай (-те), самый* и др.) проявляют себя в предложении неоднозначно.

Частица *бы* (*б*) всегда входит в состав сказуемого, образуя форму согласительного наклонения: *Хотел бы в единое слово я слить мою грусть и печаль* (Мей).

Частица *самый* образует превосходную степень прилагательного и вместе с ним выполняет функцию одного члена предложения: *Гайдар писал тогда самый изумительный свой рассказ «Голубую чашку»* (Паустовский); *До самой последней минуты инженер Алексей Ковшов не верил, что уезжает на восток* (Ажаев).

В сочетании с существительными частица *самый* имеет усилительное значение и вместе с существительным образует один член предложения: *Баржа стояла в самой глубине бухты, под берегом* (Конецкий); *Его обдало теплом и тем милым хлебным запахом, которым были пропитаны самые стены* (Николаева).

Частицы *пусть, пускай, да, давай(-те)* и др. выполняют двойную функцию: оформляют побудительное предложение и служат для образования формы повелительного наклонения глагола-сказуемого: *Да будет мягким сердце, твердой воля! Пусть этот нестареющий наказ напутствием послужит каждой школе, любой семье и каждому из нас* (Маршак); *Да здравствуют звонкие песни и радость улыбки вокруг!* (Лебедев-Кумач).

Особенно очевидна двойная функция частицы *пусть* при сопоставлении однофункциональных предложений, различных по способам выражения грамматического значения предложения: *Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят* (Фатьянов).

Формообразующая функция частиц *да, пусть* и др. ярче при их интерпозиции: *Наш веселый смех пусть несется дальше всех* (Ошанин); *Дни тяжких испытаний наступают, но, принимая тяготы войны, пусть руки наши устали не знают, сердца да будут ожесточены* (Чивилихин).

Подводя итоги анализа синтаксических функций служебных слов, отметим, что наиболее определены синтаксические функции предлога: он всегда входит в состав члена предложения. Структурная и семантическая роль союзов и частиц менее определена: здесь возможны вариативные оценки союзов и частиц, тем более что нередко они сочетаются в одном слове: с одной стороны, союзы принимают на себя смысловой груз частиц, с другой – частицы начинают выполнять роль средств связи. То же самое можно сказать и о частицах, обслуживающих члены предложения и предложение в целом. При разборе таких предложений по членам предложения возможны вариативные решения.

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ПОМОГАЮЩИЕ РАЗГРАНИЧЕНИЮ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. Использование вопросов

В практике синтаксического разбора в школе второстепенные члены предложения обычно определяются по вопросам. Применяя вопросы, ученики часто сталкиваются с трудностями, когда никакой вопрос к тому или другому члену предложения не подходит: *Ты **опять** пришел? Он победил **второй раз**. Мы **снова** встретились. Брат **действительно** болен. Я застал ее **замужем**. Больной кричал **в бреду**. Он плакал **во сне**. Бросил папироску, **растоптав** ее **ногой***. К выделенным словам и словосочетаниям трудно поставить какой-нибудь вопрос.

Кроме того, иногда к одному члену предложения вполне подходят два, а то и три разных вопроса: *Я иду **купить** хлеба*. К инфинитиву *купить* можно поставить вопросы: *Куда ты идешь?* и *Зачем ты идешь?* По первому вопросу это – обстоятельство места, по второму вопросу – обстоятельство цели.

На зов он явился немедленно. Один поставит вопрос: *На что он явился?* и скажет, что *на зов* – дополнение. Другой определит как обстоятельство времени по вопросу: *Когда он явился?* – *На зов*, т. е. когда позвали. Третий скажет, что больше подходит вопрос: *Почему он явился?* – *На зов*, т. е. потому что позвали. Какому же вопросу отдать предпочтение?

Такие трудности возникают при синтаксическом разборе, если руководствоваться только вопросами. Это рождает отрицательное отношение к использованию вопросов в школе. Так, А. М. Пешковский сорок с лишним лет назад писал: «Не боясь впасть в преувеличение, я утверждаю, что в современной школьной практике «вопросы» – это могила понимания, это дурман, одинаково наводящий тяжелый и бездумный сон и на учителя, и на учеников, – сон, именуемый в школе «грамматикой»¹. Отрицательно относятся к использованию вопросов при выделении членов предложения и А. Б. Шапиро, и некоторые другие лингвисты и методисты.

В 1966 году в журнале «Русский язык в школе» была опубликована статья С. И. Груздевой, в которой она не советует учителям отказываться

¹ Пешковский, А. М. Вопрос о «вопросах» / А. М. Пешковский // Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 33–34.

от вопросов: «... членение предложения на части по вопросам – вполне допустимый прием при условии, что учитываются некоторые отступления»¹.

Нам кажется, что следует согласиться с мнением С. И. Груздевой. Даже А. М. Пешковский, так сурово осудивший «вопросную» методику синтаксического разбора в школе, подчеркивал: «Вопросы» при современном крайне низком уровне грамматической подготовки учителя и впредь до хоть сколько-нибудь заметного повышения этого уровня должны быть совершенно удалены из учебников и из школы»². Как видим, А. М. Пешковский отказывался от вопросов только до того времени, когда хоть сколько-нибудь повысится уровень подготовки учителей. За 40 лет, прошедших после его выступления, уровень научно-методической подготовки учителей, несомненно, значительно повысился, поэтому не удивительно, что многие ученые и методисты не отвергают приема постановки вопросов. Задача сейчас состоит в том, чтобы этим приемом пользоваться правильно.

В. М. Никитин в одной из своих работ, посвященных второстепенным членам предложения, высказал мысль о наличии трех типов вопросов: лексических, морфологических и синтаксических³. Возьмем пример, приведенный В. М. Никитиным: *Моя цель – учиться*. Здесь вопрос: *Какая твоя цель?* – не вскрывает синтаксической функции инфинитива, так как инфинитив не является обстоятельством цели. Вопрос о цели связан с лексическим значением подлежащего. Ср.: *Причина неявики – болезнь*. Слово *болезнь* не обстоятельство причины, хотя к нему и можно поставить вопрос: *В чем причина неявики?* Постановка таких вопросов не вытекает из синтаксических отношений между словами, она полностью связана с семантикой слова. Такие вопросы можно назвать лексическими.

Всякое существительное имеет форму определенного падежа, поэтому в составе предложения к нему можно поставить один из падежных вопросов. Напр.:

Р. П. занимался музыкой (до чего?) до работы.

Д. П. забыл свое горе (благодаря чему?) благодаря работе.

В. П. надеялся (на что?) на работу.

¹ Груздева, С. И. Второстепенные члены предложения на современном этапе их изучения / С. И. Груздева // РЯШ. 1966. № 2. С. 95–96.

² Пешковский, А. М. Вопрос о «вопросах» / А. М. Пешковский // Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 33

³ Никитин, В. М. Обстоятельство как грамматическая категория в современном русском языке и его место в системе членов предложения / В. М. Никитин. Саратов, 1959. С. 15.

Т. П. пришел к мастеру (за чем?) за работой.

П. П. задержался (на чем?) на работе.

Эти падежные вопросы – вопросы морфологические.

Поставим к выделенным словам вопросы, которые помогли бы установить характер синтаксических отношений существительного к глаголу, т. е. синтаксические вопросы. Синтаксический вопрос иногда не совсем правильно называют смысловым. Известно, что синтаксические отношения между членами предложения опираются на смысловые, но не тождественны им.

Занимался музыкой (когда?) до работы.

Забыл свое горе (почему?) благодаря работе.

Надеялся (на что?) на работу.

Пришел к мастеру (зачем? с какой целью?) за работой.

Задержался (где?) на работе.

Конечно, при синтаксическом членении текста нужно пользоваться только синтаксическими вопросами. Но чтобы упорядочить методику их применения, попробуем из этих приведенных выше пяти вопросов выделить три разновидности. Первая разновидность – синтаксический вопрос на что?, устанавливающий объектные отношения между существительным с предлогом *на работу* и глаголом *надеялся*, совпадает с морфологическим (падежным) вопросом винительного падежа. Такие вопросы косвенных падежей можно поставить только к дополнениям. Синтаксическая функция этих слов почти никогда не вызывает сомнений при отграничении второстепенных членов предложения друг от друга. Нужно отметить, что именная часть сказуемого тоже часто допускает постановку к ней только вопроса косвенного падежа: *Брат стал **врачом**; Кем стал брат?*) И это вызывает иногда смешение ее с дополнением.

Вторая разновидность вопросов: 1) *Занимался музыкой (когда?) до работы*; 2) *Задержался (где?) на работе*. В речи мы используем только эти, синтаксические вопросы, хотя, *занимаясь* морфологией, при определении падежных форм ставим и другие, морфологические вопросы: 1) *Занимался музыкой (до чего?) до работы*; 2) *Задержался (на чем?) на работе*. Члены предложения, к которым можно поставить вопросы этой, второй разновидности, тоже не вызывают сомнений. В системе глагольных словосочетаний они выражают обстоятельственные значения.

Сложнее обстоит дело с вопросами третьей разновидности: 1) *Забыл свое горе (благодаря чему? почему?) благодаря работе*. 2) *Пришел к мастеру (за чем? с какой целью?) за работой*. И морфологический и синтаксический вопросы одинаково употребительны в нашей речи. Вот здесь и начинаются колебания. Если отдать предпочтение падежному вопросу – дополнение, если синтаксическому – обстоятельство.

Но предпочтение падежным вопросам отдавать нельзя, так как эти вопросы действуют в сфере морфологии при выявлении падежных форм. Поэтому можно сформулировать универсальное и сугубо грамматическое правило: при возможности постановки к слову морфологического и синтаксического вопросов это слово не может рассматриваться как дополнение. При глаголе оно обстоятельство, при существительном обычно определение.

Руководствуясь этим правилом, можно снять многие трудности, связанные с выявлением синтаксической функции слова в предложении. Например, какие синтаксические отношения в выделенном словосочетании: *Желание учиться овладело мальчиком?* К инфинитиву можно поставить два вопроса: *Желание чего? Желание какое?* Но дополнение отвечает только на вопросы косвенных падежей. Значит, правильнее объяснять инфинитив как определение (по синтаксическому вопросу).

§ 2. Прием замены членов предложения придаточным предложением

Как же быть с теми членами предложения, к которым можно поставить два разных обстоятельственных (значит, синтаксических) вопроса: *Я иду купить хлеба* (куда? зачем?)? В таких случаях помогает прием преобразования (трансформации) синтаксических конструкций. Простое предложение *Я иду купить хлеба* можно преобразовать в сложноподчиненное (при сохранении этого же значения): *Я иду, чтобы купить хлеба*. Придаточное предложение имеет не пространственное, а целевое значение, т. е. оно выполняет ту же синтаксическую функцию, что и инфинитив в простом предложении.

Сравним еще два предложения: 1) *При всем желании он не может мне помочь*; 2) *При желании он смог бы мне помочь*. Вопросы к выделенным сочетаниям учащиеся ставят с трудом, а иногда и неправильно: *Он не может мне помочь при чем? Он мог бы мне помочь при чем?* Гораздо проще и легче определить синтаксические функции рассматриваемых сочетаний преобразованием простых предложений в сложноподчиненные: 1) *Хотя он и желает, но не может мне помочь*; 2) *Если бы он пожелал, он смог бы мне помочь*. Ясно, что *при всем желании* – обстоятельство уступки, *при желании* – обстоятельство условия.

Но нужно иметь в виду, что такого рода преобразования не должны быть произвольными. Они допустимы только при сохранении синонимичных отношений между двумя синтаксическими единицами. Сравним такие примеры: 1) *Никогда не давайте проверять ваших открытий людям, зависящим от вас материально, людям, вам подчиненным...*

(Ю. Герман); 2) *Никогда не давайте проверять ваших открытий людям, если они зависят от вас материально, если они подчинены вам.* Возможность замены причастных оборотов придаточными условными связана с наличием у этих оборотов условных оттенков. Но основное их значение не условное, а определительное, поэтому синтаксическим синонимом к простому предложению будет такое сложноподчиненное: *Никогда не давайте проверять ваших открытий людям, которые зависят от вас материально, людям, которые вам подчинены.*

§ 3. Замена неморфологизованного члена предложения морфологизованным

Может возникнуть вопрос: всегда ли удачны такие преобразования? Напр.: *Его добротой я был растроган до слез.* Попробуем заменить выделенный член предложения придаточным: *Его добротой я был растроган так, что хлынули слезы.* Вряд ли такую замену можно признать синонимичной, потому что придаточное степени имеет еще и значение следствия, чего нет в обстоятельстве. В таких случаях лучше пользоваться другим приемом, рекомендованным еще Р. И. Аванесовым, – заменой неморфологизованного члена предложения морфологизованным¹. Ср.: *Его добротой я был сильно (очень) растроган.* Наречия степени *сильно, очень* являются здесь бесспорными обстоятельствами степени. Синонимичная им предложно-именная форма *до слез* выступает в такой же синтаксической функции обстоятельства степени.

Этот прием является особенно надежным средством при разграничении несогласованных определений, с одной стороны, дополнений и обстоятельств к существительному – с другой. Напр.: *шашка деда – дедова шашка, рама окна – оконная рама, площадь у вокзала – привокзальная площадь, сторожка в лесу – лесная сторожка, ложка из дерева – деревянная ложка.* Во всех этих словосочетаниях между подчиненным и подчиняющим словом – определительные отношения, хотя в некоторых примерах они осложнены обстоятельственным оттенком (*площадь у вокзала, сторожка в лесу*).

Таким образом, прием замены неясного в синтаксическом отношении члена предложения придаточным предложением или морфологизованным членом тоже может оказать существенную помощь при решении некоторых трудных вопросов синтаксиса второстепенных членов предложения.

¹ Аванесов, Р. И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории / Р. И. Аванесов // РЯШ. 1936. № 4. С. 55–56.

Все-таки необходимо отметить, что и постановка вопроса, и прием замены одних синтаксических единиц другими не гарантируют полностью от различного толкования некоторых случаев употребления второстепенных членов предложения. Взять хотя бы пример, приведенный в начале этой главы: *На зов он явился немедленно*. Выделенное предложно-именное сочетание допускает преобразование его и в придаточное времени, и в придаточное причины. Также правомерны и оба синтаксических вопроса: *Когда явился? Почему явился?*

Следовательно, возможность объяснения одних и тех же синтаксических явлений по-разному не исключается, особенно там, где в языке есть переходные случаи. Напр.: *Любя, помни, что есть ненависть, ненавидя, помни, что есть любовь* (Ф. Вигдорова). Каким членом предложения являются выделенные деепричастия? Ср.: 1) *Если любишь, помни, что есть ненависть, если ненавидишь, помни, что есть любовь. Когда любишь, помни, что есть ненависть, когда ненавидишь, помни, что есть любовь*. Таким образом, деепричастия *любя, ненавидя* совмещают функцию обстоятельства условия и обстоятельства времени.

Однако было бы неправильно относить к переходным случаям те члены предложения, синтаксическая функция которых бесспорно выявляется при помощи рассмотренных выше приемов. Напр.: *Сказать сквозь смех*. Ставим синтаксический вопрос: *Сказать как?* Заменяем морфологизованным членом предложения: *Сказать смеясь*. Ясно, что это обстоятельство образа действия. А в пособии по русскому языку для университетов утверждается, что сочетание *сквозь смех* имеет определительно-обстоятельственное и объектное значения, которые выявляются при помощи вопросов: *Сказать как? сквозь что?* То же самое и в отношении примера: *Оповестить (как? через что?) через газету*, хотя ясно, что и это – обстоятельство образа действия.

Стремление к двоякому толкованию там, где оно не оправдано языковой системой, особенно вредно в практике школьного преподавания, потому что вырабатывает у учащихся привычку недостаточно вдумчиво относиться к явлениям языка, уверенность, что в грамматике нет ничего определенного, бесспорного, что любое объяснение можно признать правильным.

§ 4. Сопоставление словосочетаний, имеющих разное лексическое наполнение, но тождественные синтаксические отношения

Выше для доказательства наличия в словосочетании определительных отношений был использован прием замены несогласованного определения согласованным. Ср.: *шкаф для платья – платьной шкаф*. Если же в аналогичном словосочетании подобная замена невозможна, это еще

не значит, что определительные отношения здесь отсутствуют. Так, в предложении *Шкаф для платья поставим в углу* – для платья – определение, и в предложении *Графин для воды поставим на столе* – для воды тоже определение, хотя его и нельзя заменить морфологизованным членом.

Прием сопоставления подобных словосочетаний, имеющих разное лексическое наполнение и тождественные синтаксические отношения, тоже помогает при определении синтаксической функции слова. Напр.: *Девушка с косичками стояла у края платформы*. Выделенные неморфологизованные члены предложения нельзя заменить морфологизованными. Подбираем аналогичные словосочетания: *Старик с бородой стоял у берега моря*. *Девушка с косичками*, *старик с бородой* – это именные предложные словосочетания, в которых зависимое слово называет предмет как сопровождающий характерный признак другого предмета. *Старик с бородой*, *бородатый старик* – определительные отношения. *С бородой* – определение. *Девушка с косичками* – тоже определительные отношения, *с косичками* – определение. *У берега моря* – у края платформы – это именные словосочетания, в которых главное слово называет часть предмета, а зависимое слово – весь предмет. *У берега моря* – у морского берега – определительные отношения, *моря* – определение. *У края платформы* – тоже определительные отношения, *платформы* – определение.

§ 5. Подстановка однородных членов предложения

В методических пособиях для разграничения второстепенных членов предложения иногда рекомендуется прием подстановки к сомнительному по своей синтаксической функции слову однородного члена, бесспорного в синтаксическом отношении. Напр.: *Я выступаю не от его имени*. *Я выступаю самостоятельно, а не от его имени*. *Самостоятельно* – обстоятельство образа действия, значит, и *не от его имени* – такое же обстоятельство. Всегда ли применение этого приема дает правильный ответ?

Р. И. Аванесов приводит такие примеры: 1) *Он пишет чисто и без ошибок*; 2) *Он пишет грязно и с ошибками*; 3) *Он пишет грязно, но без ошибок*; 4) *Я привык к его прямому и без нажима почерку* и т. п. и делает вывод: «Сочинительная связь между соподчиненными членами предложения, выраженными разными морфологическими категориями, является формально-грамматическим признаком тождественности их синтаксической функции»¹. Это мнение разделяют А. Г. Руднев, Д. Н. Шмелев и др.

¹ Аванесов, Р. И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории / Р. И. Аванесов // РЯШ. 1936. № 4. С. 58.

Однако более внимательные наблюдения над фактами языка привели ученых к выводу, что сочинительной связью иногда объединяются и функционально разные члены предложения. Напр.: *Отец, вздохнув и очевидно смущенный, весьма скоро прервал свою речь...* (Л. Н. Толстой). По мнению авторов «Грамматики русского языка» (Изд-во АН СССР, 1960), наличие обстоятельственного оттенка у обособленного определения *смущенный* дает возможность объединить это определение сочинительной связью с обстоятельством *вздохнув*.

Следовательно, связать сочинительным союзом два члена предложения, разных по синтаксической функции, можно, но только в том случае, если у них есть какой-нибудь признак, общий для этих членов. Напр.: *Видит: весь сияя в злате, Царь Салтан сидит в палате. На престоле и в венце С грустной думой на лице* (А. С. Пушкин). *На престоле и в венце* – разные члены предложения, хотя они объединены союзом *и*. Почему эти функционально разные члены предложения можно связать соединительным союзом *и*, но нельзя, например, построить предложение «Ваня сидит на диване и в шляпе»?

Н. М. Александров отвечает на этот вопрос так: «Пушкин хотел изобразить царя в основных признаках его сана; и поэтому смысловая роль обоих сочетаний является у него одинаковой, вследствие чего они и могут быть соединены сочинительным союзом»¹.

А. С. Попов считает, что «общей базой разнофункциональных членов предложения может быть местоименность, обстоятельственное значение и некоторые другие общие явления»². Напр.: 1) *Никто и нигде меня не ждет* (К. Паустовский); 2) *Он... стал наставлять Наташу, где и какого купить вина* (Л. Соболев); 3) *В комнате и вечером она была молже и легче* (С. Сергеев-Ценский); 4) *Он шел слушать лекции или в библиотеку* (Ю. Либединский).

Значит, если иметь в виду эти исключения, то приемом подстановки к неморфологизованному члену предложения однородного морфологизованного можно пользоваться. Напр.: *Бегу к дому*. Иногда выделенную форму относят к дополнению, но распространим этот член синтаксически однородным ему: *Бегу не направо, а к дому*. Конечно, больше оснований считать, что *к дому* является обстоятельством места со значением направления.

¹ Александров, Н. М. Проблема второстепенных членов предложения / Н. М. Александров // Уч. Зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1963. Т. 236. С. 296.

² Попов, А. С. Однородные члены предложения, имеющие разную форму и разную функцию в современном русском языке / А. С. Попов // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964. С. 50.

Он ехал на телеге (на чем? как?). Ср.: Он ехал *то на телеге, то верхом* – выделены обстоятельства образа действия со значением способа. Самолет пронесся *над рощей* (над чем? где?) А. Б. Шапиро говорит, что, пользуясь вопросами, трудно определить, какой член предложения *над рощей*¹. Но если поставить этот член предложения в один ряд с другим, бесспорным в синтаксическом отношении, то и его функция становится ясной: Самолет пронесся *не здесь, а над рощей* – обстоятельство места.

Может показаться, что, заранее решив для себя, какой это член предложения, мы искусственно подгоняем его под эту рубрику путем подстановок. Если бы это было так, то к рассматриваемым членам можно было бы подобрать и другие морфологизованные члены предложения, но этого же сделать нельзя.

Правда, если взять такой пример: *Товарищ говорил об этом на собрании*, то его можно распространить двояко: *Товарищ говорил об этом не дома, а на собрании. Товарищ говорил об этом не сейчас, а на собрании*. Этот пример подтверждает (о чем уже было сказано выше) только то, что некоторые члены предложения совмещают два равноправных синтаксических значения. Но в связной речи и они, как правило, приобретают одно какое-нибудь значение. На вопрос: *Где он об этом говорил?* в ответе: *Он говорил об этом на собрании* ясно выделяется обстоятельство места. Если же спрашивают: *Когда он об этом, говорил?*, то в ответе *на собрании* – бесспорное обстоятельство времени.

§ 6. Подстановка уточняющих, поясняющих членов предложения, а также обобщающих слов

А. Г. Руднев пишет: «Следует различать: 1) дательный косвенного объекта (дополнение): *Он решил подойти к огонькам* и 2) дательный направления (обстоятельство): *Он пошел к огонькам*»². Вряд ли можно с этим согласиться. И в первом и во втором примере к выделенному существительному с предлогом можно поставить синтаксический вопрос обстоятельства: *Решил подойти куда? Он пошел куда?*

Обстоятельственную функцию предложно-падежного сочетания *к огонькам* можно подтвердить и еще одним приемом – подстановкой поясняющего члена, бесспорного в синтаксическом отношении: 1) *Он решил подойти к огонькам, то есть туда, где сидели ребяташки*; 2) *Он пошел к огонькам, то есть туда, где сидели ребяташки*. Известно, что

¹ Шапиро, А. Б. К учению о второстепенных членах в русском языке / А. Б. Шапиро // ВЯ. 1957. № 2. С. 82.

² Руднев, А. Г. Второстепенные члены предложения / А. Г. Руднев // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1956. Т. 122. С. 40.

синтаксические функции поясняемых членов тождественны поясняющим. *Туда* – бесспорное обстоятельство места, значит, и *к огонькам* в обоих случаях – тоже обстоятельство места.

Ср. еще: *Больной вызвал няню звонком*. Если определять синтаксическую функцию словоформы *звонком* при помощи вопроса, то ее можно принять за дополнение: *вызвал няню чем?*. Введение же в предложение к этому члену поясняющего слова, синтаксическая функция которого не вызывает сомнения, свидетельствует о том, что это обстоятельство образа действия: *Больной вызвал няню звонком, то есть так, как всегда вызывал ее*.

Иногда можно пользоваться также введением поясняемого члена с четкой синтаксической функцией. Напр.: 1) *Дерево знает только путь к солнцу*; 2) *Дерево знает только один путь, то есть к солнцу*. Неморфологизованное определение *к солнцу* во втором предложении стало поясняющим по отношению к морфологизованному определению *один*. Синтаксическая функция его стала более четкой.

Подстановка к неморфологизованному члену предложения уточняемых слов тоже помогает выяснению синтаксических отношений между словами. Напр.: *Еще мальчишкой я услышал частушки на берегу Ладожского озера* (С. Антонов). Ср.: *Давно, еще мальчишкой, я услышал частушки...* Значение обстоятельства времени у выделенного члена предложения становится бесспорным. Ср. еще: 1) *Откройте учебник на 120-й странице?* 2) *Откройте учебник в середине, на 120-й странице*. Выделены обстоятельства места.

Между обобщающим словом и однородными членами тоже возникают своеобразные уточняющие отношения. Поэтому в методической и лингвистической литературе утвердилась та точка зрения, что синтаксические функции обобщающих слов и однородных членов всегда совпадают. Напр.: *О строительстве говорили везде: в коридорах университета, на собраниях, в столовой* (В. Добровольский). Возможность ввести к однородным членам предложения, обобщающее слово, ясное по своей синтаксической функции, помогает выявить синтаксическую роль и однородных членов. Напр.: *Пришлось ехать и на велосипедах, и автобусом. Пришлось ехать по-всякому: и на велосипедах, и автобусом*. Обобщающее слово *по-всякому* – обстоятельство образа действия; *на велосипедах и автобусом* – однородные члены предложения – тоже обстоятельства образа действия.

Ср. еще: *Криминалисту приходилось устанавливать подлинность подписей и на паспортах, и в платежных ведомостях*. Выделенные слова как будто совмещают значение и определения, и дополнения, и об-

стоятельства места. Однако к этим однородным членам предложения больше подходит обобщающее слово – определение: *Криминалисту приходилось устанавливать подлинность разных подписей: и на паспортах и в платежных ведомостях*. Значит, *на паспортах, в ведомостях* – определения.

Таким образом, выяснить синтаксическую функцию слова в предложении помогают некоторые практические приемы. Прежде всего учитель обращается к постановке вопроса. К именам существительным часто можно поставить два вопроса: морфологический (падежный) и синтаксический. В этом случае всегда следует отдавать предпочтение синтаксическому вопросу.

Если же к неясному в синтаксическом отношении второстепенному члену трудно подобрать бесспорный синтаксический вопрос или подходят два таких вопроса, тогда нужно проверить заменяемость этого члена предложения придаточным.

Но в некоторых случаях трансформация члена предложения в придаточное не может быть использована: или трансформы слишком далеки по смыслу, или замена просто невозможна. Тогда следует применить прием преобразования неморфологизованного члена предложения в морфологизованный. Только нельзя забывать, что и при такой замене сохранение синонимии значений – неременное условие правильного применения приема преобразования.

В связи с этим уместно предостеречь от одной ошибки, имеющей место в школе при использовании приема замены сомнительного члена предложения бесспорным: возможность такой замены свидетельствует о тождестве обоих членов предложения по их синтаксической функции; невозможность же замены не доказывает, что это разные члены предложения. Напр.: *портфель из кожи – кожаный портфель* – в обоих словосочетаниях атрибутивные отношения; *корзина из прутьев* – нельзя подобрать синонимичную замену, но и в этом словосочетании синтаксические отношения тоже атрибутивные. Здесь мы пользуемся приемом сопоставления словосочетаний, одинаковые синтаксические отношения которых не вызывают сомнений.

Если применение этих приемов все же не дает убедительного ответа на вопрос о синтаксической природе рассматриваемого члена предложения, тогда можно использовать прием подстановок однородных, уточняющих, уточняемых, поясняющих членов предложения и обобщающих слов.

Все эти приемы дают возможность выяснить, какую позицию занимает то или другое слово в синтаксической структуре предложения.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

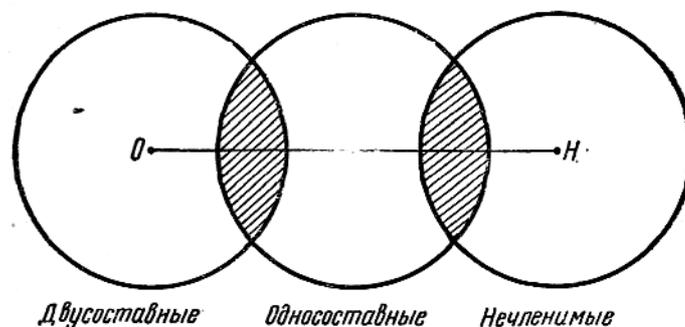
МЕСТО ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СИСТЕМЕ ТИПОВ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 11. При изучении отдельных разновидностей односоставных предложений нельзя не учитывать взаимосвязь, взаимодействие между основными семантико-грамматическими типами простого предложения, между различными разновидностями односоставных предложений. Обычно исследователи стремятся во что бы то ни стало отграничить структурно односоставные предложения от других типов простого предложения и обращают внимание главным образом на те свойства односоставных предложений, которые отличают их в первую очередь от двусоставных предложений.

Вне поля зрения исследователей оказываются переходные (промежуточные) типы, тогда как анализ их синкретической природы позволяет не только более четко выявить семантические и структурные свойства типичных моделей простого предложения, но и определить место таких синтаксических конструкций в системе типов простого предложения.

Односоставные предложения не являются строго изолированной группой синтаксических конструкций, поэтому выяснение их специфических свойств возможно лишь на основе установления системных связей односоставных предложений как с двусоставными, так и с нечленеными предложениями. «Признание системного характера синтаксиса, – подчеркивает Т. П. Ломтев, – означает признание того, что познание отдельных синтаксических элементов возможно только на основе всестороннего учета всех возможных связей и соотношений между ними». <...>

§ 12. Системный характер типов простого предложения можно показать в виде следующей схемы:

Двусоставные, односоставные и нечленимые предложения, изображенные на схеме в виде кругов, располагаются **на оси определенность – неопределенность**, конечные точки которой обозначены буквами **О** и **Н**.

Определенность и неопределенность – это логико-грамматические категории. Трактую их как категории мышления, Е. М. Галкина-Федорук справедливо полагает, что они «грамматикализуются», т. е. выражаются языковыми средствами. В работе «Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями» (Изд-во МГУ, 1963) она рассматривает лишь случаи, когда неопределенность имеет лексическое выражение. <...> Несомненно, что неопределенность можно трактовать и в синтаксическом плане, учитывая возможность словесной невыраженности предмета мысли в субъекте.

Определенность предмета суждения связана с отражением его в субъекте-понятии. Неопределенность предмета суждения создается отсутствием понятия в первом компоненте суждения.

Наиболее четко определен предмет суждения в типичных двусоставных предложениях; максимальной неопределенностью предмета суждения отличаются междометные предложения, образующие ядро нечленимых предложений.

Рассматривая двусоставные, односоставные и нечленимые предложения на оси определенность – неопределенность, видим, что односоставные предложения занимают промежуточное положение между двусоставными и нечленимыми предложениями. Предложенная схема наглядно показывает, что семантико-грамматические типы простого предложения не являются строго очерченными и замкнутыми конструкциями, каждая из них имеет центр и периферию. <...>

§ 13. Центр той или иной семантико-структурной группы простых предложений образуют типичные синтаксические модели, характеризующиеся оптимальной концентрацией семантических и грамматических свойств.

Типичные двусоставные предложения характеризуются четкостью подлежащно-сказуемых отношений и определенностью предмета мысли, обуславливающей предметный характер подлежащего.

Типичные односоставные предложения имеют один главный член с четко выявленной синтаксической функцией и характеризуются неопределенностью предмета мысли, обусловленной логико-психологической основой выражаемого суждения.

Типичные нечленимые предложения характеризуются отсутствием логико-грамматической членимости и максимальной неопределенностью предмета мысли.

§ 14. Периферийное положение каких-либо синтаксических конструкций определяется отсутствием каких-либо свойств, характерных для центра синтаксических моделей, или неявным выражением их.

Так, на периферии двусоставных предложений помещаются двусоставные предложения с подлежащим, выраженным местоимением, не замещающим собою имени существительного <...>, а также предложения с завуалированными подлежащно-сказуемостными отношениями. В таких предложениях обнаруживаются и свойства, характерные для односоставных предложений.

На границе между односоставными и нечленимыми предложениями находятся некоторые периферийные разновидности номинативных и безличных именных предложений. Примером таких предложений могут быть конструкции с именами существительными, теряющими лексическое значение и переходящими в междометия. Например: *Какова штука! Вот так штука!* и т. п., а также предложения типа *Хорошо*, в которых слово *хорошо* утрачивает свое лексическое значение, переходя в частицу. Например: *Хорошо, то есть хорошего, конечно, мало в том, что вы, как я мог понять, растратили государственные деньги.* (А. Васильев, Любовь зла.)

На границе с нечленимыми находятся также односоставные предложения типа: *Айда на речку! Ура ученому медвежонку! Вон из моего дома! Спасибо за подарок* и т. п.

§ 15. Сочетание признаков, характерных для разных типов простого предложения, в некоторых синтаксических конструкциях определяет их переходное (промежуточное) положение.¹ В предложенной схеме такие конструкции следует располагать в заштрихованных сегментах, так как в них (конструкциях) «отсутствует четкая доминантность и противоборствующие тенденции примерно равновелики»².

Синкретичный характер самого исследуемого материала и определяет дискуссионное освещение его в литературе, возможность нескольких отличных друг от друга решений. <...>

Разграничение периферийных и промежуточных синтаксических конструкций условно и приблизительно, так как не может не быть субъективным «взвешивание» сочетающихся свойств. И все-таки выделение

¹ В этой работе мы рассматриваем лишь те переходные явления, которые характерны для синхронной системы языка и образуются сочетанием свойств разных классификационных типов. Отграничивая такие переходные явления от эволюционных преобразований, мы конкретизируем термин «переходные» указанием «промежуточные», «синкретичные».

² Адмони, В. Г. О многоаспектном доминантном подходе к грамматическому строю / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. 1961. № 2. С. 50.

периферийных и промежуточных синтаксических явлений, отражающих системный характер языковых единиц, живое взаимодействие между ними, позволяет выявить характер сочетающихся свойств и более четко отграничить типичные модели простого предложения.

§ 16. С точки зрения грамматического принципа классификации для односоставных предложений характерен один главный член и определенный способ его выражения. Структурные свойства односоставных предложений определяются их семантикой. Как при отграничении односоставных предложений от других типов простого предложения, так и при выделении отдельных разновидностей односоставных предложений необходимо учитывать совокупность семантических и грамматических свойств.

Односоставные предложения – это такие предложения с одним главным членом, которые не требуют другого главного члена и не могут быть дополнены им без изменения характера выражаемой мысли.

Одной стороной односоставные предложения сближаются с двусоставными, другой – с нечленимыми. Место разновидностей односоставных предложений на оси определенность – неопределенность определяется разной степенью логико-психологической членимости выражаемой в них мысли, разным характером предмета суждения. Более четко членение мысли в предложениях, выражающих суждения, предметом которых является активный деятель. Менее четко выражено членение мысли в предложениях, выражающих суждения, предметом которых являются вещи и явления действительности без указания их действий, состояние природы и человека.

Характер предмета суждения обуславливает лексико-грамматическую природу главных членов отдельных разновидностей односоставных предложений, их синтаксическую структуру, свойства второстепенных членов.

В соответствии с характером предмета суждения и способом выражения главного члена односоставные предложения делятся на **глагольные** и **именные**.

§ 17. **Глагольные односоставные предложения** – это такие предложения, в которых говорится о действии, производитель которого не вербализован. <...>

Связь между действием и лицом (производителем действия) в разных глагольных формах ощущается по-разному. Наиболее тесная связь действия с деятелем обнаруживается в спрягаемых глагольных формах, наименее тесная – в безличных глаголах и инфинитиве. <...>

Глагольные односоставные предложения (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные глагольные, инфинитивные) неоднородны как по грамматическим (морфологическим) свойствам глагольного слова, так и по семантике. Семантическое различие между ними мотивировано их местом на оси определенность – неопределенность, которая создается в данном случае разной степенью отвлечения действия от производителя действия.

Наибольшей определенностью деятеля отличаются двусоставные предложения с конкретно-предметным подлежащим, выраженным существительным (*Мальчик читает* и т. п.). Высшая степень неопределенности производителя действия характерна для безличных глагольных предложений, в которых действие мыслится без представления о производителе действия (*Светает, Дождит* и т. п.).

В пределах грамматически (формально) двусоставных предложений определенность действующего лица неодинакова, она варьируется в зависимости от лексико-грамматических свойств слов, выполняющих роль подлежащего. Сравните: *Иванов читает; Мальчик читает; Кто-то читает; Все читают* и т. п. <...>

В различной мере является неопределенным и деятель в безличных глагольных предложениях: в одних случаях деятель совсем не мыслится (*Дождит* и т. п.), в других – представление о производителе действия имеется. <...>

Между двусоставными и безличными глагольными предложениями располагаются на оси определенность – неопределенность односоставные глагольные предложения, образующие переходные конструкции, характеризующиеся постепенным усилением неопределенности, постепенным ослаблением определенности. В определенно-личных предложениях деятель определен почти в той же мере, что и в двусоставных предложениях с подлежащими – личными местоимениями. В неопределенно-личных предложениях действующее лицо мыслится неопределенно, но оно мыслится; действие неопределенно-личных предложений относится к каким-то лицам, которые могут быть и определены. <...> В обобщенно-личных предложениях действующее лицо обобщено, действие может быть отнесено к любому, всякому лицу. Присутствие в мысли действующего лица и позволяет выделять определенно-, неопределенно- и обобщенно-личные предложения в особую группу односоставных предложений – **личных** по характеру производителя действия.

Учитывая наличие деятеля, некоторые авторы рассматривают личные односоставные предложения как редуцированные двусоставные предложения с редукцией подлежащей субстанции, т. е. как вариант полной конструкции S – P (предложения с определенным грамматическим подлежащим). <...> Несмотря на известную близость неопределен-

но-личных и обобщенно-личных предложений к двусоставным <...>, они не могут рассматриваться как вариант двусоставных предложений, так как в них лишь присутствует место, или позиция, производителя действия, но деятель не может быть вербализован без изменения семантико-грамматического характера предложения. <...>

Типичные синтаксические модели неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений образуют в русском языке **односоставные** глагольные предложения, коммуникативным назначением которых является выражение действия неопределенного и обобщенного лица, входящего в структуру выражаемых суждений в виде представлений.

Неопределенность и обобщенность лица связаны с нарушением прямого отношения действия к действующему лицу. <...>

Существование в русском языке синтаксических конструкций, в которых неясно определено действующее лицо, объясняется не распадом двусоставности предложения, не «устранением подлежащего» (А. А. Потебня), не «убылью грамматической апперцепции подлежащего» (Д. Н. Овсянко-Куликовский), не эллипсом (Н. К. Грунский и др.), а осуществлением потребности в выражении в разной мере определенного деятеля. <...>

Потребность в выражении разной степени отвлечения действия от производителя его выражается в разных синтаксических моделях, среди которых (в системе односоставных предложений) выделяются как наиболее характерные и ясно очерченные типы: определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные глагольные предложения.

§ 18. **Именные односоставные предложения** объединяют безличные именные, номинативные и вокативные предложения. По форме и значению они более разнообразны, чем глагольные.

Четкая двучленность мысли характерна для оценочных именных предложений типа *Красиво! Красота!* и некоторых других; в большей части именных односоставных предложений степень логико-грамматической членимости минимальна. С этим и связаны споры о характере недифференцированной синтаксической роли главного члена таких предложений. Что это – подлежащее или сказуемое с грамматической точки зрения?

Между глагольными и именными односоставными предложениями нет резкой и четко проведенной границы. Сближение их имеет место в безличных предложениях, где объединяются семантическими свойствами глагольные и именные предложения (как те, так и другие могут обозначать состояние природы, человека и т. п.).

Особое место среди глагольных и именных предложений занимают инфинитивные предложения, в которых главный член – независимый инфинитив – сочетает свойства глагола и существительного.

Промежуточное положение односоставных предложений в системе типов простого предложения определяется разной степенью их логико-грамматической членимости. В отличие от нечленимых предложений, выражающих имплицитные суждения, односоставные предложения выражают расчлененные суждения. Чем более четко членение мысли на два компонента, тем очевиднее синтаксическая функция главного члена, и наоборот. Другими словами, чем ближе к двусоставным предложениям разновидности односоставных предложений на оси определенность – неопределенность, тем отчетливее синтаксическая функция их главного члена, и наоборот.

Некоторые разновидности номинативных предложений и вокативные предложения, характеризующиеся нечеткостью логико-грамматической членимости, сближаются с нечленимыми предложениями, но отличаются от последних тем, что их главный член выражен знаменательным словом, т. е. словом, соотносимым с понятием.

Совокупность семантических и грамматических свойств позволяет выделить в системе односоставных предложений следующие основные типы, место которых на оси определенность – неопределенность определяет и последовательность анализа их: определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные, номинативные, вокативные предложения

Взаимосвязь, взаимодействие между основными семантико-структурными типами простого предложения и между выделенными разновидностями односоставных предложений определяет закономерность и целесообразность выделения переходных (промежуточных) и периферийных конструкций, сочетающих свойства типичных синтаксических моделей.

А. Ф. Прияткина

**РУССКИЙ ЯЗЫК:
СИНТАКСИС ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПОНЯТИЕ О СИНТАКСИЧЕСКОМ ОСЛОЖНЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

**Глава 1
Осложненное предложение
в синтаксической системе русского языка**

§ 1. Проблема определения осложненного предложения

Осложненное предложение не является самостоятельной синтаксической единицей. По структуре оно представляет собой простое предло-

жение, противопоставленное сложному как **единица монопредикативная единице полипредикативной**. Самый характер осложнения может быть очень различен, так что понятие «осложненное предложение» объединяет неоднородные синтаксические построения.

Осложненное предложение по ряду признаков в той или иной степени сближается со сложным предложением. Многие типы осложненных предложений характеризуются **дополнительной предикативностью**, связанной с определенными способами ее синтаксического оформления. Тем не менее осложненное предложение любой структуры имеет одно предикативное ядро и этим отличается от сложного предложения.

Строгого определения осложненного предложения в синтаксической теории не выработано, существует лишь традиция употребления соответствующего термина: к осложненным обычно относят предложения с однородными членами¹ и предложения с обособленными оборотами. В некоторых грамматиках осложненными называют также предложения с обращением и даже предложения с вводными словами. Вместе с тем многие авторы при описании соответствующих семантических явлений понятием «осложненное предложение» вообще не пользуются.

Отказ от общего определения объясняется разнохарактерностью тех синтаксических явлений, которые практически подводятся под понятие «осложнение». Чтобы пользоваться этим понятием, нужно найти и теоретически определить то основание, опираясь на которое можно противопоставить всякое осложненное предложение неосложненному.

Есть мнение, что понятие «осложненное предложение» нужно сузить. С этой точки зрения предложение с однородными членами не является осложненным, поскольку однородность лишь количественно расширяет предложение, но не осложняет его. При таком узком понимании осложненным является только предложение с обособленными членами. Однако само понятие обособления также нуждается в уточнении и более строгом теоретическом определении. Под это понятие подходят разнотипные в синтаксическом отношении факты и явления. Обособленные обороты очень различны в конструктивном отношении, так что фактор интонационного выделения играет в них определенную роль. Разные виды обособления имеют различное отношение к сфере конструктивного и коммуникативного синтаксиса.

Осложнение связывают прежде всего с **полупредикативностью** – особым синтаксическим значением, близким к предикативному. Это значение находят не во всех, но во многих обособленных оборотах, таких как деепричастный оборот, обособленный причастный оборот, обособ-

¹ Н. И. Греч и Ф. И. Буслаев такие предложения называли «слитными».

ленное приложение (аппозиция). Но и термин «полупредикативность» понимается в синтаксисе неодинаково. Полупредикативность обособленного прилагательного не идентична полупредикативности деепричастного оборота, постоянным свойством которого является связь с другим глаголом того же предложения. С другой стороны, скрытая, явно не выраженная предикативность какого-либо обособленного оборота или иной части предложения, не совпадающая с полупредикативностью, также служит осложнению предложения. Это создает необходимость в каком-то общем наименовании для всех проявлений того значения, которое не является настоящей предикативностью, но имеет некоторые ее признаки, данные в тех или иных синтаксических показателях. В дальнейшем в качестве такого общего наименования мы будем пользоваться термином «дополнительная предикативность».

Однако сводить понятие осложнения простого предложения к дополнительной предикативности, и тем более к одному ее виду – полупредикативности, нет оснований.

Однородные члены также осложняют предложение. Сторонники точки зрения, согласно которой однородность лишь количественно расширяет состав предложения, не учитывают того факта, что между однородными членами устанавливаются смысловые и синтаксические отношения. Сочинительная связь, оформляющая эти отношения, содержательно обогащает предложение, она вносит дополнительные семантико-синтаксические значения, осложняющие предложение¹.

Другое дело вводные слова, вставные обороты и обращение. Традиция, следуя которой эти категории относят к осложнению, связана с пунктуационной практикой и во многом объясняется учебными задачами. С точки зрения синтаксической теории вопрос об их причастности к осложнению не решается однозначно.

Считать вводные слова одним из видов осложнения нет достаточных оснований. Они функционируют как в осложненном, так и в неосложненном простом предложении (*Видимо, завтра будет дождь*), создавая его особый синтаксический план. Конечно, вводно-модальные слова вносят в предложение дополнительные смыслы, но они иного порядка, чем те значения, которые создаются осложняющими членами предложения. Такие слова нельзя включить в ряд осложняющих членов хотя бы потому, что они не являются членами предложения. Они выполняют организующую функцию, определяя позицию говорящего субъекта. В ос-

¹ Однородные члены включаются в сферу осложненного предложения и другим методом – логико-семантическим: в сочинительной конструкции находят скрытый второй предикат, т. е. видят в ней результат слияния двух предложений: *Он взял книгу и (взял) тетрадь*.

ложненном предложении они одновременно играют важную строевую роль, участвуя в выражении отношений между частями предложения, и тем самым объединяются с его служебными элементами. <...>

Сложнее вопрос об обращении и вставочных оборотах. Не будучи членами предложения, обращения, как и вставки, могут тем не менее выполнять аналогичную им роль, сближаясь в определенных условиях с членами предложения функционально. <...>

Выделение осложненного предложения из общего ряда простых и применение данного термина к определенному кругу фактов имеет своим основанием практическую деятельность говорящих. В речевой практике устанавливаются определенные функциональные соответствия, связывающие разные виды осложнения между собой – с одной стороны, и со сложным предложением – с другой стороны. То, что в сложном предложении – полипредикативной структуре – дано в явном, развернутом виде, в осложненном предложении – монопредикативной структуре – как бы свернуто, сжато. Семантические соответствия, а часто и возможность взаимной трансформации связывают со сложным предложением как предложения с обособленными оборотами, так и предложения с однородными членами. Есть осложненные предложения, настолько близкие к сложному, что их положение в синтаксической системе определяется как промежуточное. <...>

Вместе с тем одна только возможность преобразования простого предложения в сложное не является признаком осложненного предложения, да и не всякое осложненное предложение обнаруживает такую возможность.

Итак, границы понятия «осложненное предложение» очерчиваются недостаточно четко. И это закономерно, так как есть разные ступени и разная мера осложнения.

§ 2. Синтаксический и семантический аспекты осложненного предложения

Более глубокому пониманию природы осложненного предложения способствовали не только достижения синтаксиса как раздела грамматики, но и успехи относительно нового направления науки – семантического синтаксиса.

Предложение, анализируемое в аспекте семантического синтаксиса, оценивается в его отношении к пропозиции, которая представляет собой логико-философскую категорию. Предложение рассматривается как один из способов номинации некоторого «события», некоторой «ситуации», имеющей место в действительности или гипотетической. Поскольку номинация события не обязательно имеет форму предикативной единицы, предложение, простое по структуре, может быть семантически

сложным, т. е. содержать не одну пропозицию, а две или более – иначе говоря, простое предложение может иметь несколько семантических предикатов. Если с этой точки зрения подойти к предложению, имеющему в своем составе деепричастный оборот, то такое предложение нужно оценить как семантически сложное, или «двухбазовое», уже потому, что деепричастие – это глагол, семантический предикат. То же наблюдаем и в других конструкциях, осложняющих предложение. Рассмотрим с точки зрения семантического содержания предложение с предложным оборотом: *Благодаря дождям, семена взошли*. Оно содержит номинации двух событий: 1) шли дожди, 2) семена взошли. Этого достаточно, чтобы признать предложение семантически сложным, полипропозитивным.

Данный принцип анализа нельзя считать чисто логическим; он опирается на лексику, на семантические группировки слов, на их валентные свойства, на морфологическую структуру лексических единиц и их связи (поэтому мы говорим о логико-семантическом принципе лингвистического анализа). Однако, способствуя более глубокому пониманию природы осложненного предложения, логико-семантический подход сам по себе не может привести к определению синтаксической сущности осложненного предложения.

Осложненное предложение является, как правило, полипропозитивным, но не это определяет его синтаксическую специфику. Существует множество простых предложений двухбазовой семантической структуры, которые не являются, однако, осложненными предложениями. Например: *Я слушал пение птиц; Отец попросил меня приехать; Петю наказали за плохое поведение* и т. д. Эти предложения полипропозитивны, ср.: 1) я слушал, 2) птицы поют. Тем не менее синтаксическое строение этих предложений не имеет признаков осложнения.

Осложнение предложения с **синтаксической** точки зрения заключается не в том, что в его содержании отражена более чем одна ситуация, а в наличии определенного типа **синтаксических отношений**. Эти отношения, при всем их разнообразии, сводимы к двум основным типам:

- 1) дополнительная предикативность;
- 2) внутрирядные отношения.

Этими двумя типами отношений охватывается все многообразие осложняющих предложение значений разного порядка – как значения типа сравнения, сопоставления, включения-исключения; причины-следствия, условия-уступки, одновременности-предшествования-следования, так и значения типа пояснения-уточнения, градации, присоединения.

Каждому из двух основных типов отношений, осложняющих предложение – дополнительная предикативность и внутрирядные отноше-

ния, – соответствует определенный набор синтаксических структур. Следовательно, можно сделать вывод: **осложнение непременно имеет формально-синтаксический характер и представляет собой грамматическое явление.**

В современном русском языке существует несколько семантико-синтаксических моделей осложнения. С помощью каждой из них создается определенная структура осложненного предложения. Такие структуры функционируют в качестве высказываний; высказывание может представлять одновременную реализацию разных моделей. <...>

Глава 2

Признаки осложненного предложения

§ 3. Осложненное и элементарное предложения

С грамматической точки зрения осложнение противопоставляется такому распространению предикативного ядра, которое может быть названо элементарным (простейшим). Элементарное и осложненное предложения различаются: 1) составом второстепенных членов (синтаксических позиций); 2) характером синтаксических отношений; 3) типами синтаксических связей; 4) формальными средствами строения предложения. Рассмотрим каждый из этих признаков.

1. **Синтаксических позиций** в осложненном предложении больше, чем в элементарном. Простое предложение имеет элементарную структуру, если в нем помимо предикативного ядра есть лишь присловные распространители, т. е. такие словоформы, функции которых определяются в составе словосочетаний. Например: *Старик ловил неводом рыбу* (П.); *Темные окна дрожали от сырого западного ветра* (Ч.); *Приказ начальника не освобождает совесть от ответственности* (Казак.); *Тоска по физическому труду угнетала Давыдова* (Шол.)¹.

В предложении такого состава возможны лишь две синтаксические структуры – предикативное ядро и словосочетание.

В последнем примере реализована структурная схема предикативного ядра $N_1 - V_F$ и модели словосочетания: $N + no + N_3$; $N + Adj$; $V + N_4$. Если зависимый компонент словосочетания включить в состав той позиции, которую занимает господствующее слово, то элементарное предложение любой степени распространенности может быть сведено к глав-

¹ С семантической (в отличие от синтаксической) точки зрения среди этих примеров есть как элементарные, так и неэлементарные (полипропозитивные) предложения. <...>

ным членам предложения: *тоска по физическому труду* (позиция подлежащего) *угнетала Давыдова* (позиция сказуемого)¹.

Все присловные второстепенные члены служат единой предикации. Это ограничивает возможности распространения элементарного предложения: многословное распространение по правилам строения словосочетаний практически затруднено. Ср.: *Видные из его окон вершины темных гор влажно багровели на ясном небе* (Т.) – предложения подобного состава в речи используются редко. <...>

В отличие от элементарного, осложненное предложение по составу членов не может быть сведено к главным членам: в нем есть самостоятельные синтаксические позиции, которые занимают слова или целые группы слов. Это в полном смысле второстепенные члены предложения. Распространение происходит по другому принципу, чем в элементарной структуре: распространитель непосредственно (а не через словосочетание) включается в предложение. Например, в предложении *А он, мятежный, просит бури* (Л.) – выделенный член не входит в словосочетание, его функция определяется непосредственно в предложении. Такое предложение не может быть свернуто до состава главных членов, – слово *мятежный* представляет отдельную, самостоятельную позицию.

2. Синтаксические отношения в элементарном предложении, не считая предикативных, сводятся к отношениям в словосочетаниях. Это разные виды детерминативных отношений (т. е. отношений определяемого и определяющего): атрибутивные, объектные, обстоятельственные, комплетивные, а также совмещающие в себе различные оттенки перечисленных. <...>

В осложненном предложении, наряду с детерминативными, есть и другие отношения, не свойственные элементарному: различные типы координативных (отношения синтаксической эквивалентности), пояснительные, присоединительные. Специфическими для осложненного предложения являются особые отношения, называемые полупредикативными. Осложнение часто создается комбинацией отношений: детермина-

¹ Присловные распространители могут рассматриваться как факультативные составляющие других членов предложения. Такая точка зрения отражена в Грамматике русского языка (М., 1970), где понятие второстепенного члена применительно к зависимым словам словосочетаний не используется. Однако и при таком подходе нельзя не учитывать потенциальную предложенческую значимость компонента словосочетания. Поэтому и к присловным распространителям приложимо понятие второстепенного члена предложения. Любой присловный член предложения получает самостоятельную значимость в предложении, если становится ремой. Ср.: *Петя надел новую шапку.* – *Шапку Петя надел новую.*

тивных и предикативных или разных видов детерминативных (например, атрибутивных и обстоятельственных).

3. **Синтаксические связи** (за пределами предикативного ядра) в элементарном предложении могут быть только подчинительными, выступающими в основных разновидностях: согласование, управление (сильное и слабое), примыкание, именное примыкание. <...>

В осложненном предложении, наряду с этими типами связи, имеет место сочинительная связь, а также связи, которые не отвечают в полной мере признакам сочинения или подчинения, проявляя двойственную природу.

Если в элементарном предложении подчинительная связь осуществляется последовательно от слова к слову (цепочка словоформ), то в осложненном предложении широко представлены двунаправленные связи (зависимость слова одновременно от двух различных членов предложения) и двухъярусные связи (связи на разных синтаксических уровнях). <...>

4. Осложненное и элементарное предложения различаются тем, какие **формальные показатели** используются в их организации. Существует два типа показателей: морфолого-синтаксические (формы слов, простые предлоги) и собственно-синтаксические, которые, в свою очередь, делятся на две группы: а) союзы, частицы и другие слова со служебной функцией, в том числе местоимения, вводно-модальные слова; б) порядок слов и интонация, ритмомелодические средства вообще.

Элементарное предложение строится из словоформ и простых предлогов (предложно-падежных словоформ). Таким способом оформлены связи слов во всех приведенных выше предложениях, построенных только из словоформ. Ср.: *Старик ловил неводом рыбу* (П.). Для образования осложненного предложения, кроме морфолого-синтаксических, требуются специальные собственно синтаксические средства. Таким образом, грамматических средств, формирующих осложненное предложение, больше по количеству, они более разнообразны, чем в элементарном предложении.

Если в строении элементарного предложения используются из служебных слов только простые предлоги, то средством организации осложненного предложения служат: союзы (как сочинительные, так и подчинительные); особые производные предлоги (*помимо, вместо, исключая, благодаря* и т. п.); частицы и служебные слова гибридного, переходного характера (соединяющие в себе свойства союзов, частиц, наречий), а также служебные слова, статус которых в системе частей речи остается не вполне определенным (*в том числе, например, правда, следовательно*

и др.); некоторые модальные слова, используемые в строевой функции. Кроме того, в организации осложненного предложения широко используются местоимения разных разрядов, выступающие как конструирующий элемент (*такой, другой, всякий, этот* и др.).

Союз является тем показателем, который всегда свидетельствует об осложненном предложении (элементарное предложение не знает союзных связей). Союзам принадлежит главная роль в осложнении простого предложения.

Неконструктивные показатели, такие как порядок слов и интонация, для элементарного предложения определяют его коммуникативную перспективу и актуальное членение. В осложненном же предложении они используются как средство выражения синтаксических отношений наряду с конструктивными показателями. Так, интонация, оформляющая связь частей осложненного предложения, может быть столь же значима, как и союз. Например, грамматическое значение, равное союзу, имеет интонация, которая служит показателем внутрирядных отношений. В предложении *Юная спортсменка вышла победительницей и на второй, длинной дистанции* слова *вторая* и *длинная* образуют ряд только при помощи интонации, так как именно она указывает на пояснительные отношения. Ср.: *Юная спортсменка вышла победительницей и на второй длинной дистанции* (в этом предложении ряд отсутствует). Осложненное предложение использует и морфолого-синтаксические, и собственно-синтаксические показатели.

§ 4. Принципы строения осложненного предложения

Кроме перечисленных признаков, осложненное предложение характеризуется особыми принципами формальной организации.

Главный из них – двухуровневое синтаксическое строение. Синтаксические отношения и связи в осложненном предложении принадлежат разным уровням, тогда как в элементарном предложении они все находятся на одном уровне. Первый, низший, – уровень словоформ, второй, более высокий, – собственно-синтаксический уровень. Например, в предложении *Яблоневый сад, весь в солнечных пятнах, спускался по склону холма* (Пауст.) первому уровню принадлежат отношения, выражаемые словоформами: *сад – спускался, сад – яблоневый, сад – в пятнах, спускался – по склону, в пятнах – солнечных, по склону – холма*.

Второму уровню принадлежат связи и отношения собственно синтаксического характера: между членами или целыми частями предложения. В данном примере это отношение члена предложения *весь в солнеч-*

ных пятнах к остальному составу предложения. Эта связь оформлена интонацией, отчасти порядком слов и с помощью местоименного служебного слова *весь*, т. е. собственно-синтаксическими показателями.

Благодаря относительной самостоятельности, автономности каждого уровня, осложненное предложение может представлять собой многоярусное построение, в котором одни отношения и связи как бы накладываются на другие. Рассмотрим пример: *Задача решена, причем быстро*. Здесь на детерминативное отношение (*решить быстро*) наложилось отношение другого порядка – присоединительное, выраженное служебным словом *причем* и интонацией. Именно эта, вторая, надстроечная связь специфична для осложненного предложения. Примеры предложений, в которых использован принцип двухъярусного строения: *Седло было снято – вероятно, проедем казаком* (Л.); *Горный ключ по скатам и оврагам, полусонный, убегает вниз* (Бун.); *Военные, уже без оружия, выходили из толпы группами или в одиночку* (Фад.); *Сирота чувствителен к ласке, особенно мужской* (Аст.).

Второй принцип касается **замещения позиций**. В элементарном предложении каждая словоформа является отдельным второстепенным членом. Для осложняющего же члена несущественно, чем он представлен – отдельной словоформой или группой слов, которая образует целостный «блок» с единой функцией. Так, например, союз или производный предлог могут вводить развернутый член предложения, распространяя свое значение на всю группу слов (оборот): *За исключением этих немногих и незначительных недостатков, господин Полутыкин был отличный человек* (Т.); *И корни сосен вьются по обрывам, как порванные взрывом провода* (Шефн.). С этим признаком связано оформление отношений внутри осложненного предложения посредством синтагматического членения: как правило, осложненное предложение представляет собой несколько синтагм. Например: *Пришибеев, / сморщенный унтер с колючим лицом, / делает руки по швам и отвечает хриплым, придушенным голосом, / отчеканивая каждое слово / точно командуя* (Ч.)¹.

Осложнение предложения с помощью синтагматического членения называют обособлением. Обособление – это только способ выражения некоторой синтаксической функции, но не сама функция².

¹ В письменной речи пунктуационный знак иногда является единственным свидетельством интонационного членения, например: *Разморенные жарой, / люди двигаются медленно, вяло* (Шукш.).

² Говорить о «причинах обособления» правомерно лишь в целях обучения пунктуации (причина той или иной расстановки знаков препинания). С синтаксической точки зрения следует говорить о функциях обособления.

Интонационно выделенную часть предложения называют также оборотом (обособленный оборот). Но оборот – понятие более широкое, он не обязательно выделен интонационно. Оборот – это член предложения, осложняющий простое предложение. Он может состоять из одной словоформы или иметь сложный внутренний состав; один оборот может входить в другой. Оборот может быть оформлен не только интонационно, но и с помощью формы слова, предлога или союза, таковы: деепричастный оборот, инфинитивный, предложный, союзный. Иногда обороты называют по их семантической роли – сравнительный, целевой или по синтаксическому отношению – присоединительный, уточняющий, полупредикативный и т. д. Оборот характеризуется функциональным единством, целостностью, вычленимостью из предложения. Таким образом, **оборот** – это член предложения, который имеет единую функцию независимо от количества составляющих его словоформ и характера связи между ними.

Остановимся еще на одной особенности организации осложненного предложения. Осложнение, как правило, ведет к расширению структуры предложения. Всякое осложнение, с грамматической точки зрения, идет по одному из двух возможных путей – субординации и координации.

Введение в элементарное предложение причастных, деепричастных, предложных, сравнительных оборотов – это **расширение** и осложнение структуры на основе субординации, поскольку каждый такой член включается в предложение как синтаксически подчиненный какому-либо члену элементарной структуры. Например, деепричастный оборот подчинен глагольному члену, обособленное прилагательное – субстантивному и т. д. Включаясь в предложение, эти члены расширяют позиционный состав предложения.

Введение однородных, уточняющих, поясняющих членов – это осложнение на основе координации. Количество позиций при этом не увеличивается, но предложение осложняется и семантически, и синтаксически благодаря возникновению отношений между координируемыми членами.

С формальной точки зрения способы осложнения можно разделить на **конструктивные** и **неконструктивные**. Конструктивным, как указывает сам термин, является осложнение предложения с помощью какой-либо конструкции.

Конструкция – это относительно самостоятельное, целостное (неделимое на части без потери общего значения) и оформленное по некоторой грамматической схеме синтаксическое единство. Оно состоит из компонентов, количество и характер которых определяются в отвлече-

нии от реализации в конкретных словах. Иными словами, привести пример той или иной конструкции нельзя – можно привести пример ее речевой реализации; конструкцию можно описать или представить с помощью символов, дать в схематической записи. Так, есть конструкция, состоящая из двух не зависящих друг от друга словоформ, соединенных союзом. Примеры ее реализации: *брат и сестра; тонкий, но прочный*. Конструкция всегда существует во множестве конкретных выражений. Тождество конструкции сохраняется и при некоторых, не существенных для нее формальных различиях; определение той или иной конструкции предусматривает возможности такого рода изменений и дает лишь постоянные, релевантные ее признаки.

Осложняющая конструкция представляет собой такую синтаксическую организацию, формальный принцип которой может быть определен вне условий ее функционирования в составе предложения.

Конструкция, осложняющая предложение, занимает, как правило, часть его грамматического состава, но может и совпадать с границами предложения. Например, в предложении *Петя сильнее Вани* все слова соответствуют компонентам конструкции.

Основным средством образования конструкции являются служебные слова, которые взаимодействуют со словоформами. Грамматическая связь слов составляет формальную основу (базу) конструкции. (Связь словоформ может образовать конструкцию и без служебного слова.)

Конструкции, осложняющие простое предложение, бывают двух-, трех- и многочленные, что зависит от количества словоформ, необходимых для выражения того или иного типа отношений. Например: *Еще в университете я знал Гришу как талантливого физика. Помимо физики, он увлекался биологией.*

Неконструктивным является осложнение предложения дополнительными семантико-синтаксическими отношениями, **оформляемыми с помощью интонации и порядка слов**. Неконструктивный способ осложнения основан на моделях связей слов, действующих в простом неосложненном предложении. Рассмотрим пример: *Лед проломился под копытами лошадей*. К подлежащему *лед* путем согласования может быть добавлен осложняющий полупредикативный член: *Лед, по-весеннему хрупкий, проломился под копытами лошадей*. Это осложнение неконструктивное. Оно построено на базе сочетания слов *хрупкий лед*, но оформлено при помощи интонации и порядка слов. Ср. без осложнения: *По-весеннему хрупкий лед проломился под копытами лошадей*.

Между конструктивным и неконструктивным способами осложнения нет четкой грани. В языке постоянно действует тенденция к грамма-

тическому оформлению семантико-синтаксических отношений. Наряду с порядком слов и интонацией и взаимодействуя с ними, в оформлении осложняющего семантико-синтаксического отношения могут участвовать отдельные слова, хотя и не принадлежащие к классу служебных, но близкие к ним в силу абстрактности своей семантики и лексической повторяемости в аналогичных синтаксических условиях: некоторые местоимения, наречия, модальные слова и др.

Особую близость к конструктивному осложнению создают акцентирующие частицы, поскольку многие из них по функции тяготеют к союзам: *даже, хотя бы, все же, тоже, также, же, уж, только, лишь, особенно, именно*. (Сами по себе они осложнения не создают.)

Основным, наиболее распространенным и функционально нагруженным способом осложнения с помощью служебных слов является **союзное осложнение**. Оно будет подробно рассмотрено в отдельной главе. <...>

Осложнение является объектом конструктивного синтаксиса независимо от того, какими средствами (конструктивными или неконструктивными) оно оформлено. В дальнейшем нас будет интересовать, какого рода синтаксические отношения при этом создаются. Отношения бывают двух основных типов – внутрирядные и дополнительной предикативности.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Е. Н. Ширяев

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. В истории изучения сложноподчиненного предложения выделяются три основных этапа: логический, структурно-семантический и формальный. Два последних этапа можно рассматривать как преодоление тех противоречий, которые обнаруживались в предшествовавших им этапах.

Во главу угла логического направления, ярким представителем которого был Ф. И. Буслаев¹, была положена идея о том, что придаточная часть сложноподчиненного предложения выполняет в структуре предложения в точности те же функции, что и члены предложения, главные и второстепенные, в простом предложении. Выделяются, в частности, придаточные сказуемостные (*Я тот, кого никто не любит*), подлежащные (*Те, кто не читали этой книги, многое потеряли*), дополнительные (*Он завидовал тем, кто много путешествует*). Как отмечено многими исследователями, в этом случае придаточной части приписываются те функции, которые выполняют в предложении местоимения, к которым относится придаточная часть, функция же самой придаточной части принципиально иная: она состоит в том, чтобы наполнить конкретным содержанием опорные местоимения главной части.

2. Стремление преодолеть названное противоречие в логической концепции сложноподчиненного предложения привело к становлению одного из самых авторитетных направлений в изучении сложноподчиненных предложений – структурно-семантического². Основные положения этого направления состоят в следующем: 1) различаются нерасчлененные предложения, в которых придаточная часть относится к одному из слов (опорному слову) главной части (*Он сказал, что придет поздно*) и расчлененные, в которых придаточная часть относится к главной в целом (*Он пришел, когда стемнело*); 2) типология сложноподчиненного

¹ Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. М., 1959.

² Белошапкова, В. А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории) / В. А. Белошапкова. М., 1967; Поспелов, Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы / Н. С. Поспелов // Вопросы языкознания. 1959. № 2.

предложения нерасчлененной структуры строится на основе различий в характере средств связи в придаточной части (союзы и союзные слова) и характере опорного слова в главной части. Несомненным достоинством структурно-семантического направления следует считать то, что было показано, какие морфолого-семантические характеристики опорного слова главной части обслуживает придаточная часть. Выделяются, например, придаточные части с союзным словом *который*, обслуживающие существительное главной части в плане его частеречных характеристик (*Это был тот дом, который мы искали*), придаточные части с союзом *что*, предопределенные лексическим значением главного слова (*Они поняли, что пора уходить*). Сложноподчиненные предложения с опорным местоимением в главной части, распределенные в логической классификации по разным типам, в структурно-семантической типологии объединены в один местоименно-соотносительный класс. Последовательный анализ роли опорных слов в главной части и компонентов связи в придаточной позволил выделить следующие типы связи:

необязательное местоименное слово – союз (*Он сказал (о том), что придет*), обязательное местоименное слово – союз (*Книга хороша тем, что заставляет задуматься*),

необязательное местоименное слово – союзное слово (*Он рассказал (о том), что с ним произошло*),

обязательное местоименное слово – союзное слово (*Я тот, кого вы ждете*). Есть все основания утверждать, что более убедительной системы средств связи в сложноподчиненном предложении не существует.

Однако и структурно-семантическая типология оставляет место для вопросов. Не вполне понятно, почему в этой типологии при анализе смысловых отношений не используются такие общепринятые термины, как объектные, определительные и т. п. отношения. В самом деле, почему в простом предложении *Он сообщил о своем приезде* следует говорить об объектных отношениях, а в соответствующем сложном предложении *Он сообщил о том, что придет* – об изъяснительных отношениях? Еще менее удовлетворительным представляется решение о том, чтобы рассматривать как особый вид сложноподчиненные предложения местоименно-соотносительного типа с местоименно-союзной связью (*Книга хороша тем, что заставляет задуматься*). В этом виде В. А. Белошапкина видит вмещающие отношения. Они несомненны, но столь же очевидно и то, что придаточная часть через обязательное местоимение *тем* раскрывает объектные потенции прилагательного-предиката *хороша* и, следовательно, по своей функции близка к изъяснительной придаточной части. Стоит заметить в этом плане, что «Русская грамматика-80», хотя

и разделяет многие положения структурно-семантического направления, в некотором отношении «возвращает» ряд положений логического направления. Отмечается, в частности, что присловная придаточная часть занимает в предложении «позицию, в некотором отношении аналогичную позиции члена предложения»¹. Возвращаются и некоторые «традиционные» названия типов сложноподчиненного предложения, например, определительные сложноподчиненные предложения.

3. Снять отмеченные вопросы, как кажется, можно в том случае, если подойти к сложноподчиненному предложению со строго формальной точки зрения, если вслед за Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. де Соссюром понимать форму как неразрывное единство синтаксического средства и синтаксического значения, приняв при этом идею дихотомии языкового знака и, следовательно, синтаксической формы. Суть дихотомии в том, что одно средство может выражать разные значения, и одно значение может выражаться разными средствами. В построении типологии сложноподчиненного предложения целесообразно идти от синтаксического значения к синтаксическим средствам, его выражающим. И тогда нет никаких препятствий для того, чтобы выделить, например, сложноподчиненные предложения с изъяснительными (или, что одно и то же, объектными) отношениями, включив в них конструкции и со связью «необязательное соотносительное слово-союз», и со связью «необязательное соотносительное слово – союзное слово», и со связью «обязательное соотносительное слово – союз».

4. Особое направление в исследовании сложноподчиненного предложения, как и других типов сложного предложения (сложносочиненного и бессоюзного), можно условно назвать трансформационным. Плодотворность этого направления хорошо демонстрируют наблюдения А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой над относительным подчинением². Показано, что структуры с местоименно-соотносительной связью типа *тот... кто* по несложному правилу преобразуются в структуры со связью «необязательное соотносительное слово – союзное слово *который*». Для этого достаточно местоименное слово в главной части заменить абстрактным существительным *человек*: *я тот, кого никто не любит – Я (тот) человек, которого никто не любит*. Заметим, что такие преобразования дают веские основания для объединения этих предложений в один определительный тип.

¹ Русская грамматика. Т. II. М., 1980. С. 466.

² Зализняк, А. А. К типологии относительного подчинения / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. М., 1975. Вып. 6.

Новый аспект в изучении сложного предложения открывает такое общее направление как семантический (неформальный) синтаксис. В рамках этого направления в предложении различаются две зоны смысла: модус (зачем нужно какое-то содержание) и пропозиция (само содержание).

В этом плане многие «традиционные» изъяснительные сложноподчиненные предложения оказываются такими структурами, в которых модус и пропозиция выражаются раздельно специальными предикативными конструкциями: модус – главной частью, пропозиция – придаточной, ср.: *Я утверждаю, что он придет; Я прошу, чтобы он пришел; Я спрашиваю, когда он придет.*

Специально может быть поставлен вопрос о месте сложноподчиненного предложения в формировании пропозициональной структуры предложения. Основным, первичным способом выражения пропозиции является предикативная конструкция, которая по определенным правилам может свертываться и входить в простые по синтаксической структуре, но полипропозитивные по семантике предложения. Следовательно, открывается относительно новый аспект исследования сложного предложения: преобразования простых полипропозитивных предложений в сложные (*Теннисные соревнования отменили из-за непогоды – Теннисные соревнования отменили, потому что испортилась погода*) и, наоборот, сложных предложений в полипропозитивные простые (*В случае плохой погоды теннисные соревнования отменяют – Если портится погода, то теннисные соревнования отменяют*).

Как показала Н. Д. Арутюнова, особое место среди способов свертывания (номинализаций) пропозиции занимает способ неполной номинализации, которая осуществляется по формуле *тот факт (то)... что...*¹. Конструкции с такой пропозицией не что иное, как, согласно структурно-семантической типологии, один из видов местоименно-соотносительного сложноподчиненного предложения и для полной характеристики функций этого предложения полезно принять во внимание его пропозициональную структуру. Как кажется, вообще последовательный анализ сложноподчиненного предложения в пропозициональном аспекте – новый и важный аспект в характеристике сложноподчиненного предложения. Так, можно думать, что расчлененные (в структурно-семантической типологии) предложения содержат в себе три по-разному представленные пропозиции, ср.: *Я отказываюсь от экскурсии, потому что обязан закончить работу – То, что я обязан закончить работу* (1-я пропози-

¹ Арутюнова, Н. Д. Сокровенная связка (К проблеме предикативного отношения) / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39. 1980. № 4.

ция) стало причиной того (2-я пропозиция) что я отказался от экскурсии (3-я пропозиция). Возможно, такая пропозициональная структура лучше, чем другие признаки, показывает правильность выделения расчлененных структур как особого класса сложноподчиненных предложений.

А. К. Федоров

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Уже давно было замечено, что отношение придаточного предложения к главному в большинстве случаев сходно с отношением членов внутри простого предложения. В грамматиках XIX века придаточное предложение рассматривали как развернутый член главного предложения. Так, П. Е. Басистов в 1848 году в книге «Система синтаксиса» писал: «Предложение, составляющее какой-либо член другого предложения, называется придаточным, а то предложение, в котором придаточное служит членом, – главным». В соответствии с этим определением он наметил пять видов придаточных, которые относятся к главному: а) как сказуемое: *Да только те цветы Совсем не то, что ты* (И. А. Крылов); б) как подлежащее: *Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой: Ему и то уж силы придает, что подвигов его свидетель целый свет* (И. А. Крылов); в) как дополнение: *Он внутренне гордился, что он черкес* (М. Ю. Лермонтов); г) как обстоятельство: 1) места: *Случается нередко нам И труд, и мудрость видеть там, Где стоит только догадаться, За дело просто взяться* (И. А. Крылов); 2) обстоятельство времени: *Когда корысть себя личиной дружбы, кроет, Она тебе лишь яму роет* (И. А. Крылов); 3) обстоятельство причины: *Как много ручейков текут так смирно, гладко И так журчат для сердца сладко, Лишь только оттого, что мало в них воды* (И. А. Крылов); 4) обстоятельство образа действия: *Иной при месте так вздыхает, Как будто рубль последний доживает* (И. А. Крылов); д) как атрибут: *Была та смутная пора, Когда Россия молодая, В бореньях силы напрягая, Мужала с гением Петра* (А. С. Пушкин).

В 1858 году Ф. И. Буслаев издал известный труд «Опыт исторической грамматики русского языка», в котором воспроизвел классификацию П. Е. Басистова. Авторитет Ф. И. Буслаева был и остается настолько значительным, что создание классификации подчиненных предложений на основе их соответствия членам предложения до сих пор приписывается ему, хотя эта классификация была введена даже в некоторые учебники для гимназий за десять лет до выхода в свет книги Ф. И. Буслаева. На-

пример, в «Учебнике русского языка» А. П. Смирнова (1848 г.) дана четкая классификация придаточных по их синтаксическим функциям.

Система придаточных, исходящая из сопоставления их с членами предложения, просуществовала в школьном преподавании больше ста лет. Составители учебников и пособий, подчеркивая сходство подчиненных предложений с членами простого предложения, отмечали, что «полного тождества значений такие параллельные конструкции не имеют»¹. Например, придаточные следствия I (а), сравнительные (б), относительно-присоединительные (в), как правило, не соответствуют членам простого предложения, не могут быть заменены ими: а) *Войницкий. Все это мило, но не убедительно, так что позволь мне, мой друг, топить печи дровами* (А. П. Чехов); б) *Человек может сохранять душевное веселье в часы самых трудных испытаний, как он может тосковать, даже отчаиваться, когда ничто ему не угрожает* (И. Эренбург); в) *Нос судьи понюхал верхнюю губу, что он обыкновенно делал только от большого удовольствия* (Н. В. Гоголь). Вид таких придаточных определялся на основе установления смысловых отношений между частями сложноподчиненного предложения.

Среди придаточных, имеющих параллели в системе членов предложения, выделяли обычно две разновидности: а) предложения, непосредственно относящиеся к главному; б) предложения, уточняющие главное посредством конкретизации местоименного (соотносительного) слова.

Если союз или союзное слово не имеет в главном предложении соотносительного слова, то вид придаточного определялся при помощи синтаксического вопроса, устанавливающего соответствие придаточного тому или иному члену предложения. Напр.: 1) *Алеша больше всего на свете боялся, как бы не перевели его в другую часть* (М. Алексеев) – придаточное дополнительное. Ср.: *Алеша боялся (чего?) перевода его в другую часть*; 2) *Солдат, что способен идти до конца, – Отвага нашей Родины непреклонная* (А. Твардовский) – придаточное определительное. Ср.: *Солдат (какой?), способный идти до конца, – Отвага нашей Родины непреклонная*; 3) *Несмотря на то, что день был прекрасный, народ не выходил гулять* (Л. Н. Толстой) – придаточное уступительное. Ср.: *Народ не выходил гулять (несмотря на что?), несмотря на прекрасный день*.

Если замена придаточного членом предложения невозможна или не совсем удобна, вид подчиненного предложения определяли только по вопросу: 1) *А меня, Дуня, ликование берет, что нужен я позарез людям*

¹ Абакумов, С. И. Современный русский литературный язык / С. И. Абакумов. М., 1942. С. 153.

(А. Андреев) – придаточное обстоятельственное (причины), отвечает на вопрос: *Меня ликование берет почему?* 2) *Рад, если Варварина личная жизнь наладится* (Ю. Герман) – придаточное дополнительное, потому что отвечает на вопрос: *Рад чему?*

Вторая разновидность – это придаточные, конкретизирующие соотносительное слово главного предложения. Их вид устанавливался по синтаксической функции этого местоименного слова. Напр.: 1) *Тот, кто служит денежному мешку, всегда подлец* (Л. Борисов) – придаточное подлежащее; 2) *Наиболее опасные враги наши – это все те, кто хорошо знает нас* (Л. Борисов) – придаточное сказуемое; 3) *Все вредно для того, кто ничего не делает. Ничто не вредно для того, кто трудится* (Л. Борисов) – придаточные дополнительные.

Эта система придаточных предложений часто подвергалась критике. Прежде всего указывали, что нет единого основания для классификации: одни подчиненные предложения определяются по соответствию членам простого предложения, другие – по смысловым отношениям между частями. Когда придаточные определяют по синтаксической роли соотносительного слова, то здесь отождествляются синтаксические функции самих придаточных с синтаксическими функциями тех местоименных слов, которые поясняются придаточными¹.

Но самым большим недостатком этой классификации, получившей название традиционной, считают тот, что в ней однородные по структуре и значению предложения оказываются отнесенными к разным типам и, наоборот, в один тип объединяются структурно и семантически разные предложения. Напр.: 1) *Было так жарко, что трудно было дышать*; 2) *Наступила такая жара, что трудно было дышать*; 3) *Жара была такая, что трудно было дышать*. В первом примере – придаточное степени, во втором – определительное, в третьем – сказуемое, «*между тем структурная и семантическая однородность этих трех относимых к разным типам предложений очевидна*», – пишет В. А. Белошапкина².

В. В. Виноградов, критикуя традиционную классификацию подчиненных предложений, приводит примеры на придаточные подлежащие, иллюстрирующие пестроту и разнородность конструкций, включаемых в один тип: 1) *Кто ни проедет, всякий похвалит* (А. С. Пушкин); 2) *Кто ленив, тот сонлив*; 3) *Что с возу упало, то пропало*; 4) *Известно, что*

¹ Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. М., 1960. С. 103.

² Современный русский язык. Т. 2 (Морфология. Синтаксис) / по ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1964. С. 553–554.

слоны в диковинку у нас (И. А. Крылов); 5) *Все кажется мне, будто в тряске беги По мерзлой пашне мчусь я на телеге* (А. С. Пушкин)¹.

Анализ недостатков этой классификации придаточных В. В. Виноградов заканчивает выводом: «Совершенно очевидно, что отношения частей внутри сложного предложения с грамматической точки зрения не тождественны и не параллельны отношениям слов внутри простого предложения. Поиски соответствий и параллелизма в этих отношениях чаще всего уводят в сторону от изучения синтаксической специфики разных видов сложного предложения»².

После выхода в свет «Грамматики русского языка» (Изд-во АН СССР, т. II, «Синтаксис», 1954) начались настойчивые поиски путей создания новой типологии сложноподчиненных предложений. При этом стали доказывать, что «классифицировать придаточные предложения сами по себе нецелесообразно, потому что они не представляют самостоятельных единиц, а являются лишь частями целого»³. Лингвисты обратились к книге В. А. Богородицкого, который в своей классификации отказался от сопоставления придаточных с членами предложения, а исходил из комплекса признаков: 1) к чему относится подчиненное предложение; 2) чем связывается оно с подчиняющим; 3) какие смысловые отношения выражены между частями сложного предложения⁴. Классификация В. А. Богородицкого, построенная на основе учета структуры предложения и его семантики, получила название структурно-семантической. Ее усовершенствование и развитие мы находим в трудах Н. С. Поспелова⁵, С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова⁶, В. А. Белошапковой⁷, С. Г. Ильенко⁸ и других ученых.

¹ Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. М., 1960. С. 104.

² Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. М., 1960. С. 104–105.

³ Белошапкова, В. А. О принципах классификации сложноподчиненных предложений / В. А. Белошапкова // Материалы методического семинара преподавателей русского языка. М., 1965. С. 62–63.

⁴ Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. М.–Л., 1935. С. 230.

⁵ Поспелов, Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы / Н. С. Поспелов // ВЯ. 1959. № 2. С. 19–27.

⁶ Крючков, С. Е. Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию в главной части / С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов // ВЯ. 1960. № 1. С. 12–22.

⁷ Белошапкова, В. А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории) / В. А. Белошапкова. М., 1967. С. 105–127.

⁸ Ильенко, С. Г. Сложноподчиненное предложение в различных сферах языкового употребления / С. Г. Ильенко // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1965. Т. 268. С. 5–113.

При переиздании в 1962 году школьного учебника по синтаксису группировка придаточных предложений была приведена в соответствие с некоторыми положениями структурно-семантической классификации, разрабатываемой в науке. Так, придаточные подлежащие, дополнительные и сказуемые были распределены между изъяснительными и определительными. Если они связываются союзным словом и относятся к указательному слову, то рассматриваются как определительные: 1) *Счастлив тот, кто строит новую жизнь*; 2) *Я слышал т о, что вы прошептали*; 3) *Хороший человек – это тот, вблизи которого легче дышится* (П. Павленко).

Придаточные подлежащие (а) и дополнительные (б), которые относятся к глаголу, требующему восполнения значения, или к предикативному наречию, прилагательному, которые сходны по значению с таким глаголом, рассматриваются как изъяснительные: а) *Ирине вдруг показалось, что в комнате запахло ландышами*; *Пете ясно, что я не прав*; *Счастлив, кто строит новую жизнь*; б) *Попросим Виктора, чтобы он принес альбом с марками*; *Я рад, что вы успешно закончили свою работу*. Придаточные изъяснительные могут также относиться и к имени существительному, и к словосочетанию: 1) *Сообщение о том, что космический корабль благополучно приземлился, быстро облетело весь мир*; 2) *Она дала слово, что приедет утром*.

В сложноподчиненных предложениях с придаточными обстоятельственными наблюдается большее, чем в других типах, единство смысловых отношений между частями, синтаксической функции придаточного и средств связи его с главным. Поэтому даже при разном подходе к классификации придаточных обстоятельственных мы видим меньше разногласий в выделении их типов. Например, в учебнике для средней школы в соответствии с традицией до сих пор выделяются придаточные образа действия и степени, места времени, цели, причины, условные, уступительные, следствия и присоединительные. Только придаточные сравнительные, которые считались раньше разновидностью придаточных образа действия и степени, сейчас выделены в самостоятельный тип.

Каковы достоинства этого варианта структурно-семантической классификации? Она облегчила дифференциацию придаточных обстоятельственных, так как вместо четырех типов: подлежащих, сказуемых, определительных и дополнительных – учащиеся различают теперь только два типа: изъяснительные и определительные. Сняты также трудности, которые были связаны с отграничением очень близких по значению придаточных дополнительных от подлежащих: 1) *Я слышал, что кто-то вошел на террасу*; 2) *Мне послышалось, что кто-то вошел на террасу*. Оба придаточных рассматриваются как изъяснительные. Часто

ученики ошибались при синтаксическом разборе придаточных дополнительных и подлежащих, сходных с определительными: 1) *Тот, которого поражает молния, блеска не видит и гула не слышит* (Л. Борисов); 2) *Федор Иванович думал о той, которую любит его сын* (Л. Борисов). Теперь оба придаточных включаются в разряд определительных на основе их сходства с присубстантивными определительными. Ср.: 1) *Человек, которого поражает молния, блеска не видит и гула, не слышит*; 2) *Федор Иванович, думал о девушке, которую любит его сын*.

Нет также тех трудностей, которые возникали при разборе сложноподчиненных предложений с придаточными сказуемыми, близкими к определительным. Напр.: 1) *Мороз такой, что страшно выйти из дома* – придаточное сказуемое; 2) *Стоял такой мороз, что страшно было выйти из дома* – придаточное определительное. Оба теперь рассматриваются как предложения, имеющие значение степени и определительное.

Однако против этой классификации высказывают и серьезные возражения. Например, А. Г. Руднев писал: «Как показал акад. И. И. Мещанинов, ведущие грамматические категории – подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обнаруживаемые ими субъектные, предикативные, объектные и атрибутивные отношения устанавливают структуру каждого синтаксического построения, что прослеживается во всех языках и что характерно как для простого, так и для сложного предложения. Этого как раз и не учитывают составители школьного учебника при «обновлении» классификации придаточных предложений... Нужно ли говорить о том, что и по дидактическим соображениям очень важно сохранить преемственную связь классификации придаточных предложений с классификацией членов предложения... Ознакомившись с главными и второстепенными членами предложения, учащиеся прочно усвоят классификацию придаточных предложений»¹.

Резкой и во многом обоснованной критике подвергает структурно-семантическую классификацию А. В. Дудников². А. Н. Гвоздев строит описание придаточных на основе их соответствия членам простого предложения, указывая, что, «несмотря на отмечавшиеся недостатки этой классификации, важно, что при ее использовании на первый план выдвигаются функции придаточных предложений»³.

¹ Руднев, А. Г. Синтаксис современного русского языка / А. Г. Руднев. М., 1968. С. 246–247.

² Дудников, А. В. О противоречивости некоторых аспектов современной теории сложноподчиненного предложения / А. В. Дудников // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. 1967. Т. 197. Вып. 13. С. 223–236.

³ Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис / А. Н. Гвоздев. М., 1968. С. 234.

Можно ли сказать, что новая классификация сняла все трудности синтаксического разбора сложноподчиненных предложений? Нет, хотя бы потому, что сами авторы данной классификации колеблются в определении видов придаточных предложений. Так, в 1962 году, сразу после выхода переработанного, 9-го издания школьного учебника, разъясняя новую классификацию придаточных предложений, авторы относили к изъяснительным такие конструкции: 1) *Он не знал того, о чем его спрашивала.*; 2) *Ему известно то, что его ожидает*, хотя аналогичным примером иллюстрировали придаточные определительные: *То, что мы увидели на берегу озера, превзошло все наши ожидания.*

В 1964 году, отвечая на вопросы учителей и методистов, С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков все эти конструкции относят к определительным: 1) *То, что я хочу рассказать, было в сороковых годах* (Л. Н. Толстой); 2) *Меня удивило то, что он сказал на собрании*; 3) *Все, что полагалось в дорогу, было собрано и сложено в чемодан* (С. Бабаевский)¹. При этом они дают обобщающее правило: придаточные предложения, связанные с главным союзным словом и относящиеся к субстантивированным местоимениям, являются определительными².

Однако применение этого правила может привести к смешению определительных и изъяснительных предложений. В самом деле, какой вид придаточного в следующем примере: *Отец рассказал о том, кто спас утопающего ребенка?* Наличие союзного слова в придаточном и указательного слова в главном как будто дает основание квалифицировать подчиненное предложение как определительное. Однако это не совсем так. Если к придаточному поставим вопрос: *О чем рассказал отец?*, то оно, конкретизируя соотносительное слово, поясняет глагол-сказуемое и является изъяснительным. Если к придаточному поставим вопрос: *О ком рассказал отец?*, то оно будет синонимично бесспорному определительному: *Он рассказал о человеке, который спас утопающего ребенка.*

Но стоит только в аналогичной конструкции употребить союзное слово *что*, как и вопрос оказывается бессильным помочь установить вид придаточного. Напр.: *Отец рассказал о том, что видел на озере.* Если это сложное предложение синонимично такому: *Он рассказал, что видел на озере*, то придаточное – изъяснительное. Если же оно синонимизируется с другим: *Он рассказал о происшествии, которое видел на озере*, то придаточное – определительное.

¹ Бархударов, С. Г. Некоторые вопросы изучения сложноподчиненных предложений в школе / С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков // РЯШ. 1964. № 1. С. 38–39.

² Там же. С. 39.

О трудностях разграничения придаточных изъяснительных и определительных свидетельствует тот факт, что авторы методических пособий дают рекомендации учителю, противоречащие тому, что написано в учебнике.

Например, предлагается для учащихся такой пример: *Нет ничего на свете, чего бы, не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались* (А. Фадеев) и рекомендуется придаточные разбирать как изъяснительные. Но если применить прием подстановки и соотносительное слово *ничего* заменить именем существительным (как рекомендуют авторы учебника), то следовало бы, конечно, здесь выделить три определительных придаточных. Ср.: *Нет такого дела на свете, которого не сумели бы сделать руки твои, которое было бы им не под силу, которого бы они погнушались*.

Обобщая все изложенное выше, мы должны признать, что многие вопросы, связанные с сочинением и подчинением, с классификацией придаточных предложений, еще не решены в науке. Этим объясняются те трудности, с которыми сталкиваются составители учебников и пособий для средней и высшей школы, а также учителя-словесники. Однако из разных противоречивых суждений лингвистов все же можно выбрать такие, которые более или менее «отстоялись», потому что авторы их стараются сохранить принцип «равновесия» семантических и формально-грамматических показателей в оценке того или иного явления.

Если исходить из принципа единства формы и содержания, те бессоюзные сложные предложения следует выделить как особый тип, потому что имеющиеся внутри этого типа различия в смысловых отношениях между частями сложного предложения не закреплены грамматическими средствами выражения этих отношений. Только союзы и союзные слова дают возможность дифференцировать наличие некоторой автономности, равноправия частей сложного предложения (при сочинении) и зависимости одной части от другой (при подчинении).

Но и при таком подходе к сложносочиненным предложениям как к предложениям, предикативные части которых связаны сочинительными союзами, а к сложноподчиненным как к предложениям, предикативные части которых соединены подчинительными союзами или относительными местоименными словами, остаются конструкции, которые стоят на периферии сочинения и подчинения. Особенно эта переходность ярко проявляется при объединении почти равноправных частей подчинительными союзами со значением сопоставления: *Если существуют на земле люди передовые» дерзновенные, энергичные, то, как закон, рядом с ними ютятся отсталые, пассивные, трусливые* (А. Андреев).

Нужно иметь в виду, что не всегда грамматическая форма связи совпадает с направленностью смысловой зависимости между частями сложного предложения. Иногда подчинительный союз начинает придаточное предложение, от которого по смыслу зависит главное предложение. В этом случае можно говорить об обратном подчинении.

Если же каждая из частей сложного предложения имеет свой подчинительный союз, при этом одно придаточное – прямоподчиненное, а второе – обратно подчиненное, тогда мы имеем взаимное подчинение.

Классификация обстоятельственных придаточных предложений в школьных и вузовских учебниках строится, как правило, на основе функционального принципа, т. е. путем сопоставления их с членами предложения (в тех случаях, когда есть соответствие придаточного обстоятельству). Классификация придаточных необстоятельственных находится в стадии пересмотра, отказа от группировки их в соответствии с членами предложения (подлежащим, сказуемым, определением и дополнением), в стадии поисков структурно-семантических критериев для выделения типов этих подчиненных предложений.

СИНТАКСИС КОНСТРУКЦИЙ С ЧУЖОЙ РЕЧЬЮ

РАЗДЕЛ I

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ. КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУР С ЧУЖОЙ РЕЧЬЮ, ИХ ТИПЫ, РАЗНОВИДНОСТИ И МОДИФИКАЦИИ

Учение А. М. Пешковского о трех шаблонах чужой речи – прямом, косвенном и несобственно-прямом, характеризующееся нередко тонкими наблюдениями, даже для его времени отличалось несовершенством, давало принципиально неверное представление о типах чужих речений и типах их соединения с авторским контекстом. И это объясняется не только недостаточностью теоретических разработок конструкций с чужим сообщением, но и неразработанностью синтаксической теории вообще.

Вопрос о категории чужой речи – один из наиболее сложных, спорных и очень далеких от окончательного решения. Еще и сейчас о многих сторонах ее высказываются прямо противоположные мнения. <...>

Такая же картина и с терминами. В один и тот же термин нередко вкладываются совершенно различные понятия. <...>

Проблема общей типологии речи и классификации внутри каждого из выделяемых типов ее усложняется тем, что не решены еще самые принципы общей и внутренней типологии. Лишь в последнее время наблюдаются некоторые сдвиги в решении этого важнейшего вопроса лингвистической методологии. Едва ли не единодушен вывод о том, что при одномерном подходе к явлениям <...> классификация их далеко не всегда может быть решена положительно, что факторы, определяющие типологию, нередко имеют точки пересечения, накладываются друг на друга, что определяющим условием положительной классификации служит «равнодействующая» нескольких факторов, вместе взятых, – действует своего рода закон их сложения.

Заслуга теоретического обоснования многомерной, ступенчатой классификации принадлежит Л. В. Щербе, Р. А. Будагову, В. Г. Адмони, В. Н. Ярцевой, В. Н. Мигирину, Б. Н. Головину, Л. Ю. Максимову, К. П. Орлову, в зарубежном языкознании – О. Есперсену, Г. Глиссону, М. Кубику и др. Классификация «по единому основанию, – пишет Р. А. Будагов, – нередко допускает подгонку значений в единую схему, как в прокрустово ложе», классификация же «многоаспектная в принци-

пе стремится учесть живое разнообразие лексических значений и при их распределении по группам и типам не упрощать самих этих значений»¹.

К. П. Орлов на примере классификации сложноподчиненных и придаточных предложений убедительно показал, что преодолеть многообразие традиционных классификационных систем, каждая из которых отличается недостаточностью, односторонностью, можно лишь следуя фундаментальным требованиям логики: деление признаков структуры на основные, производные и случайные; признание связи этих признаков, обусловленной связью между компонентами, которые принадлежат к разным уровням; упорядочение родовых и видовых связей структур; использование одного из оснований на каждом из шагов делений, но применение многомерного подхода к явлению в целом («принцип многоступенчатой классификации»)².

Предельно четко сформулирован принцип многомерности как неперемutable условие подлинно научного определения и классификации грамматических категорий В. Г. Адмони: «... введение нескольких критериев при классификации грамматических явлений оказывается не только допустимым, но и необходимым научным приемом»³.

Только диалектический подход к структуре, – с учетом многогранности явления и его связей, зачастую непрямолинейных, необычайно сложных, с другими явлениями данного яруса и другими ярусами системы, – может привести к положительным результатам в поисках новых решений проблемы, отличающихся многоаспектной и в то же время вполне определенной, внутренне цельной системой понятий. <...> Классификация, естественно, всегда отстает от жизни, – отражает то, что уже объективно существует, развивается, совершенствуется, обогащая речь и язык, – все дело в пределах отставания. Типологии чужих речений особенно не повезло: так, открытая еще Пушкиным несобственно-прямая речь нашла отражение в лингвистических трудах лишь в конце XIX – начале XX вв., а синонимичная речи косвенной тематическая речь, существующая издревле, – стала объектом научного исследования лишь в наше время. Спору нет, классификация не может охватить все разновидности анализируемой структуры, но речь ведь идет не просто о важных типах, а об исходных, основных способах передачи чужих сообщений.

¹ Будагов, Р. А. Типы соответствий между значениями слов в родственных языках / Р. А. Будагов // Филологические науки. 1968. № 5. С. 5.

² Орлов, К. П. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений русского языка / К. П. Орлов // Филологические науки. 1970. № 5. С. 52.

³ Адмони, В. Г. Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 47.

Репрезентология представляет собою единство двух узловых – неразрывно связанных – понятий, закрепленных в наиболее общих категориях: а) категории чужой речи, б) категории конструкции с чужой речью, лежащих в основе всех типов многомерной классификации репрезентологических структур (притом первичной является, безусловно, категория чужой речи как необходимое условие любого другого репрезентологического понятия). Отсюда разграничение в репрезентологии явлений лингвистических, языковых¹, с одной стороны, и грамматических, уже – синтаксических, – с другой.

Чужая речь (в терминологическом значении; ср. нетерминологическое значение «речь на иностранном языке») – языковое, общелингвистическое² явление, образующее вместе с другими типами и модификациями речи (звуковая, письменная, кинетическая; литературная и диалектная; прозаическая и стихотворная), выделяемыми на основании соответственных оппозиционных отношений, единую систему средств языка для передачи информации, внутренних мыслей, волеизъявления, состояния, чувств, звуков, шумов и т. п. Тип чужой речи – результирующая оппозиционного отношения «авторского» либо «своего», с одной стороны, и «чужого» – с другой. Речь прямая, косвенная, цитатная, мимическая, диалогическая, монологическая и др. находятся в отношениях оппозиции иного порядка. Идея оппозиционных отношений лежит в основе любой классификации, в том числе классификационной системы речи, состоящей из подсистем, в частности классификационной подсистемы чужой речи, верхним пределом которой является тип речи, противостоящий типу «своей», «авторской» речи, а нижним – неделимый далее элемент, вариация (с промежуточными ступенями иерархической лестницы в виде способа передачи, разновидности и модификации).

По своей сущности чужая речь – это всегда речь в речи (с материальными – лексическими, графическими и интонационными или теми и другими – показателями инородности), речь – внешняя (устная, письменная) или внутренняя (невысказанная либо высказанная), – вклиненная в речь другого, всегда образующая единство двух линий сообщения:

¹ О признаках языковых явлений, в отличие от внеязыковых, см.: *Смирницкий, А. И.* Объективность существования языка / А. И. Смирницкий. М., 1954. С. 14–15, 18–19, 23 и др.

² Не имеющее грамматического характера, т. е. не грамматическое явление (в отличие от конструкций с чужой речью как синтаксических целых определенного класса или вида), а если и грамматическое, то в плане композиционно-синтаксическом (имеются в виду случаи, когда чужое высказывание собственно синтаксическими средствами с «авторским» контекстом не связано).

линии «своего» и линии «чужого», линии «автора» (субъект) и линии «не-автора» (объект). Соотносительный характер чужой речи – ее неотъемлемый, конститутивный признак, определяющий бинарный – с прямой или опосредствованной двухчастностью – характер построений с чужим высказыванием и обуславливающий специфику явления в целом.

Сложный и – семантически, структурно, функционально – емкий характер явления предопределяет сложную, многоступенчатую типологию его.

Общее построение классификационной системы чужой речи как лингвистической категории имеет следующий вид.

Конструкции с чужой речью включают два обязательных, постоянных компонента: чужую речь, как смысловое ядро их, и слова, ее вводящие, представляющие, репрезентирующие. Деление по наиболее общим семантическим (план содержания: инородность, функция представления, или репрезентации) и формальным (план выражения: материальные – лексические, графические, интонационные показатели инородности) признакам и определяет собой типологию «компонентов» (в терминологическом значении одной из двух частей бинарного единства с чужой речью): типы вводимого, репрезентируемого компонента и типы вводящего, репрезентирующего компонента. Характер структурных, уже – синтаксических отношений между компонентами определяет типологию конструкций в целом – с точки зрения синтаксической или с точки зрения общеструктурной. <...>

А. Репрезентируемый компонент

Репрезентируемый, или вводимый, компонент – это наиболее общее наименование чьей-либо мысли, ибо он обслуживает все типы чужого сообщения; но одновременно это и частное наименование (при структурно-грамматическом подходе), ибо своим содержанием он охватывает только тот тип чужих речений, который в структурном отношении не самостоятелен, образует целостное единство лишь в совокупности с компонентом репрезентирующим.

Пределно общим делением репрезентируемого компонента является способ передачи чужой речи (под способом передачи понимаем исторически сложившийся метод внедрения чужой речи в чье-либо высказывание, отражающий степень ее информационной точности и смысловой полноты, с одной стороны, и морфолого-синтаксическую структуру, целевую установку, стиль, эмоционально-экспрессивную окраску – с другой; именно эти признаки положены в основу классификации типов чужой речи высшего иерархического ранга).

В современном русском языке выделяется 5 способов передачи чужих сообщений: прямой, косвенный, тематический, несобственно-прямой и свободный прямой. Отсюда и 5 типов чужой речи – по способу ее передачи: речь прямая, косвенная, тематическая, несобственно-прямая и свободная прямая, каждая из которых имеет свои разновидности, – классификация второго, более низкого ранга, в основу которой положены семантико-функционально-структурные факторы с господствующей ролью функции в одних случаях, структуры – в других, семантики – в третьих. Разновидности, в свою очередь, могут иметь модификации или варианты, образуя вместе с другими рангами (в типологии репрезентирующего компонента их еще больше) иерархическую систему, определяемую важнейшей закономерностью классификационных построений – принципом субординации, которым характеризуется весь строй языка. <...>

Б. Репрезентирующий компонент

Репрезентирующий, или вводящий, компонент («ввод») – неотъемлемая составная часть конструкции с чужими предложениями как бинарной синтаксической единицы.

Типология вводов <...> определяется следующими структурными и структурно-функциональными факторами, обладающими реальной возможностью охватить важнейшие моменты исследуемой структуры: местоположением; конструктивно-целевой направленностью ввода; степенью охвата реплик; характером основной, собственно вводящей части («ядро ввода»); составом вводящего ядра.

По местоположению, не считая трех основных типов – препозитивного, интерпозитивного и постпозитивного, выделяются следующие вводы: кольцевой (препозитивно-постпозитивный), или обрамляющий <...>; непрерывный (постпозитивно-препозитивный) <...>; перекрестный (предваряемый или вводящей частью, или прямой речью). И еще один ввод – нулевой (прямая речь вплетается в повествование без вводящих слов), с тремя разновидностями: а) авторская речь вообще отсутствует – так называемый чистый диалог; б) авторский контекст стоит после прямой речи; иными словами, ею открывается книга, или часть, или глава; в) слова автора предшествуют прямой речи, не вводя ее специально.

Вторую разновидность вводящих компонентов представляют собою вводы по конструктивно-целевой направленности. Суть в том, что основное назначение одних вводов – специально вводить прямую речь, почему они и называются основными, тогда как другие вводы, выступающие в этом же самом прямом отрезке, хотя и вводят прямую речь, но играют при этом вспомогательную роль. Первые вводят определенное пря-

мое высказывание в целом, в то время как последние подключают лишь его части, дополняя и оттеняя собой в отношении «вводности» (стилистические функции их не менее разнообразны, чем функции основных вводов) первые. Отсюда и название их – дополнительные. <...>

Третью разновидность вводящих компонентов составляют вводы по степени охвата реплик в диалогической или полилогической речи. Одни вводы охватывают содержанием вводящего глагола весь диалог – самостоятельно или в сочетании с вводами, выполняющими роль добавочных замечаний; другие вводят первую реплику диалога или, еще меньше, характеризуют семантически только часть монолога либо одну из реплик диалога. Таким образом, здесь выделяются следующие типы вводов: общий ввод <...>; частный ввод. Имеет две основные вариации. В одном случае ввод по смыслу относится только к части реплики или монолога (частный ввод одночлена, – разорванного, при интерпозиции ввода, или цельного, при постпозиции ввода). <...> Другая вариация присуща вводам полилога. Сущность ее состоит в том, что слова автора вводят всего лишь одну реплику (частный ввод многочлена!). <...>

Можно указать еще на возможность термина «двойной ввод» для обозначения обеих вводящих частей конструкции с двумя вводами – общим основным и общим дополнительным. Наиболее распространенная в литературно-художественном языке разновидность двойного ввода – внутренний, частный ввод реплики в составе конструкции с вводом общим. <...>

Литературный язык обладает необычайным разнообразием способов сочетания прямой речи с авторским контекстом: классификация вводов в их отношении к местоположению, конструктивно-целевой направленности и степени охвата реплик даст нам около тридцати типологических разновидностей. Комбинированное же сочетание их обеспечивает художнику слова огромное, трудно поддающееся учету количество вариантов рассматриваемых структур.

Таковы основные способы komponирования синтаксических единств с прямой речью по местоположению, конструктивно-целевой направленности и степени охвата реплик.

Значительный интерес представляют также вводы, типология которых определяется характером главной, собственно вводящей части («ядро ввода»), и составом этого ядра. Причем, если первые три фактора имеют в виду связь прямой речи с авторской, структурное соотношение между ними, то последние два обуславливают структурную дифференциацию внутри вводящего компонента; другими словами: первые определяют построение высказываний с прямым текстом, вторые – построение вводов.

По характеру ядра вводов они делятся на следующие структурные типы: глагольно-речевые, косвенные, субстантивные, неполные, модальные и сопроводительные (ремарка). <...>

В заключение несколько слов о функциях вводящего компонента, имея в виду, что одна из сторон этого вопроса – конструктивная функциональность – уже освещена. Речь, собственно, шла о грамматических функциях, прежде всего о той огромной роли, которую играют вводы в компонировании частей предложения с чужой речью, проявляющемся в разнообразнейших способах включения ее в авторский контекст. Важнейшим структурно-функциональным назначением вводов является, в частности, определение характера синтаксической связи между компонентами предложений с чужим высказыванием, которая, в свою очередь, зависит от других грамматических факторов, главным образом – место-положения и интонации.

Однако, помимо этих, структурно-грамматических функций, вводы выполняют еще функции семантико-стилистического порядка. С данной точки зрения вводы, создавая фон, который оттеняет естественность, правдивость той или иной реплики, как и чужого сообщения в целом, могут указывать на: а) жест, как вспомогательное средство, нередко используемое говорящим для подчеркивания тех или иных моментов в своем высказывании; б) мимику; в) акустико-слуховую сторону речи, интонацию; г) чувство, настроение, вообще психологическое состояние носителя речи; д) отношение к собеседнику, отношение автора к говорящему; е) место, время, обстановку речи и на многие другие моменты, помогающие органически связать между собой компоненты синтаксических единств с чужой речью и обеспечить максимальную действенность вводимых слов и речений, создать иллюзию их непосредственности. Вводы служат активным средством изображения ситуации чужих сообщений, помогающим раскрывать их содержание. <...>

КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС

О. Б. Сиротинина

ЛЕКЦИИ ПО СИНТАКСИСУ РУССКОГО ЯЗЫКА

СИНТАКСИС ВЫСКАЗЫВАНИЯ

61. Коммуникативная устроенность предложения рассматривается в синтаксисе высказывания. На базе одного и того же предложения могут быть образованы разные высказывания. Выделение коммуникативного синтаксиса осуществлено сравнительно недавно, поэтому терминология еще не установилась. Кроме термина «высказывание» употребляются термины «предложение», «фраза». Терминологический разноречив характерен и для названия членения высказывания (актуальное членение предложения, коммуникативное членение, коммуникативный состав, коммуникативная структура, функциональная перспектива предложения, членение на тему и ремю), и для самих членов: тема, основа, данное, исходный пункт, логический (психологический, смысловой) субъект; рема, ядро, новое, предцизируемая часть, логический (психологический, смысловой) предикат, но наиболее употребительны термины «высказывание» «актуальное членение», «тема», «рема»¹.

Высказывание – это предложение в аспекте его коммуникативной структуры, т. е. в аспекте его актуального членения.

Сам термин «высказывание» вызывает представление о чем-то звучащем, говоримом, а теория высказывания базируется на интонационном оформлении предложения, хотя высказывание является коммуникативной единицей как устной, так и письменной речи в равной степени. Об интонационной базе теории высказывания можно говорить только потому, что любое высказывание письменной речи может быть воспроизведено в устной речи – прочитано с определенной интонацией. Однако в письменной речи есть свои способы оформления высказывания, которым до сих пор не уделяется должного внимания.

Спорным является отнесение высказывания и его членения к системе языка²: широко распространено мнение, что высказывание и его чле-

¹ В некоторых работах используются еще термины «данное», т. е. известное, и «новое», не всегда совпадающие с темой и ремой: рема может быть известным, а тема новым.

² См.: Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. М., 1976.

нение относятся к речи¹. Если считать высказыванием все «высказанное», т. е. любые коммуникаты, вопрос о принадлежности высказывания к языковой системе естественно снимается. Однако термин «высказывание» обычно употребляется в более узком значении. Как предложение формируется, только на базе предикативной единицы, так высказывание основывается на предложении. На базе одного и того же предложения оформляются разные высказывания, т. е. возможно разное актуальное членение. **Актуальным членением** принято называть членение высказывания на два члена: тему и рему. **Тема** – это предмет сообщения, исходная часть высказывания; **рема** – коммуникативный центр высказывания, основное содержание сообщения. Так, в высказывании *Брат приехал вечером* тема – *брат*, о нем сообщается, что он приехал вчера, *приехал вчера* – рема. В высказывании *Вчера приехал брат* тема – *вчера*, рема – *приехал брат*. Первое высказывание – сообщение о времени приезда брата, второе о том, что вчера произошло или кто вчера приехал. Предложение *Миша купил лыжи* в ответ на вопросы *Кто купил лыжи?* *Что купил Миша?* и *Откуда у Миши лыжи?* образует три разных высказывания с ремой *Миша* в первом, *лыжи* во втором и *купил* в третьем случае.

Актуальное членение создает **коммуникативную структуру** предложения. Каждое предложение образует на своей основе хотя бы одно высказывание.

Непредложенческие коммуникаты нечленимы не только конструктивно-синтаксически, но и коммуникативно-синтаксически, поэтому высказываниями не являются.

Термин «актуальное членение» противопоставляет его формально-синтаксическому, подчеркивает, что оно существенно (актуально) в данном контексте или данной ситуации. Оно целиком зависит от говорящего или пишущего², поэтому его и относят нередко к речевым явлениям. Однако в каждом языке существуют свои средства выражения актуального членения, формы организации высказывания для разных случаев конкретных ситуаций обобщены и стандартизованы. Это заставляет И. И. Ковтунову считать, что они не производятся, а воспроизводятся, что в языке существуют модели высказываний разного типа, составляю-

¹ См., например: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 321, 328.

² Зависимость от пишущего не означает свободы, безразличия в выборе актуального членения – она зависит от коммуникативных задач сообщения, и неправильное актуальное членение приводит к затруднениям в понимании.

щих систему, парадигму высказывания¹. К особому уровню языковой системы относят актуальное членение и многие другие исследователи (чешские лингвисты Ф. Данеш, К. Гаузенблас, П. Адамец, советские ученые В. З. Панфилов, И. П. Распопов, И. Ф. Вардуль и др.).

Д. Н. Шмелев возражает против выделения особого уровня актуального членения в самой синтаксической системе, считает, что высказывания можно сопоставить со значениями многозначного слова. Как отдельные значения слова проявляются в соответствии с коммуникативным заданием, которое стоит перед говорящим, в сочетаемости с другими словами, так и высказывания, образованные на базе предложения, появляются как следствие коммуникативного задания в сочетаемости с другими высказываниями, т. е. в контексте. Как в слове можно выделить основное, первичное значение, наименее зависимое от контекста, и вторичные переносные значения, зависящие от него, так и предложение образует наиболее независимые и синтагматически обусловленные высказывания, зависящие от контекста².

Не считают актуальное членение явлением особого уровня языковой системы О. А. Лаптева³ и Т. М. Николаева⁴.

При всей спорности выделения коммуникативной устроенности предложения в особый уровень синтаксической системы существует бесспорное признание такой устроенности, наличия языковых средств для ее выражения и необходимости ее изучения, в том числе и отдельного от изучения формально-синтаксической и семантической устроенности.

Каждое конкретное предложение соотносится не только с определенным типом и вариантом предикативной единицы, определенным типом предложения, но и с определенным типом высказывания, т. е. имеет не только формально-грамматическую и семантическую, но и коммуникативную структуру.

Различия в коммуникативной структуре связаны с членением высказывания на два компонента (тему и рему) или с отсутствием такого членения (не членятся не только однословные высказывания, но и некоторые многословные), с порядком компонентов, с соотношением актуаль-

¹ См.: Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. М., 1976. С. 31, 36.

² См.: Шмелев, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. М., 1976. С. 98–100.

³ См.: Лаптева, О. А. Нерешенные вопросы актуального членения / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 45.

⁴ См.: Николаева, Т. М. Актуальное членение – категория грамматики текста / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. 1972. № 2.

ного, формально-грамматического и семантического членений. Это языковые свойства коммуникативной структуры. Но структура высказывания связана с морфологическими и лексическими особенностями наполнения предложения, и в этом состоят ее речевые проявления.

Таким образом, высказывание также единица не только языка, но и речи.

62. Средства актуального членения в русском языке различны в устной и письменной речи. В устной речи основное средство выражения актуального членения – **интонация**. При этом маркированным членом является, естественно, рема, интонирование темы зависит от ее расположения в начале или конце высказывания. Рема выделяется 1) резким понижением частоты колебаний основного тона высказывания (мелодика, перепад частоты), 2) относительным усилением напряженности органов речи, т. е. большей четкостью произношения, 3) относительным увеличением длительности и интенсивности произношения. <...>

В письменной речи основное средство выражения актуального членения – порядок слов: тема начинает высказывание, затем следует рема. См., например: *Степан Захарович шел городом. Его путь лежал мимо кирпичного здания школы, где разместился госпиталь. За широкими окнами виднелись железные спинки кроватей и шаткие тумбочки. Степан Захарович вспомнил утреннюю тишину палаты для выздоравливающих¹* (Нагиб.).

Такой порядок членов высказывания характерен для нейтрального текста и подсказывает соответствующую интонацию при чтении – фразовое ударение в конце высказывания. Такое чтение является автоматизированным.

В экспрессивных высказываниях письменной речи порядок членов обратный: рема – тема. Такой порядок требует при чтении усиленного ударения – **эмфазы**. Эмфатический порядок членов высказывания не обеспечивает автоматизированной интонации. Для обеспечения нужной интонации при устном воспроизведении высказывания необходим смысловой анализ контекста. Обычно писатели используют в таких случаях дополнительные средства: специальные актуализаторы (ср. *Брат приехал может быть прочитано с разным ударением; Даже брат приехал – только с одним*), эмоциональную лексику (*Дико и чудно показалось ему, что он мог проспать <...>, Чуден Днепр при тихой погоде <...>*)².

¹ Выделены темы высказываний.

² Значение лексического наполнения прослежено в кн.: Шмелев, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. М., 1976. С. 98–132; см. также: Сиротинина, О. Б. О лексико-семантической обу-

Играют роль и морфологическая принадлежность слова¹ (местоимения по своей морфологической природе – тематические слова) и формально-синтаксические характеристики предложения (развернутость, наличие однородных членов гораздо типичнее для ремы, чем для темы). Ср., например, два таких предложения: *Пережил такое чувство Никита* и *Дважды пережил такое чувство Никита* (К. Ф.). В первом вполне вероятной ремой является *Никита*, хотя возможна и *пережил*. Во втором распространение глагола увеличивает его тематические возможности.

Основным средством выражения актуального членения в письменной речи является все же порядок слов.

63. Классификация высказываний возможна по разным основаниям. 1. Высказывания нейтральные и экспрессивные. 2. Высказывания расчлененные и нерасчлененные (с нулевой темой, коммуникативно односоставные). 3. Высказывания синтагматически независимые и синтагматически обусловленные. 4. Высказывания простые и с многоступенчатым актуальным членением.

64. Подавляющее большинство высказываний – **нейтральные** высказывания. Для них характерно обычное расположение коммуникативных членов: тема – рема. Каждый речевой такт строится так, что ударный элемент находится в конце: *Он достал из кармана разорванный пакет с сургушной печатью и протянул ей* (В. П.); *Первым пришел дед* (Пауст.). При этом как тема, так и рема могут выражаться любым членом предложения. В первом примере подлежащее – тема, во втором – рема. Называть второе предложение предложением с инверсией главных членов нет никаких оснований. Для данного высказывания – данной коммуникативной структуры – такое расположение является обычным, нейтральным и нормативным.

Экспрессивные высказывания имеют либо обратный порядок членов (рема – тема), либо обратное размещение ударных и неударных элементов в речевых тактах. Ср. нейтральное: *В хатах потухли последние огни* и *Последние огни потухли в хатах* (Л. Т.); *Все затихло в Москве* (Л. Т.); *С колокольни размеренные сыпались удары* (Ш.). Такое размещение называется синтаксической инверсией.

Экспрессивные высказывания имеют то же актуальное членение, что и нейтральные высказывания. Их коммуникативная структура остается той же, но интонационная структура меняется, перестает быть автомати-

словленности порядка слов / О. Б. Сиротина, Р. Т. Жук, Л. И. Токарева // Вопросы славянского языкознания. Саратов, 1968.

¹ См.: Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. М., 1976. Гл. 4.

ческой, привычной. На этом основана экспрессивность, т. е. большая выразительность высказывания.

Как нейтральные, так и экспрессивные высказывания могут быть расчлененными и нерасчлененными.

65. Расчлененные высказывания состоят из темы и ремы. В неполных предложениях тема отсутствует, но подразумевается из контекста или ситуации; так что они тоже могут образовать расчлененные высказывания. Например: *Иванов был вчера на собрании? Был* (тема опущена). И хотя высказывание однословное, оно относится к расчлененному типу.

Нерасчлененные высказывания не имеют предмета сообщения, сообщаемый факт существен в данной ситуации в целом: *Было солнечное утро* (Сим.); *Был жаркий августовский день* (Ч.); *К вечеру собралась гроза* (Ш.). Они содержат только ремю, темы нет, и она не подразумевается.

В нейтральных нерасчлененных высказываниях подлежащее занимает последнее место, так как является самым ударным. В односоставных предложениях, образующих нерасчлененные высказывания (*Пора ехать; Пахло травой*), в конце располагается инфинитивная часть главного члена или его зависимый компонент. Экспрессивные нерасчлененные высказывания в письменной речи встречаются очень редко (*Денег нет*).

Нерасчлененные высказывания всегда сообщают новую информацию. Ср. *Убили! – Кого убили? – Кеннеди убили.* (*Кеннеди* – рема, *убили* – тема, т. е. высказывание расчлененное). *Ты ничего не знаешь? – Нет. А что? – Убили Кеннеди* (нейтральное) или *Кеннеди убили* (экспрессивное) – нерасчлененные высказывания. В письменной речи нерасчлененные высказывания чаще всего встречаются в начале произведений, глав. Так, у Тургенева встречаем: *Дело было осенью; Было тихое летнее утро; Прошло еще несколько лет* и т. д. Но могут включаться и в середину текста, сообщать о наступлении каких-то новых событий. Так, у Чехова в повести «Степь» встречаем: *Наступила тишина; У самой дороги вспорхнул стрепет; За холмами глухо прогремел гром, подуло свежестью; Вошел на цыпочках Моисей Моисеич; Прошло минут десять* и т. д.

Поскольку нерасчлененные высказывания содержат целиком новую информацию, по своему строению они всегда независимы от контекста.

Расчлененные высказывания могут также быть максимально независимыми от окружения – синтагматически независимыми, но бывают и синтагматически обусловленными.

66. Синтагматически независимые высказывания представляют исходный член парадигмы. В своем актуальном членении они не зависят от текста, так как оно соответствует синтаксическому членению предло-

жения: тема (предмет сообщения) выражается подлежащим (речевым подлежащим), а рема – сказуемым (речевым сказуемым). Это наиболее типичные и статистически частотные выражения темы и ремы: *Удовлетворенное мщение и властолюбие заглушили до некоторой степени чувства более благородные* (П.); *Ночь выпала на редкость бурная* (Л. Л.); *Владимир почувствовал укол обиды* (Ш.). Так же независимы от контекста высказывания с начально расположенным ситуантом, детерминантом: *Через полчаса осмелевшая толпа подступила ко двору* (Ш.), *К. первой мировой войне Илья все еще состоял должником брата* (К. Ф.). *В Чите его взвод отказался выступить против бастовавших рабочих, железной дороги* (К. Ф.); *Вихрову удалось пристроиться к шествию* (Л. Л.).

Тема синтаксически независимых высказываний может содержать уже известную информацию: *Ему шел только двадцать восьмой год, но он уже был толст, одевался по-стариковски во все широкое и просторное и страдал одышкой. В нем были уже все задатки помещика старого холостяка. Он не влюблялся, о женитьбе не думал и любил только мать, сестру, няню, садовника Васильича; любил хорошо поесть, поспать после обеда, поговорить о политике и о возвышенных, материях* (Ч.); *Варя и Лиза обе ненавидят Катю. Ненависть эта мне непонятна* (Ч.). Но может передавать и новую информацию, служащую исходным пунктом высказывания: [*Ночь*]. *Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребенок, и чуть слышно мурлычет* (Ч.).

Синтагматически обусловленные высказывания опираются на контекст, темой в них является уже известное, названное ранее (очень часто местоимение, заменяющее ранее названный предмет или признак). Рема первого высказывания становится темой последующего высказывания: *Он встал и пошел за Власичем в переднюю, а оттуда в залу. В этой громадной угрюмой комнате был только фортепьян да длинный ряд старинных стульев с бронзой, на которые никто никогда не садился. На фортепьяне горела одна свеча* (Ч.). При этом темой может стать любой член предложения, что влечет за собой несоответствие актуального членения синтаксическому: *Свой дом он называл пасторским, свою жизнь пресной, воспитание сына мещанским. Во всем была виновата жена* (К. Ф.); *О судьбе Коли я узнал несколько позже* (Нагиб.); *Точила его злая желудочная болезнь* (Ш.); *Свою подружку Варя заметила у раскрытой балконной двери* (Л. Л.).

Актуальное членение, вернее, выбор типа высказывания является одним из важнейших способов организации текста. Игнорирование этого средства связи, использование только синтагматически независимых высказываний приводит к тому, что текст рассыпается на отдельные предложения. <...>

Парадигма высказываний на основе одного и того же предложения образуется из синтагматически независимого и синтагматически зависимых высказываний, а также их нейтральных и экспрессивных вариантов¹.

Синтагматически независимые высказывания обычно являются **общейнформативными**², т. е. отвечают на полный диктальный вопрос (*В чем дело? Что произошло?*)³. Полный диктальный вопрос направлен на все содержание высказывания. Ответ на него состоит также из всего содержания высказывания, поэтому оно является либо нерасчлененным, либо тема является не данным, а новым: *Что случилось? – Убили Кеннеди; В подвале лопнула труба; Киты выбросились на берег; Мальчик заблудился.*

Синтагматически зависимые высказывания могут быть **частноинформативными**, т. е. отвечать на частичный диктальный вопрос: *Чем платил за ее работу отец? – Отец платил за ее работу остражкой (К. Ф.); На ком женил его Прокофий? – Женил его Прокофий на казачке (Ш.); Кто стоял перед ним? – Перед ним стоял Люсин (Сим.).* В разговорной речи ответы на такие вопросы, как правило, состоят только из ремы (*остражкой; на казачке; Люсин*), так как тема в таких высказываниях заранее известна из вопроса или предыдущего высказывания (*Почти так же, как мед Калины для самого Ивана Матвевича, для этой молодежи на всю жизнь остался сладостным воспоминанием скудный, зачастую без сахара, вихровский чайшко. Его приносила в необъятных количествах Таиска – Л. Л.*). Вне контекста такие высказывания производят впечатление вырванных: *Гроза разразилась вечером; Расплата пришла через месяц (Л. Л.); Нужда закинула его весной в низовья Волги (Л. Л.); От этого-то Мохова Никишки и повелся купеческий род Моховых (Ш.); Поезжанье встретили старики (Ш.); Перед ним стоял только что налитый Асей чай (К. Ф.); Тут выручил ее Прокоп (К. Ф.).*

Частноверификативные высказывания, отвечающие на частичный модальный вопрос, также синтагматически зависимы. В них устанавливается реальность какого-то одного аспекта события: *Это брат ей подарил? – Подарил не брат, а его жена (Брат не подарил, а помог купить;*

¹ Подробно парадигматика высказываний дана в книге И. И. Ковтуновой «Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение» (М., 1976. Гл. 7).

² Классификацию на **общейнформативные**, **частноинформативные**, **общевеверификативные** и **частноверификативные** предложения (т. е. высказывания) дана П. Адамцем в книге «Порядок слов в современном русском литературном языке» (Прага, 1966).

³ Разумеется, не всегда высказывания являются ответами на какой-либо вопрос в буквальном смысле, но они могли бы быть ответом на соответствующий вопрос.

Брат не ей подарил, а мне). В разговорной речи ответы на такие вопросы обычно тоже неполные, состоят только из ремы (*Не брат, а его жена; Не подарил, а помог купить; Не ей, а мне*), так как тема известна из вопроса (или предшествующего высказывания).

Общевеерификативные высказывания отвечают на полный модальный вопрос, в них устанавливается реальность или нереальность целого факта. Ответ на такие вопросы может быть осуществлен при помощи только релятива: *Отец дома? – Да; Нет*, но может быть высказан и полностью: *Отец дома; Отца нет дома*. С контекстом эти высказывания могут быть связаны в разной степени.

67. Простые высказывания членятся на тему и ремю относительно легко, причем тема, как правило, однословна, а рема обычно выражена словосочетанием, всей группой сказуемого. Однако есть более сложные высказывания с несколькими темами и ремами. Актуальное членение в таких высказываниях является ступенчатым. **Многоступенчатые** высказывания организуются прежде всего на базе сложных предложений: *Она была уверена в успехе, потому что это была ее первая личная просьба к отцу* (Л. Л.). На первой ступени актуального членения темой является главная часть, а ремой – придаточная (частноинформативное высказывание, как бы ответ на вопрос «*Почему она была уверена в успехе?*»). На второй ступени членится каждая из частей сложного предложения (темы *она* и *это*). Возможны и 3-я и 4-я ступени членения.

Многоступенчатое членение возможно и в распространенных простых предложениях: *В сумерки все это бесследно поглощали вокзалы* (Л. Л.). На первой ступени выделяется тема *В сумерки*, противопоставленная реме (всему остальному), в которой на второй ступени выделяется тема *все это*. При двойной теме нередко одна из тем бывает данным, известным, а вторая – новым. Располагаются они обычно в таком порядке: сначала тема – новое (*в сумерки*), потом тема – данное (*все это*).

Распространенность ремы заставляет выделять в ней собственно ремю (*вокзалы*) и позволяет включить в ремю элементы данного (*Первый раз в жизни Матвей почувствовал к нему острую жалость*) (Л. Л.).

68. Одной из наиболее сложных проблем актуального членения является членение конкретных высказываний. В разговорной речи трудности выделения темы и ремы связаны с волнообразной мелодикой многих высказываний (*Крепко он сожалеет, что бросили его на хозяйственную*

работу; Ты много увидишь интересного)¹. Однако расчлененное представление ремы не мешает ее восприятию на слух.

Более сложным представляется членение многих высказываний в письменной речи. Актуальное членение отражает коммуникативную структуру высказывания, но истинные коммуникативные цели высказывания при чтении текста ясны далеко не всегда; отсюда различия в интонации при чтении одних и тех же текстов разными чтецами. Иногда писатели даже специально выделяют собственно рему курсивом или оговаривают ударение <...>, в научной речи широко используется набор в разрядку или выделение полужирным шрифтом. Например: Слово, занимающее позицию подлежащего, **называет** предмет; Слово, играющее роль сказуемого, **обозначает** свойства (атрибуты) предмета (Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл); Каждый из этих отрезков характеризуется определенной **структурной целостностью**. Те формальные связи между словоформами, которые существуют и действуют внутри этих отрезков, перестают действовать за их пределами, где возникают отношения уже совершенно иного рода (Д. Н. Шмелев. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке).

Горький часто использует тире перед ремой, для большего ее выделения (*Море – смеялось*). Некоторые писатели выделяют рему в самостоятельный элемент текста: *И она ответила на его поцелуй – ответила! За закрытой дверью, в одиночестве, он, стыдясь, утирает свою слезу – слезу и горя и облегчения* (В. Панова); *Цыган встал. Покосился на Саньку. Тихо пошел к воротам* (А. Толстой). Широко используется прием парцелляции в публицистике: *Выступить по вопросам сатиры и эстрады надо со всей гражданской и партийной ответственностью. Глубоко, серьезно, честно; А вот теперь на Первом Ставропольском конном заводе делают такой подсчет. Реальный, опытом проверенный...* (Из газет).

Выделению темы служит прием сегментации: *Строитель! С гордостью произносим мы это слово; Солидарность трудящихся... Она укрепляет надежды сторонников прогресса, мира, демократии; Читатель и газет, <...> они всегда вместе* (Из газет).

Однако все эти выразительные приемы потому и выразительны, что единичны. Подавляющее большинство высказываний точных границ

¹ См.: Лаптева, О. А. Нерешенные вопросы теории актуального членения / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 42–47. Лаптева О. А. считает актуальное членение речевым и необязательным.

между темой и ремой не показывают. Для их осмысления требуется тщательный анализ контекста («смысловые куски» Станиславского).

69. Сложным является и вопрос об актуальном членении вопросительных высказываний и правомерности самого рассмотрения их в качестве высказываний. Как правило, актуальное членение рассматривается на базе повествовательных предложений. Своеобразие вопросительных высказываний заключается в том, что они лишь побуждают собеседника к ответу, к высказыванию мысли, интересующей того, кто задал вопрос. Свойственны они прежде всего устной, главным образом разговорной речи, поэтому актуальное членение выражено в них интонационно. Своеобразной ремой является слово, с которым связан смысл вопроса: *Ты был в театре? Ты был в театре? Ты был в театре? Где ты был? Где ты был?* В отличие от ремы повествовательного высказывания рема вопросительного высказывания отличается не понижением, а наоборот, резким повышением тона. Если рема не заканчивает вопросительное высказывание, после нее наблюдается понижение тона. Особенно резкое повышение тона характерно для ремы вопросительного высказывания, организованного без вопросительных слов. <...>

Г. А. Золотова

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОГО СИНТАКСИСА

ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ И ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Правомерность постановки вопроса о соотносительности типов предикатов и типов предложений сомнений теперь, очевидно, не вызывает. Отображая категориальные связи между явлениями действительности, типовые значения предложений обнаруживаются прежде всего в категориально-грамматическом характере предиката.

Известно многообразие форм и значений предиката. С точки зрения морфологии в качестве предиката употребляются разные части речи и их формы, в морфологизованных и неморфологизованных способах выражения. С точки зрения семантики предикат сообщает о действии, состоянии, качестве и других признаках предмета, названного предидицируемым именем. С точки зрения синтаксиса предикат есть предикат, сказуемое, но существенно то, что разные грамматические формы, выступающие в роли сказуемого, располагают разными синтаксическими возможностями: формы личного глагола, в отличие от других глагольных форм, функционируют только как предикаты, определенные формы имени существительного выступают в роли как предиката, так и атрибута, или в других соотносительных позициях. Многообразие семантико-грамматических видов предиката не использовалось последовательно как основание для классификации типов предложений. В описании способов выражения сказуемого учитывалась обычно его морфологическая форма, но не обращалось внимания на соотношение морфологических, синтаксических, семантических его свойств.

Комплексное, «объемное» рассмотрение свойств глагольного предиката открывает возможности построения семантико-синтаксической классификации предложения, выявляющей единство формы и содержания в синтаксисе. Категориально-грамматические типы предикатов и взаимнообусловленные типы и формы предидицируемых, субъектных компонентов – объективный критерий, способный конструировать единую семантико-синтаксическую классификацию предложений. Устанавливая, какими формами в каких моделях, при каких предидикатах могут быть выражены разного типа субъекты предложения, мы выявляем, в формировании какого грамматического значения они участвуют. Если с этой точ-

ки зрения рассмотреть, например, предложения (1) *Я не пишу* – (2) *Мне не пишется*; (3) *Буря сломала дерево* – (4) *Бурей сломало дерево* обнаруживается, что в обеих парах структура предложения создается предикативным сочетанием двух составов, или двух компонентов: субъект-носителя, производителя предикативного признака и предикативного признака. Противостоят они в синтаксической системе не как личные двусоставные – безличным, односоставным, но по форме компонентов: именительный падеж первого компонента в примерах (1) и (3) – косвенные падежи (дательный и творительный) в (2) и (4); личные глаголы в (1) и (3) – безличные в (2) и (4). Какое же грамматическое значение сигнализируется различиями в форме субъектов и в форме предикатов?

Во-первых, субъектные формы дательного и творительного в конструкциях, представленных примерами (2) и (4) в предикативном сочетании с безличными глаголами (для (2) также с инфинитивом или предикативным наречием *Мне работать*; *Мне весело*), выражают грамматическое значение независимости предикативного признака от воли субъекта, тогда как в примерах (1) и (3), с именительным падежом имени субъекта и личной формой глагола-предиката, это значение не выражено, не маркировано (ср.: *Я работаю* – *Я тоскую*; *Буря сломала дерево* – *Прохожий сломал дерево*).

Во-вторых, форма субъекта и предиката показывает их взаимную избирательность (оба предикативно сопрягаемых компонента своими семантико-синтаксическими потенциями, по выражению И. П. Распопова, «подготовлены к встрече друг с другом»¹), распределенность между ними семантико-грамматического значения или, вернее, общность их усилий выразить это значение.

Отсюда следует, что структура предложения вопреки вербоцентрическим концепциям определяется не только предикатом и тем более не только глаголом, но взаимной соотнесенностью двух организующих модель компонентов, субъектного и предикатного. Неверно было бы недоучитывать сложность взаимных отношений субъекта и предиката предложения. С одной стороны, по замечанию Э. Бенвениста, «предикативный член достаточен сам по себе, так как он детерминирует «субъект»², субъект же сам по себе недостаточен для предложения. С другой сторо-

¹ Распопов, И. П. К соотношению членов предложения с частями речи / И. П. Распопов // Русский синтаксис. Воронеж, 1976.

² Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М., 1974. С. 138. Ср. также: «То, что мы для удобства называем предложением, является или единственным глаголом, или глаголом, сопровождаемым одним или более существительным...» (Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф. М., 1975. С. 116).

ны, предикат – функция субъекта и осуществляется лишь постольку, поскольку существует субъект¹.

Представление о достаточности предиката справедливо в разной степени по отношению к разным моделям предложения. Например, в ряду предикатов: *Узнаю. Едем. Напиши. Выиграли. Скучно. Жарница. Здоров. Хороша. Коротковата. Убавилось. Не пришло. Слышится. В руке. Синего цвета* и т. д. коммуникативно-информативная достаточность их, в порядке расположения, все больше обеспечивается контекстом, так что граница между «достаточным» предикатом и «недостаточным» любым другим компонентом предложения в реплике диалога в конце концов расплывается.

По-видимому, адекватнее определял положение еще Ф. И. Буслаев, констатируя, что «есть в языке предложения, состоящие только из сказуемого... но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего»². Справедливее, следовательно, говорить о возможности функционирования в языке предложений, состоящих только из сказуемого, но не о принципиальной достаточности предикативного члена или глагола. Литературные попытки построить текст из одних глагольных предикатов, без имен, осуществимы лишь в пределах известного жанра и тематики. См. пример с 16-й страницы «Литературной газеты» от 16 апреля 1980 г.:

В. Чудодеев. Глаголы женского рода.

Очнулась. Взглянула. Обомлела – проспала! Вскочила, стала будить. Буркнул, отвернулся. Растолкала, подняла. Кинулась разогреть, накрывать, накручиваться. Позвала. Молчит. Заглянула – накрылся, храпит... Выскочила, помчалась.

Отходит! Догнала, уцепилась, повисла. Доехала. Спрыгнула. Звенит! Побежала, ворвалась, отпихнула, проскочила. Отлегло!

Поднялась. Уселась. Вскочила, позвонила, напомнила погасить, выключить, причесать, застегнуть, обуть... Бросил. Разложилась, начала работать.

Шепчутся. Прислушалась...

2. Итак, общие категории субъекта и предиката мысли-предложения реализуются в различных моделях как частные значения лица и его действия, состояния, свойства, предмета и его качественной или количественной характеристики, выражаемые структурно-семантическими компонентами моделей в их конкретно-типовых формах. Соответствие ос-

¹ «Процесс (явление, действие, состояние, качество) не мыслится нами без субстанции, которая служит его местопребыванием. Это местопребывание процесса и является субъектом: нельзя мыслить движения, шум, цвет, жизнь, смерть, страдания и т. д. без субъекта», – писал Ш. Балли (*Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. М., 1955. С. 138*).

² *Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка / Ф. И. Буслаев. М., 1959. С. 258.*

новного категориального значения ведущих частей речи в составе предиката основным категориям внеязыковой действительности, структурированной национальным языковым сознанием, лежит в основе организации предложения и его типологии.

Вступая в роли субъекта и предиката предложения, синтаксические формы слова (синтаксемы) вступают в предикативные отношения. Это означает, что данный предикативный признак приписывается предмету-носителю в определенном плане времени, модальности и лица (значение вневременности, гномичности – одно из частных значений временного плана). Тем самым сообщение, возникающее как результат предикативного сопряжения главных компонентов, оказывается отнесенным к внеязыковой действительности. В таком понимании предикативности получает разрешение мнимая, как представляется, оппозиция двух трактовок предикативности: как отношения содержания предложения к действительности и как отношения между субъектом и предикатом¹. Фактически это две стороны одного и того же явления.

Односторонняя сосредоточенность в ряде работ на грамматическом выражении предикативности, ограничение предикативных отношений морфологическим выражением этих отношений, в отвлечении от их содержательного существа, и сделали возможным противопоставление понятий предикативного минимума и информативного минимума предложения. С этих позиций косвенные падежи с субъектным значением не допускаются в структурную схему на том основании, что только именительный падеж диктует сказуемому формы числа, рода и лица, носителем предикативности признается вспомогательный модальный глагол, и даже подлежащее в именительном падеже низводится на роль второстепенного члена в тех предложениях, где оно не является необходимым для выражения модальных и временных значений². Но как не может

¹ Ср.: «Одни ученые понимают предикативность как грамматическую категорию, соотносящую содержание предикативной единицы с действительностью, другие сводят предикативность к отношению между главными членами» (*Сиротинина, О. Б. Лекции по синтаксису / О. Б. Сиротинина. М., 1980. С. 44*). См. также раздел «Предикативность» в кн.: *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 133–182*. Чехословацкие русисты закрепляют это противопоставление терминологически, различая понятия предикативности и предикации (*Русская грамматика. Praha, Academia, 1979. Т. 2. С. 681*) и не ставя вопроса об их соотношенности.

² См., например: *Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис, с. 109 и др.; Михеева, Н. С. Роль различных компонентов двусоставного предложения в формировании предикативных категорий / Н. С. Михеева // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978.*

быть предикативного признака, приписываемого ничему, так не может предикативный признак заключаться в отнесении ничего к временному и модальному плану. Что касается формальных средств выражения предикативной связи между предметным и признаковым компонентами, известна их факультативность. Для русского синтаксиса характерно сосуществование морфологизованных и неморфологизованных средств выражения, моделям с согласованными (координированными) главными членами противостоят несогласованные, моделям с морфологически выраженными значениями времени, модальности и лица противостоят модели с теми же значениями, выраженными конструктивно-синтаксическими способами¹. Условия научной квалификации явлений требуют опоры не на факультативные, переменные, а на обязательные, существенные их признаки.

В состав категорий, выражающих предикативность, вступая в предикативный союз, каждая из сторон вносит свой вклад. Временную и модальную характеристику получает признак, предикативно приписываемый носителю. Категория лица характеризует в этом союзе субъектный компонент, организуя противопоставление трех значений лица по отношению к участникам коммуникации, а также противопоставление личного и предметного субъектов с присущим каждому из них набором средств реализации.

В предикативном акте взаимопроникновение этих категорий осуществляется и в плане содержания (позицией говорящего лица определяются частные значения времени, модальности, лица), и в плане выражения (согласование в лице, числе и роде между охарактеризованными по этим категориям субъектным и предикатным компонентам, слияние в глагольных флексиях значений времени, модальности и лица).

Требует специального изучения вопрос о формально-содержательных показателях форм имени существительного, способных вступать в предикативную связь. Грамматика-80 широко раздвинула границы для предикативных падежных и предложно-падежных форм, что само по себе выражает реалистическую тенденцию по сравнению с концепциями вербоцентрического толка. Но утверждение, что «позиция сказуемого открыта для всех присловных значений» (§ 2727 и др.), и его иллюстрации вызывают сомнения.

Такие примеры, как *Решение – в последнее мгновение; Ссора – между друзьями; Беседа – с учениками; Погрузка – с механизмами; Рецензия – на статью; Игра – в карты; Большинство – в один голос; Стро-*

¹ См.: *Виноградов, В. В.* Введение / В. В. Виноградов // *Грамматика русского языка.* Т. II. Ч. 1. М., 1954. С. 82.

гость – без милосердия; Дело – по обвинению в растрате и др. под. не воспринимаются как независимые от контекста модели, предикативно сопрягающие субъектный и признаковый компоненты, даже если их существование может быть проиллюстрировано текстуально. Скорее это сочетания с определительным или объектным распространителем, актуализованным в условиях верификативного текста, когда говорящий уточняет или корректирует ранее сказанное в ответ на вопрос или реакцию собеседника. Возможен путь разграничения моделей предложений, функционирующих как нейтрально-информативные единицы, и предложений, функционирующих в тексте (чаще диалогическом) верификативного типа. Можно думать, однако, что это деление не дало бы ничего нового сравнительно с делением языковых моделей и их речевых реализаций, так или иначе зависимых от контекста.

Языковая модель предложения – вне влияния распространителей и контекста. Если такая зависимость обнаруживается, то либо перед нами речевая вариация модели, либо неверен принцип ее выделения.

Грамматико-семантическая структура предложения (в его предикативном минимуме) определяется его компонентным составом: значением и взаимообусловленным способом выражения субъектного и предикатного компонентов. И наоборот: сопряжение субъектного и предикатного компонентов в определенной форме и с определенным категориальным значением дает соответствующую грамматико-семантическую структуру, или модель предложения. Таким образом, пути анализа: от целого к компонентам или от компонентов к целому – взаимно детерминированы.

Дискуссионный вопрос о том, задаются ли компоненты моделью или сами создают модель, представляется разрешимым только в смысле взаимной обусловленности модели и компонентов: без компонентов нет и моделей, а предикативное сочетание компонентов происходит в рамках одной из предназначенных для этого моделей.

3. Типологическое соотнесение моделей предполагает конвенциональное установление признаков, наличие (или отсутствие) которых характеризует основные, исходные, центральные модели, отличая их от моделей, представляющих грамматические, структурно-семантические, экспрессивные модификации или речевые реализации первичных моделей. За исходное условие анализа примем, что основные модели простого предложения характеризуются следующими признаками:

По способу отражения действительности они представляют собой сообщения о существовании, функционировании или других признаках предметов и явлений действительности, выраженные наиболее экономным языковым способом, путем первичной номинации компонентов.

С точки зрения грамматической характеристики основные модели выражают предикативную соотнесенность предметного и признакового компонентов в категориях модальности, времени и лица. При этом в плане времени за исходную форму условно принимается настоящее время при парадигматической соотнесенности с формами прошедшего и будущего; в плане лица – одна из трех форм представления личного субъекта и форма 3-го лица для неличного (неодушевленного) субъекта; в плане модальности основная модель выражает одно из противопоставленных значений: реальности/ирреальности (потенциальности) отношения предикативного признака к действительности (I модальный план); другие модальные значения, выражающие то или иное отношение говорящего к высказываемому (II модальный план), или отношения волюнтаривного характера между носителем признака и предикативным признаком (III модальный план), дают структурно-смысловое усложнение предложения, отодвигающее его по парадигматической оси модальности от центра.

Исходная модель отличается экспрессивной нейтральностью.

Задача типологии предложения – не только и не столько в номинации, обозначении типов, моделей предложения, сколько в том, чтобы на основе дифференциальных признаков соотнести их друг с другом, выявить сходства и различия в их структурно-смысловом устройстве, определить таким путем системное место каждой модели и получить в результате общую картину системной организации русского синтаксиса.

Всякая научная классификация – результат борьбы противодействующих стремлений: стремления к максимальной полноте и детализации фактов и стремления к ограничению и обобщению. Первое стремление побеждает в классификациях экстенсивного типа, второе – в классификациях интенсивного типа.

Выбор классификационных подходов и решений должен быть целенаправленным. По-видимому, нельзя поддаваться желанию быть «просто объективным». «Просто объективная» информация об объекте похожа на разомкнутый кулак, описываемые таким образом признаки растекаются в разные стороны. Целеустремленная интенсивная классификация похожа на сомкнутый кулак, и это не означает какого-либо насилия над фактами, а предполагает взаимодействие выявленных признаков, дающее новую информацию об объекте. Организующим началом для такой классификации должно быть понимание того, какого рода информации мы ожидаем от нее¹.

¹ Своевременно прозвучал в теперешней синтаксической ситуации вопрос И. П. Распопова: с каких позиций и ради каких целей следует подходить к раскрытию или организации смысла предложения? (ВЯ, 1981, № 4. С. 24).

Любая классификация, исходящая из объективных признаков изучаемого предмета, включает в себе ответы даже на не сформулированные и не запрограммированные вопросы.

Представив классификацию структурных схем предложения по принципу множественности признаков (по числу компонентов, по спрягаемости–неспрягаемости глагольной формы, по наличию–отсутствию подлежащего и сказуемого, по наличию–отсутствию координации между ними, по наличию–отсутствию лексически ограниченных компонентов, по морфологической принадлежности главного члена (почему-то только для однокомпонентных), Грамматика-80 по существу дала отрицательные ответы на вопросы: 1) о возможности единого критерия классификации, 2) о семантической значимости формальных различий и 3) о грамматической значимости признаков, принятых в качестве оппозиционных. Закрепление представления об отсутствии единого принципа классификации русских предложений, о правомерности разного подхода к разным типам предложений влечет за собой необходимость теоретически осмыслить основы сходств и различий между теми и другими типами. Так, разделение предложений на подлежащно-сказуемостные и иные ставит ряд вопросов: какие синтаксические и семантические последствия вытекают из этой оппозиции? Чем отличается характер отношений между главными компонентами тех и других? Служит ли предикат сказуемым в не подлежащно-сказуемостных предложениях? Если не-подлежащее квалифицируется как субъект – носитель предикативного признака, и вместе с тем как распространитель, детерминант, значит ли это, что предикативные отношения могут возникать между распространителем (в иной терминологии – второстепенным членом предложения) и предикатом? Всякий ли распространитель может вступать с предикатом в предикативные отношения?

Представляется, что следствием такого подхода может быть усложнение без надобности типологии простого предложения и квалификации его компонентов.

Такое же неоправданное, как представляется, усложнение синтаксического анализа можно наблюдать сейчас во многих работах по синтаксису. Выделяют четыре основных аспекта предложения: структурный, коммуникативный, семантический и логический. Система анализа расслаивается, но взаимосвязи между слоями, «уровнями» или аспектами не прослеживаются. Вот пример типичного рассуждения в одной из синтаксических диссертаций последнего времени: «Систематизация предложения на основе структурных схем является очень существенным дополнением к основной классификации, проводимой с учетом различия в грам-

матической форме... Систематизация на основе структурных схем является второй (конечной) ступенью структурно-синтаксической систематизации простых предложений... Описание структурных схем является неполным без опоры на семантические структуры предложений. При рассмотрении семантической структуры предложения в качестве первой ступени нами используется анализ синтаксической структуры предложения. После этого исследуется наполнение компонентов синтаксической структуры»...¹ и т. д. Среди этих разнообразных ступеней, не выстраивающихся в однонаправленную лестницу, теряется единство структуры предложения.

4. Чтобы общая картина моделей предложения отражала их существенные системные черты, классификация должна учитывать следующие характеристики предложения:

- 1) соотносительность предложения с планом мышления и с планом действительности;
- 2) семантико-грамматические свойства его главных компонентов;
- 3) признаки, определяющие место модели в отношении к центру и периферии системы.

Итог всему сказанному может быть представлен графически (см. табл.). Примем, что таблица верхней частью обращена к плану мышления, правой стороной – к плану действительности. План мышления представлен сопряжением в рече-мыслительном акте субъектного и предикатного компонентов, организующих предикативный минимум предложения. Конкретно-языковые формы выражения субъектного и предикатного компонентов разделены по релевантным семантико-грамматическим признакам. Сопряжение этих компонентов, взаимообусловленное и избирательное с обеих сторон, дает своим результатом типовое значение, референтно соотносительное с тем или иным типом отношений внеязыковой действительности. Предложения, расположившиеся в клетках по диагонали, в точках скрещивания грамматической горизонтали с семантической вертикалью, представляют центральные модели предложений русского синтаксиса. От прочих моделей их отличает единство синтаксического, морфологического и семантического в их структуре. Это означает, иными словами, что:

каждый из двух предикативно сопряженных компонентов, предметный и признаковый, выражен изосемическим способом, т. е. соответствующей частью речи в ее основном категориальном значении;

¹ Калинин, А. Ф. Основные аспекты структурного типа обобщенно-личных предложений: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ф. Калинин. М., 1979. С. 15–16.

Таблица

Основные семантико-грамматические модели предложений

Субъект		Предикат					Типовое значение
Личный	Предметный	Глагольный	Наречный	Адъективный	Именной	Квантитативный	
Брат У брата	Станок	работает			за работой на репетиции репетиция		Действие субъекта
Брат Брату Брата У брата С братом	Станок Сирень За окном	спит нездоровится лихорадит простаивает цветет темнеет	навеселе весело темно	весел	в тревоге кашель обморок на ремонте в цвету темнота		Состояние субъекта
Брат У брата Брату	Письмо Вода В комнате	ленится	поблизости	ленив(ый) иронично колодезная	с бородой борода год не без иронии от отца из колодца камин		Свойство субъекта
Брат	Волк Байкал				учитель хищник озеро		Квалификация субъекта
Братьев	Волки Волков Мест Воды		наперечет	редки	дюжина с десятков десятки по колено	четверо много триста	Квантификация субъекта

семантико-синтаксическая роль каждого из компонентов соответствует роли денотата в обобщенном моделью фрагменте действительности; предложения не имеют дополнительных смысловых приращений из ряда регулярных грамматико-семантических, модально-экспрессивных и коммуникативных нагрузок.

Центральное место в русском синтаксисе тех моделей, которые манифестированы примерами в клетках по диагонали, подтверждается тем, что все прочие предложения – и поместившиеся в других клетках таблицы, и не представленные в таблице – занимают свои системные места по отношению к основным, центральным типам предложений на основе отсутствия одного из трех названных признаков или наличия иных признаков, которые могут быть детерминированы. Так, например, предложения *Брат за работой; Брат ленится; Волки наперечет* представляют модели, не принадлежащие к центральным по признаку несоответствия между морфологическим способом выражения предиката и его семантикой, поскольку значения действия, признака, количества имеют собственные, изосемические средства выражения (глагол, прилагательное, числительное), а здесь выражены косвенным, неизосемическим способом.

Сам принцип диагонали, как кажется, снимает остроту дилеммы «от формы к значению» или «от значения к форме», предоставляя выбор одного из двух путей методическим задачам обучения либо конкретным целям того или иного исследования¹.

По отношению к основным, центральным моделям модели с несобственным способом выражения предиката в пределах одного типового значения, по горизонтали, составляют вариативный, синонимический ряд, возглавляемый основной моделью как инвариантной, или доминантной. Таблица, как и всякая схема, представляет суть дела в обобщенном, а следовательно, и упрощенном виде, в языковой действительности координаты и типового значения и грамматических характеристик устроены сложнее, по иерархическому принципу: каждая рубрика обобщает подтипы или разновидности и каждого из значений и – соответственно – способы их выражения. Так, например, в рубрике «Действие субъекта» могут быть выделены такие разновидности действия, как конкретное физическое действие (субъекта), переходящее на предмет, движение субъекта (предмета) в пространстве, познавательно-коммуника-

¹ Весьма своевременным представляется напоминание В. Н. Ярцевой суждения Г. Суита, который в конце XIX в. писал о том, что при наличии двух возможных путей рассмотрения языка «язык и грамматика имеют дело с формой и содержанием не по отдельности, а со взаимоотношениями между ними, именно это является подлинным феноменом языка» (ВЯ, 1976, № 2. С. 10).

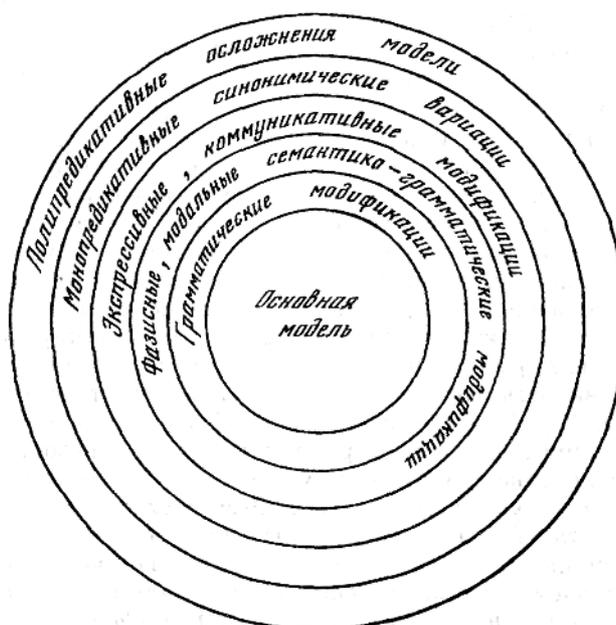
тивные действия субъекта и некот. др. Дифференциальным признаком послужит прежде всего различный набор обязательных и возможных элементов, распространяющих и конкретизирующих глагольные предикаты: наименований предметов в соответствующих падежных и предложно-падежных формах как объекта и орудия конкретного действия, как ориентиров движения, как делиберата и адресата мысли-речи и т. п. Подразделениями рубрики «Состояние субъекта» будут состояние физическое, психологическое, положение предмета в пространстве. В рубрике «Признак предмета» разновидности составят физические и духовные качества субъекта, характеристики предмета по материалу, по форме, по величине, по источнику или происхождению, по назначению и т. д.

Очевидно, что условием формирования предложений каждой разновидности является комплексное участие морфологических, синтаксических и семантических средств: подразделению типовых значений соответствует подразделение основных частей речи на семантико-грамматические подклассы, в пределах которых за каждым значением закреплены определенные синтаксические формы слов; чем детализированнее значение, тем уже круг форм, призванных выражать его. При этом закреплённость и ограниченность форм выражения возрастает от центра системы к периферии: если в основной модели разновидности значений дифференцируются главным образом с помощью лексико-семантических средств (*Он невысок; Он талантлив; Туесок берестяной; Дом трехэтажный; Вода родниковая; Бутылка молочная*), то в синонимическом ряду усиливается роль грамматических ограничений и служебных элементов оформления (ср.: *Он невысокого роста; Он не без таланта; Туесок из бересты; Вода из родника; Дом в три этажа; Бутылка из-под молока*).

Рубрикация разновидностей значения не растворяется в лексической субъективной бесконечности именно потому, что лексико-семантические разряды в основных моделях, кроме синтагматических характеристик, особенно выразительных для подтипов глагольных моделей, опираются на парадигматические ряды синонимических моделей, ограничивающие дробление реальным набором синтаксических форм, закрепленных за данным значением.

Основные модели предложения по отношению к их регулярным семантико-грамматическим модификациям и осложнениям можно представить как центр сферической системы, окруженный концентрическими слоями, постепенно отступающими от центра в ближнюю и дальнюю периферию поля.

Синтаксическое поле предложения

Границы между слоями, обозначаемые окружностями, условны в том смысле, что в речевых предложениях встречаются одновременно грамматико-смысловые приращения, разделенные в схеме границами, но разделяют они явления разного характера, которые иллюстрируются следующими схематическими же примерами:

Грамматические модификации (по частным значениям категорий времени, модальности и лица): *Брат работал, Брат будет работать, Я работал бы... Ты работай* и т. д.

Семантико-грамматические модификации: модальные *Брат хочет работать, Брат должен работать, Брат старается работать...*, фазисные: *Брат начинает, продолжает, прекращает работать.*

Экспрессивно-коммуникативные модификации: *Как он работает! Ох, и работает же он!*, с интеррогацией и с негацией: *Разве брат работает? Неужели брат не работает?*

Монопредикативные синонимические вариации с неизосемическими компонентами: *Брат за работой, Брат на работе, Брат весь в работе; Брат выполняет работу, проводит работу, исполняет работу...* и т. д. К синонимическим вариантам относятся конверсивы, пассивные конструкции: *Работа проводится братом, выполнена братом.*

Коммуникативно-стилистические варианты той же модели дает синтаксически значимая неназванность субъекта: *Работаю, Работайте, Здесь работают, Не работаешь – не ешь.*

Среди синонимов той же основной модели занимают свое место инфинитивные и «безличные» предложения, осложненные модально-во-

люнтативным значением (независимости действия от воли его субъекта): *Работать! Брату еще работать, Брату не работается, Ему не хочется работать, Ему нужно работать, Пора работать* и т. д.

Как семантические варианты основной модели могут рассматриваться предложения с метафорическим или метонимическим замещением позиций субъекта или предиката: *Время работает на нас* и т. п.

5) Полипредикативные осложнения модели. Среди них различаются моносубъектные построения и полисубъектные. В моносубъектном предложении с одним и тем же именем субъекта сопрягаются одновременно два предикативных признака, глагольный и именной: *Брат работает учителем; В деревню брат вернулся учителем; Он вернулся веселым; Он вернулся в растерянности* и т. п. В качестве вторичного именного предиката функционируют признаковые синтаксемы, способные быть предикатами простых моделей, ср.: *Сваха – в смятенье. – В смятенье сваха к ней бежит* (Пушкин); *Избушка – без окон. – Избушка там на курьих ножках Стоит без окон, без дверей* (Пушкин); *Дед – с сумой. Дед бос. – Дед идет с сумой и бос* (Ин. Анненский).

С личными глаголами-предикатами соотносятся неспрягаемые формы глагола – инфинитив, причастие, деепричастие и девербатив. Они используются в системе предложения как способы вторичного, имплицитно-предикативного обозначения действия; таким образом, они могут быть рассматриваемы в качестве синтаксических дериватов глагола-предиката. Ср. предложение *Брат работает в деревне* и осложненные предложения с его дериватами: с номинализацией *Работа брата в деревне была непродолжительной*; с инфинитивизацией *Работать в деревне было его мечтой*; с адвербаллизацией *Работая в деревне, брат часто писал матери*; с атрибутизацией *Брат, работавший в деревне, часто писал матери*. Синтаксические дериваты глагола-предиката, или обороты, построенные на их основе, включаясь в предложение, реализуют предикативные категории времени, модальности, лица лишь частично и относительно глагола-предиката, на этом основании им приписывается признак полупредикативности. Предложение, включающее в свой состав полупредикативные компоненты, становится полипредикативным, или предикативно конденсированным.

Полипредикативность часто сопровождается полисубъектностью. В нашем «Очерке...» 1973 г. подробно рассмотрены полипредикативные и полисубъектные конструкции каузативного и авторизующего типа. Ср.: *Брат работает в деревне. – Отец советует брату поработать в деревне; Брат умеет работать. – Отец считает брата умеющим работать, Брата считают умеющим работать* и т. п.

Инфинитивные и номинативные дериваты глагольного предиката часто служат предизируемым компонентом в полипредикативных предложениях с оценивающим предикатом. Оценка – модальная, этическая, прагматическая – всегда предполагает новый субъектный план: *Работать в деревне полезно, достойное занятие; Работа брата перспективна, заслуживает высокой оценки* и т. д.

Такова в общих чертах картина синтаксического поля предложения, упорядочивающая и систематизирующая вокруг исходной модели множество ее вариантов и модификаций. Каждая из исходных моделей со своим окружением может быть представлена в виде такого поля. Понятно, что совокупность основных моделей составит центр, ядро синтаксической системы, а все их регулярные модификации и вариации, соответственно размещенные, ее периферийные слои. Предлагаемый способ классификации моделей предложения включает в себе утвердительный ответ на вопрос о возможности построения единой грамматико-семантической типологии предложения и выявляет структурно-смысловые признаки, по которым сопоставляются и противопоставляются предложения.

5. В заключение отметим еще одно существенное противопоставление, до сих пор не учитывавшееся в систематике предложений. Нет сомнения, что в синтаксической иерархии к разным рангам принадлежат классы предложений, различающиеся с точки зрения характера отображения явлений действительности, связи его с разными видами мыслительного процесса:

Предложения, вербализованно отображающие явления, факты, свойства и связи денотатов, наблюдаемых в действительности.

Предложения, содержащие вербализованный результат мыслительной операции над сигнификатом: установление причинно-следственных связей между явлениями, сопоставление, логическая квалификация и оценка ситуаций и явлений.

В языковом выражении эти классы предложений различаются прежде всего составом главных компонентов¹. От предложений первого ранга, элементарных, предложения второго ранга, усложненные, отличаются тем, что позицию предизируемого могут занимать в нем компоненты де-

¹ Ср. выдвинутую А. И. Островской гипотезу о гетерогенной уровневой системе речевых средств, предназначенных для выражения познавательной деятельности сознания: формы мышления эмпирического и теоретического уровней познания действительности имеют разное языковое выражение (*Островская, А. И. Сверхфразовые единства, выражающие доказательство и умозаключение, в научной и общественно-политической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. И. Островская. Л., 1981. С. 7*).

ривационного, препозитивного значения (девербатив и деадъектив, инфинитив), имена предметные в этой позиции выступают не в конкретно-денотативном, а в понятийном, сигнификативном значении.

Ряд моделей предложения служит специально выражению мыслительных операций: инфинитивно-оценочные, каузативные и авторизирующие построения; адъективно-компаративные (*Хрен редьки не слаще*), адъективные и глагольные, сообщающие об отношениях соответствия, иерархии (*Форма соответствует содержанию; Отрезок СД равен отрезку ДЕ*); именные, содержащие эмоциональную или логическую оценку отношения между предметами (*Шинель ему не по росту; Программа мне по вкусу*); модели, оценивающие ситуацию (*С планом порядок; С алгеброй неудача*); модели, оценивающие количество (*Мест не хватает; Времени мало; Хлеба достаточно*).

Вопрос о разграничении названных двух классов предложений ставится здесь в самом общем и предварительном виде, но он безусловно нуждается в пристальном исследовании.

Идея иерархической организации системы простого предложения в последнее время все больше привлекает внимание синтаксистов. В. А. Белошапкина и Т. В. Шмелева, исходя из аналогии со словообразовательной парадигмой слова, рассматривают регулярные реализации и модификации как его деривационную парадигму¹.

Обсуждение критерия отграничения исходной модели от ее модификаций как диктума (пропозиции) от модуса дает основания авторам сократить список минимальных образцов предложения. Однако оптимизм авторов в отношении этого списка («поиск основных образцов.., видимо, можно считать завершенным») кажется преждевременным. В поиске этом недостаточно учтены возможности, связанные с разграничением видов модальных значений (общепредикативного и частных) и с разграничением субъектных планов предложения.

Признав инфинитивные предложения дериватами, авторы ставят в один ряд такие предложения, как (1) *Ему хочется гулять*; (2) *Ему гулять нельзя*; (3) *Ему гулять полезно*. Авторами статьи не замечена существенная разница между ними, состоящая в том, что в (1) выражено модальное отношение субъекта к своему потенциальному действию, а в (2) и (3) – модально-волеизъявительное или прагматически-оценочное отношение к действию со стороны другого субъекта. Новый субъектный план создает

¹ Белошапкина, В. А. Деривационная парадигма предложения / В. А. Белошапкина, Т. Викт. Шмелева // Вестник МГУ, сер. 9. Филология, 1981. № 2. С. 43–51.

полипредикативное усложнение предложения, не сводимое к модификации (деривации) модели *Он гуляет*. Авторизация также не сводима к деривату, это субъектно-предикатное усложнение модели. Таким образом, идея иерархической организации требует разграничения модификаций (дериваций) предложения и полипредикативных его усложнений, иными словами – разграничения видов смысловых приращений по их роли в организации предложения. Отсюда вытекает необходимость вывести из списка минимальных образцов предложения, содержащие оценочный или логически-квалифицирующий предикативный компонент (*Замечание кстати/не к месту; Спорт – это здоровье; Так рассуждать – эгоизм; Опоздать – значит подвести его; Было бы ошибкой думать так*). Из сказанного ранее очевидна неубедительность отнесения к одной модели предложений *Замечание кстати* и *Он не в духе; Тишина* и *У него неприятности* и под.

Вызывает сожаление, что для разных попыток усовершенствования списка структурных схем предложения оказывается непреступным принцип приблизительного и условного морфологизма, положенный в основу этого списка. Так же и в другой работе¹, предлагающей, напротив, пополненный список из 46 структурных схем, под одну схему подводятся разные типы предложений, с компонентами различной грамматической и семантической природы: *Небо голубое – Курить вредно; Птицы улетели – Курить запрещается; Он ранен – Курить запрещено* и т. п. Схема с мифической формой N₂... представлена предложениями *Она в отчаянии; Чай с сахаром; Увиливать – это не для меня*. Здесь тоже не разграничены предложения элементарные, сообщающие о фактах, и предложения полипредикативные, сообщающие о логических связях между фактами, об оценке этих фактов.

Дело, следовательно, не только в том, что вызывает несогласия и может быть скорректирован список структурных схем, или минимальных образцов, предложения. Дело в некоторых принципах осмысления этого понятия, его роли как звена системы, в непреодоленных пока трудностях построения системы. Следует ожидать, что накопление наблюдений над грамматико-семантическим соотношением разных моделей позволит со временем придать этой системе больше точности и стройности.

¹ См.: Кокорина, С. И. Еще раз о структурной схеме простого предложения / С. И. Кокорина // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980. С. 217–234.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЗЕРВЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

СМЫСЛОВЫЕ ТАЙНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В конечном счете ядро представляет собой своего рода кирпичик, идущий на постройку структуры предложения, или, если угодно, клетку, лежащую в основе живого организма предложения.

Л. Теньер

Функциональные резервы предложения связаны с его устройством. Делая шаг от языка к речепроизводству, мы прежде всего учитываем предназначенность предложения. Так, существует такая конструкция, с помощью которой можно отразить свойства, качества, признаки предмета речи. Это двусоставное предложение с именным сказуемым, выраженным прилагательным: «*Вода холодная*». Однако речепроизводство «оживляет» не только внутренние резервы предложения, но и существенно расширяет палитру его возможностей. Проанализируем две речевые ситуации:

А. Урок физики. Изучая тепловые явления, ученики проводят опыт – превращают воду в лед. Объясняя условия эксперимента, учитель говорит: «*Вода холодная*». В этой речевой ситуации предложение реализует свою языковую предназначенность, помогая сообщить о свойствах предмета речи: «Вода имеет достаточно низкую температуру для того, чтобы ее можно было превратить в лед».

Б. Экскурсия в горы. Вспотев от трудного перехода, ребята остановились возле горного ручья. Они радостно бросились к воде, но учитель сказал: «*Вода холодная!*» В этой речевой ситуации предложение использовано как «запрещающая» конструкция, имеющая иное назначение: «Не пейте холодную воду, а то простудитесь».

Взглянув на предложение извне, от речевой ситуации или текста, можно определить не только его место в системе языка, но и роль в речепроизводстве, построении речевых произведений, передаче информации. Но начинать нужно все-таки с языковой предназначенности предложения, ибо его устройство в известных границах определяет способность отражать реальный мир. Чтобы проникнуть в «смысловые тайны» предложения, нужно опереться на его строение.

Каждое предложение имеет свою форму. Но все неисчислимое множество реально существующих предложений сводится к обозримому списку типовых образцов. Существует огромный отечественный опыт классификации простых предложений, он отразился и в школьной син-

таксической традиции. Строение грамматической основы – одно из оснований классификации простых предложений. По составу и форме главных членов предложения делятся на двусоставные и односоставные. Их анализ стал привычным фактом синтаксической работы в школе, поэтому сразу обратимся к обобщающей схеме:

Эта схема усложнится, если мы учтем морфологическое выражение главных членов. Представьте, каким будет список двусоставных предложений, если детализировать все способы выражения подлежащего и грамматические типы сказуемого. У каждого односоставного предложения – свои хорошо известные нам формы выражения главного члена. Если все это обобщить, то мы получим очень значительный набор синтаксических конструкций, различающихся строением грамматической основы.

Зачем многовековая история развития нашего языка так тщательно шлифовала и разнообразила его синтаксический строй? Ведь не только для того, чтобы мы нашли самую удобную классификацию предложений! Она нам нужна, спору нет, но только как рабочий инструмент для того, чтобы понять самое главное: язык – это средство познания и отражения мира.

Мы уже убедились в том, что предложение, выполняя номинативную функцию, отражает окружающий мир. Значит, у предложения есть еще какое-то устройство, связанное с его отражательной способностью. Это смысловая форма. Она действительно есть у каждого предложения. Например: *Я принесла книгу*. В предложении отражено реальное событие: названо лицо и его действие. Это и есть смысловая форма, которую мы называем типовым значением. Почему типовым? Потому что такую же ситуацию отражает множество других реально существующих предложений: *Папа привез дрова; Благ притащил охапку цветов* и т. д. Для обозначения этой ситуации использовано двусоставное распространен-

ное предложение. Оно словно бы предназначено для того, чтобы через соответствующие синтаксические позиции назвать все элементы этого события: «героя», его «действие», «объект», на который направлено действие.

Не менее важную роль играет лексическое наполнение предложения. Подлежащее выражено существительным (местоимением) со значением лица (я, *папа*, *брат*), а сказуемое – глаголом конкретного действия (принесло, *привез*, *притащил*). Посмотрите, что произойдет, если лексическое наполнение окажется иным. Сравните: *Брат приносит цветы*. – *Подсказка приносит вред*. Во втором предложении нет существительного-лица и нет глагола конкретного действия. В результате резко меняется смысловая форма. В предложении *Подсказка приносит вред* назван предмет речи и его свойство. Эту же смысловую форму можно передать, используя синонимические конструкции: *Подсказка вредна*; *Подсказка вредит*; *Подсказка – это вред*; *От подсказки только вред*; *Подсказывать вредно*. Вот мы и подошли к очень важному практическому последствию, которое вытекает из анализа смысловой формы, – синонимике предложений.

Синонимика оказывается своеобразным мостиком, переброшенным от языковой системы к речепроизводству. Мы прекрасно овладели сложнейшей классификацией простых предложений, мы научились и научили различать двусоставные и односоставные предложения, видеть устроенность их различных типов и разновидностей, мы выполнили самую трудоемкую работу – но нужно сделать еще один шаг. Нужно понять функциональную предназначенность этой разветвленной системы предложений. Понять и овладеть в целях речепроизводства. К такому выводу мы уже приблизились, анализируя синтаксический ключ различных текстов. Тогда мы уловили удивительную закономерность: выбор синтаксических конструкций не был случайным; самые разные типы предложений (и не только синтаксические синонимы!) объединялись в единую синтаксическую доминанту изобразительных средств. Но чтобы эту закономерность не просто уловить, а и осмыслить, необходимо обратиться к смысловой форме предложения. Иного пути к тексту нет.

Итак, смысловая форма предложения оказывается такой же реальностью, как и его синтаксическая форма. Попробуем проникнуть в «смысловые тайны» предложения и определить, что оно способно обозначить.

Сообщение о действии предмета или лица

Обратимся к тексту:

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня. Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачужав перед собой добычу. Я

глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пушком на голове. Он выпал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи). Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой, и, весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул два раза в направлении зубастой, раскрытой пасти. Он кинулся спасать, он заслонил собою свое детище. Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу. Я поспешил отозвать смущенного пса и удалился, благоговей (И. Тургенев.)

На первый взгляд трудно заподозрить этот текст в однотипности смысловой формы предложений: он ярок, художествен, динамичен. Но тем не менее это так. Действия героев – его абсолютная синтаксическая доминанта. Правда, эти действия очень разнообразны. Герои движутся, действуют, мыслят, говорят. Вы легко убедитесь в этом, если проанализируете глагольную лексику. Для того чтобы отразить сменяющие друг друга картины, использованы глаголы движения (*возвращался, шел, бежала, начала красться, выпал, приближалась, сорвавшись, упал, прыгнул, остановился, попятился, удалился*), которые передают и сам процесс перемещения в пространстве, и его результат; обозначены конкретные действия героев (*качал, кинулся спасать, заслонил*), их ментальные действия и действия, связанные с восприятием событий (*глянул, увидел, зачуяв, признал, поспешил отозвать*).

Двусоставные предложения с глагольным сказуемым – это не единственная синтаксическая конструкция, которая предназначена для обозначения действия предмета речи. Эту же функцию выполняют односоставные личные предложения – определенно-личные и неопределенно-личные. Смысловая особенность односоставных личных предложений заключается в том, что они обозначают проявления только человеческой деятельности – лица. В этом их существенное отличие от двусоставных предложений, где может действовать не-лицо (*Ветер сильно качал березы*), и от безличных предложений, выражающих действие стихийных сил (*Ветром сильно качало березы*).

В определенно-личных предложениях обозначено действие непосредственных участников ситуации – говорящего или его собеседника, поэтому сказуемое выражается формой 1-го, 2-го лица настоящего или будущего времени, а также формой повелительного наклонения.

Определенно-личные предложения – одна из самых ярких «я»-конструкций. Они уместны именно там, где автор оказывается непосредственным участником событий, действующим лицом. В таких текстах говорящее и действующее лицо совпадают. Эти конструкции очень близки личным двусоставным предложениям. Один и тот же событийный фрагмент часто можно отразить, используя и ту и другую модель

предложения. Нет никакой необходимости их жестко противопоставлять хотя бы потому, что стоит автору-герою перейти в план прошлого, ему вообще не избежать двусоставных предложений (полных или неполных). Это означает, что функциональные возможности двусоставных и односоставных определенно-личных предложений взаимодополняются. В речепроизводстве чаще всего нет привычного нам системного противопоставления этих предложений, а есть отношения пересечения, взаимодополнения и взаимообогащения. Проанализируйте переплетение «я»-конструкций в следующем тексте:

Иду я по улице и вдруг думаю: «Стоп! Что же это я делаю? Рез мне хочется играть в футбол, то не нужно. Разве так воспитывают сильную волю?» Я тут же хотел повернуть назад, но подумал: «Пойду и посмотрю, как ребята играют, а сам играть не буду». Пришел, смотрю, а там игра в самом разгаре. Тут я и сам не заметил, как ввязался в игру. Домой я вернулся поздно и думаю: «Эх, безвольный я человек! С утра так хорошо начал, а потом из-за этого футбола все испортил». (Н. Носов.)

Перед нами ярко выраженный «я»-текст, в котором рассказчик является и главным действующим лицом. Синтаксическую доминанту формируют разнообразные по устроенности конструкции, способные указать на «я»-лицо. Среди них двусоставные полные предложения (*Иду я по улице и вдруг думаю; Что же это я «делаю?»; Я тут же хотел повернуть назад, но подумал; Сам играть не буду; Тут я и сам не заметил; Домой я вернулся поздно*), двусоставные неполные конструкции с пропущенным подлежащим (*Пришел;... ввязался в игру; С утра так хорошо начал, а потом из-за этого футбола все испортил*), односоставные определенно-личные предложения (*Пойду и посмотрю; Смотрю*). Композиционно-стилистическая корректировка, выразительность, текстовая нагруженность – вот те критерии, которые объясняют выбор перечисленных конструкций (дело читателя судить об оправданности этого выбора). Их взаимодополняемость основывается на единстве смысловой формы – отражении действия конкретного, определенного лица. Указание на лицо может осуществляться с помощью подлежащего (двусоставное полное предложение), опираться на предшествующий контекст или ситуацию (двусоставное неполное предложение) или содержаться в соответствующих формах глагола-сказуемого (односоставное определенно-личное предложение).

Действующее лицо может быть не только конкретным, но и неопределенным. Эта смысловая форма имеет свое грамматическое выражение: неопределенность лица/лиц создается формой множественного числа глагола-сказуемого: *Вот там его узнали, махнули платком. Его ждут, может быть, давно.* (И. Гончаров.) В неопределенно-личных предложе-

ниях внимание говорящего переключается на само действие, а исполнитель остается «в тени». Это одна из самых удивительных конструкций! Формально устраняя действующее лицо, говорящий сообщает массу сведений о нем. Так, возможные участники событий «подсказываются» обстоятельствами места: *Хорошо в деревнях хлеб пекут.* (М. Горький.); *Через месяц Журавушку выписали из больницы.* (М. Алексеев.). Часто действующие лица не столько не определены, сколько намеренно не названы. Такими ли уже неизвестными оказываются герои следующих ситуаций? Они «подсказаны» нам самим характером действия: *Гулять на улице меня не пускали.* (М. Горький.); *Нас безусловно оштрафуют.* (В. Панова.) В неопределенно-личном предложении можно даже назвать действие, которое выполняется самим говорящим: *Разговорчики! Делайте, как велят.* (Б. Васильев.)

Намеренное устранение известного лица часто используется как изобразительное средство. Обратимся к тексту:

Мне подарили книги. Я так обрадовался им, что чуть не со слезами бросился домой и, не помня себя, очутился в детской комнате, лег в свою кровать, закрылся пологом – и позабыл все окружающее. Мать рассказывала мне потом, что я был как помешанный: ничего не говорил, не понимал, что мне говорят, и не хотел идти обедать. Должны были отнять книжки, несмотря на горькие мои слезы. Угроза, что книжки отнимут совсем, заставила меня удержаться от слез. В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир. (С. Аксаков.)

Это рассказ от 1-го лица. Лексико-синтаксическая доминанта текста формируется ключевыми словами «я» – «книжки» и соответствующими авторскому замыслу «я»-конструкциями. Посмотрите, как, варьируясь, ключевые элементы пронизывают текст: *я, мне, у меня, не помня себя, мои слезы, в моем уме; книжки, новый мир.* Это естественно, потому что ребенок впервые оказался один на один с книгой. Потрясение было так велико, что весь мир перестал существовать. Близкие, любимые, родные люди были рядом: это они подарили книги, они пытались заговорить, они вынуждены были пойти на крайние меры. Но на какой-то момент все они ушли на второй план. Для того чтобы отразить эту ситуацию и не нарушить лексико-синтаксическую доминанту «я»-текста включением новых действующих лиц, автор использует неопределенно-личные конструкции. Намеренное устранение вполне определенных лиц оказывается не только функционально оправданным, но и включается в систему изобразительных языковых средств, организуя второй, «теневого», план повествования.

Устранение лица можно использовать и для того, чтобы отразить коллективную деятельность людей. Эти конструкции максимально приближаются к предложениям с обобщенным значением:

«Та Матера и не та... Посадили огороды, да не все: три семьи снялись еще с осени. Как всегда посеяли хлеба – да не на всех полях: за рекой пашню не трогали. И картошку, морковку в огородах тыкали нынче не в одни сроки, а как пришлось». (В. Распутин.) Хотя вводящая конструкция (*Та Матера и не та*) «подсказывает» круг действующих лиц, но назначение выделенной синтаксической доминанты текста шире. Автору важно отразить веками устоявшийся коллективный опыт хозяйствования на земле, безжалостно разрушенный в умирающей Матере.

Итак, отражая «действие предмета или лица», мы опираемся на глагольные конструкции: «Движение и его выражение – глагол – являются основой языка. Найти верный глагол для фразы – это значит дать движение фразе». (А. Толстой.); «Он придает фразе жизнь. Глагол присутствием своим животворит отдельные слова». (Н. Греч.) Но для чего в языке реально существует несколько типов глагольных предложений – двусоставные, определенно-личные, неопределенно-личные? Ведь односоставные личные предложения охватывают не все проявления анализируемой ситуации, а только те из них, которые связаны с человеческой деятельностью? Видимо, для того, чтобы, обозначая действие, мы были свободны при отражении лица. Значит, наш мудрый и живой язык отшлифовал такой инструмент, с помощью которого можно отразить тончайшие характеристики главного действующего лица мира – человека.

Сообщение о признаке предмета или лица

Отражая окружающий мир, мы характеризуем его – называем признаки и качества предметов, сообщаем об отношениях между ними. «Приписывая» предметам те или иные свойства (каков предмет?), мы используем разные типы предложений. Но начинать их анализ следует, видимо, с той синтаксической конструкции, которая является ведущей в этом ряду. Это двусоставное предложение с именным сказуемым, выраженным прилагательным:

Обширна и многообразна родившая нас земля. Неиссякаемы и полноводны реки, пересекающие ее пространства. Обширны, зелены леса, высоки горы, блестящие вечными ледниками. Широки знойные степи, непроходима глухая сибирская тайга. (И. Соколов-Микитов.)

Конструкция прозрачна, симметрична и всем своим устройством предназначена для того, чтобы «приписать» предикативный признак предмету речи. Главные члены строго соотносятся с элементами ситуации: подлежащее называет предмет речи, сказуемое обозначает его предикативный признак.

Определив ведущую конструкцию, можно двигаться дальше и попытаться хотя бы прикоснуться к поразительному многообразию предло-

жений-признаков. Почему язык неистощим в средствах отражения этого значения? Причина в том, что, во-первых, многообразны объективные свойства предметов, а во-вторых, «приписывая» признак предмету, мы преломляем его сквозь призму авторского «я». Результатом этого и является разнообразие средств выражения.

Можно характеризовать предмет речи по его внешним признакам, назначению, происхождению, местоположению и т. д.: *Ножки маслят со следами острых беличьих зубов; Платье – в клетку; Пирог – с яблоками; Шкатулка – из серебра; Температура – под сорок; Театр – для детей; Я был третьим по списку; Туфли – в пору.*

Можно отразить свойство предмета через его отношение с другими предметами: *Солнце ярче Луны; Брат старше сестры; В этом наряде она похожа на старуху.*

Можно оценить предмет речи, и это тоже его характеристика: *Городничий – плут высшего разряда; У тебя характер – ой-ой-ой!*

Как неистощимы мир и человеческая фантазия в своих свойствах, так неистощим и язык в способах их отражения.

Есть еще одна сторона поразительного разнообразия предложений-признаков. Пока мы обращались только к предложениям, в которых предмет речи строго соотносился с подлежащим. Но так бывает не всегда. Смысловая форма предложения и его синтаксическая форма могут не совпадать. Предвижу, что рассерженный читатель уже воскликнул: «Что-то мы усложняем!» Давайте обратимся к высшему судье – тексту, к книге Ю. Олеси «Три толстяка», без которой и детство – не детство, и ребенок – не ребенок:

– Вам нужно переменить внешность, – сказал доктор Гаспар в ту ночь, когда Тибул появился в его доме. – Вы великан. У вас огромная грудная клетка, широкие плечи, блестящие зубы, курчавые жесткие волосы. Если бы не белый цвет кожи, вы походили бы на североамериканского негра. Вот и отлично! Я вам помогу стать черным.

Итак, Тибул скрывается от Трех Толстяков, ему помогает доктор Гаспар. Рассматривая внешность гимнаста, доктор решает превратить его в негра. Конструкции, образующие синтаксическую доминанту текста, разнообразны, хотя в каждой из них назван главный герой – Тибул и описаны особенности его внешности: *Вы великан; У вас огромная грудная клетка; Если бы..., вы походили бы на негра; Я вам помогу стать черным.* В единую синтаксическую доминанту текста включились конструкции, смысловая форма которых то совпадает, то не совпадает с синтаксической формой.

Не случайность ли это? Перевернем страницу книжки. Вот и девочка Суок, которую приняли за куклу наследника Тутти:

Теперь, в балаганчике, у куклы был совершенно иной вид. Сейчас она казалась серьезной и внимательной, но... вы бы сказали, что это шалунья, притворяющаяся скромницей. Теперь кукла была одета более чем скромно. Блуза с синим матросским воротничком, старенькие туфли, достаточно серые для того, чтобы не быть белыми. Не думайте, что от этого наряда кукла стала некрасивой. Напротив, он был ей к лицу.

Вы уже поняли, что выделены не грамматические основы предложения (подлежащее – сказуемое). Выделены те элементы предложения, которые образуют его смысловую форму: называют предмет речи (кукла) и передают особенности ее внешности. Анализируя смысловую форму, мы видим, что она не всегда совпадает с грамматическим центром предложения, но ведь именно этот факт и определяет разнообразие конструкций, с помощью которых можно описать свойства предмета речи. Совпадение смысловой и грамматической формы возможно: *Она казалась серьезной и внимательной; Это шалунья; Кукла стала некрасивой.* Но так же реально и их несоответствие: *У куклы был совершенно иной вид – Кукла выглядела по-иному; Ей был к лицу этот наряд – Она хорошо выглядела в этом наряде; притворяющаяся скромницей – Кукла притворяется скромницей.* Приведенные синонимические конструкции показывают, что несоответствие смысловой и грамматической формы можно устранить, но выиграет ли от этого текст и – шире – наши с вами возможности как рече-пользователей?

В синтаксическую доминанту этого фрагмента включаются даже назывные предложения: *Блуза...; Туфли...* . Они оказались в этом ряду потому, что связаны с образом-темой (девочкой-куклой) и служат средством ее характеристики.

Итак, мы располагаем целым арсеналом синтаксических средств для того, чтобы отразить свойства предмета речи. Но в этом многообразии есть нечто общее. Имя – вот без чего нам не обойтись, когда мы «приписываем» предмету признаки и качества. Характеризуя свойства предмета, мы опираемся на резервы имен (именную предикацию). В любом словаре имен больше, чем глаголов, несравненно больше. И возможности их безграничны. Имя способно назвать любой признак и качество, дать оценку и передать отношение. А гибкий наш синтаксис предоставляет имени самые главные предложенческие позиции, в которых оно превращается в средство характеристики.

Сообщение о состоянии человека или природы

Анализируя языковые средства, предназначенные для отражения этого значения, мы вновь убеждаемся в том, как тесно переплетаются лексика и грамматика. В число кусочков окружающего мира, которые

могут быть названы с помощью слова, включается состояние. Для его отражения существуют разнообразные классы и группы слов. Прежде всего это предикативные наречия, обозначающие состояние человека или природы: *стыдно, жалко, совестно, боязно, душно; пасмурно, прохладно* т. д.; безличные глаголы, обозначающие состояние природы или человека: *морозит, светает, смеркается, нездоровится, знобит*; личные глаголы, передающие состояние как процесс: *радуется, веселится, плачет, спит*; даже существительное способно назвать состояние человека: *стыд, радость, досада* и т. д.

Но для того чтобы обозначить состояние как ситуацию, нужна грамматика. Она «оживит» слово и передаст кусочек действительности как событие.

В войну, с самого ее начала, большие всего стали терзать нас, ребяташек, две беды – голод и холод. Обе сразу навалились, как подступила бесконечная наша сибирская зима со своими буранами и злыми морозами. Летом другое дело – можно и самому прокормиться и домой принести. Но зима! Будь она трижды проклята, эта зимушка-зима! И в избе нет покоя. Воеет и воеет над крышей, хлопает плахами. Все тепло, какое было с утра в избе, к вечеру высвистит. Или наладятся такие морозы, что в сенцах трескотня стоит и кажется – вот-вот еще маленько поддаст, и полопаются стекла в окнах. А в пригоне – корова. Вот горе-то! Сена в обрез, а зиме еще конца не видно. (В. Шукшин.)

Прозрачна лексическая доминанта текста, которая формируется «событийными» словами: *война, беда, голод, холод, горе, буран, мороз, зима, трескотня*. Для того чтобы «оживить» их, найден синтаксический ключ.

Ведущая конструкция – безличное предложение: *Воеет и воеет над крышами; Хлопает плахами; Вот-вот еще маленько поддаст; Все тепло к вечеру высвистит; Сена в обрез; Зиме конца не видно*. Обратите внимание: употреблены личные глаголы *воеет, хлопает, поддаст, высвистит*, но безличная конструкция преобразует эти действия в состояния. Использовано отрицательное безличное предложение: *И в избе покоя нет*. Оно передает состояние, вызванное отсутствием покоя, – беспокойство.

Есть и назывное предложение: *Вот горе-то!* Но это не та предметно-бытийная конструкция, которая помогла описать внешность девочки-куклы (*Блуза...; Туфли...*). Это предложение передает состояние героя и оценивает его.

Употреблены двусоставные предложения, и в большом количестве. Посмотрим, не разрушают ли они синтаксическую доминанту текста. Оказывается, нет. Их смысловая форма такова, что они тоже отражают состояние героя и окружающего его мира. Чтобы убедиться в этом, попытаемся с помощью синонимических конструкций снять несоответствие между смысловой формой и грамматической основой предложения:

В войну, с самого ее начала, больше всего стали терзать нас, ребяташек, две беды – голод и холод. Грамматическая основа этого предложения *стали терзать две беды – голод и холод* передает состояние героя. Сам герой тоже назван: *нас, ребяташек*. А вот и синтаксический синоним, в котором все расставлено на свои места: *В войну ребяташки бедствовали от голода и холода*. Конструкция симметрична: в ней есть подлежащее-герой и сказуемое-состояние. Но почему же автор использует исходную конструкцию? Потому что она вписывается в доминанту текста, в ней состояние на первом плане (*стали терзать две беды*), а герой – на втором (*ребяташек*).

Обратимся к остальным двусоставным предложениям, использованным в этом тексте: *Обе беды сразу навалились...*; *Наладились такие морозы...*; *В сенцах трескотня стоит*. Не кажется ли вам, что это тоже «квазидвусоставные» предложения? В них назван один элемент ситуации – состояние. В роли подлежащих использованы «событийные» существительные *беда, мороз, трескотня*; роль сказуемых однотипна – отразить динамику состояния, представить его как процесс.

Итак, чтобы событийно отразить состояние героя или мира, можно использовать различные синтаксические конструкции, но ключевой является безличное предложение. Их смысловая форма опирается на лексическое значение слов, называющих состояние лица или природы. Гибкость нашего синтаксиса позволяет по-разному «фокусировать» эту ситуацию, отодвигать героя на второй план или, наоборот, вводить его в главные предложенческие позиции, приращивать к ситуации добавочные оценочные значения. Тесное переплетение лексики с синтаксисом делает практически неразрывной лексико-синтаксическую доминанту текстов, отражающих анализируемую ситуацию.

Сообщение о свойстве предмета или лица

Есть еще одна очень важная смысловая форма предложения, отражающая наши логические суждения о мире. Познавая мир, осмысливая его, мы квалифицируем предметы, факты, явления. Для отражения этой ситуации предназначена специальная синтаксическая конструкция, предложение-тождество, модель «что есть что», «кто есть кто». Мы уже анализировали функциональную нагрузку этой конструкции. Помните: «Ошибка *городничего – натяжка и фарс*». Это логическое суждение может оказаться истинным и ложным, его можно доказать или опровергнуть (В. Белинский доказал его очень убедительно!), но безусловно одно: такие конструкции отражают результат анализирующей, квалифицирующей, обобщающей деятельности человеческого ума. Их роль трудно переоценить, когда речь идет о познании мира, о передаче коллективного

опыта и разума. Откройте любой школьный учебник (физики, математики, языка, биологии) – и вы убедитесь, что это самая концентрированная форма отражения знаний о мире.

Определив основные типы смысловой формы предложения, можно искать инструмент ее анализа. Он существует и активно используется в нашей повседневной синтаксической работе. Это смысловой вопрос. Правда, чаще всего мы пользуемся этим инструментом для того, чтобы обнаружить грамматическую основу в предложениях, где смысловая форма совпадает с синтаксическим устройством. В этом есть своя логика, потому что работу со смысловой формой нужно действительно начинать с прозрачных, симметричных конструкций.

Навык обнаружения грамматической основы традиционно формируется универсальными заданиями: *Найдите грамматическую основу / Найдите подлежащее / Найдите сказуемое*. А как это сделать? Ведь далеко не всякое учебное действие, которое кажется нам простым, является таковым для учащегося. Можно ли считать простым учебным действием обнаружение грамматической основы? Конечно, нет. Каждый учитель сталкивается с фактами необоснованного расширения или сужения границ основы, чаще – с фактами неправильного выделения сказуемого. Для того чтобы найти грамматическую основу, необходимо опереться на навык постановки смыслового вопроса к подлежащему и сказуемому, а в общем плане – на структурно-семантический подход к анализу предложения.

Структурно-семантический подход нередко понимается весьма отвлеченно, только как общее требование к тому, чтобы назвать формальные и смысловые признаки членов предложения. Между тем это инструмент анализа, и в синтаксической работе на первый план выступают то одни (формальные), то другие (смысловые) признаки. Возникает задача: учитывая этапность овладения навыком, подобрать «ключ» к каждому его шагу. И если в целом синтаксический анализ проводится с учетом обоих взаимосвязанных признаков – структурного и смыслового, то каждый его этап имеет свой «ключ».

При обнаружении грамматической основы ключевым является смысловой критерий. Для того чтобы выделить основу, нужно найти предмет речи и то, что о нем говорится. Смысловой вопрос – главное учебное действие, которое помогает поисковой деятельности учащегося и одновременно помогает проконтролировать ее.

Общим вопросом к подлежащему, которое называет предмет речи (мысли), является универсальный вопрос: о чем говорится в предложении? Значение подлежащего конкретизируется в вопросах: кто? что?

Общим вопросом к сказуемому, которое раскрывает содержание предмета речи (мысли), является универсальный вопрос: что говорится о подлежащем? Значение сказуемого конкретизируется в соответствии с его способностью обозначать действия, свойства, состояние предмета речи, его тождество-характеристику с другими предметами или понятиями. Это разнообразие значений сказуемого отражается в частных вопросах к нему: что делает предмет? каков предмет? что происходит? кто он такой / что он такое? (В лингвометодической литературе отмечается варьирование вопросов к сказуемому. Мы опираемся на систему смысловых вопросов, которая использована в школьных учебниках по русскому языку.)

1. Что делает предмет? В предложении сообщается о действии, которое выполняется предметом речи: *Первые капли дождя падают на дорогу.* (И. Соколов-Микитов.); *Буду петь я и горе и радость.* (И. Никитин.); *Ты хоть бы старый плащ накинул.* (А. Гайдар.); *Вдруг кто-то как закричит.* (С. Чарушин.); *Сверчок перестал скрипеть.* (К. Паустовский.); *Андерсен любил придумывать свои сказки в лесах.* (К. Паустовский.); *Выйду, сяду под рябину, буду слушать соловья.* (Н. Рыленков.); *Но другой день к завтраку подали очень вкусные пирожки.* (А. Чехов.); *Смотришь в воду, а видишь облака.* (Н. Сладков.)

2. Каков предмет? В предложении сказуемое раскрывает признак, качество предмета речи, его отношения с другими предметами: *Чист и прозрачен воздух.* (И. Соколов-Микитов.); *Небо было в тучах.* (В. Вересаев.); *Их изба была третья с краю.* (А. Чехов.); *При встречах с Федей я был настороже.* (К. Паустовский.); *Некоторые деревья были в два обхвата.* (Д. Мамин-Сибиряк.); *Ты для него дороже мира.* (А. Пушкин.)

3. Что происходит (что произошло)? В предложении сообщается о состоянии предмета речи (человека или природы). В безличных предложениях «герой» (носитель состояния) подразумевается или уходит на второй план: *К ночи похолодало.* (Г. Бакланов.); *Утром его укачало в дороге.* (К. Симонов.); *Как сердцу радостно, светло.* (Ф. Тютчев.); *Не спится, няня, здесь так душно.* (А. Пушкин.) Аналогичная ситуация в назывных предложениях: *Смятение, обморок, поспешность, гнев, испуг* (так Софья встретила Чацкого). (А. Грибоедов.) В двусоставных предложениях состояние передается как процесс либо как результат воздействия, которое предмет испытывает со стороны: *И снится чудный сон Татьяне.* (А. Пушкин.); *Вся комната янтарным блеском озарена.* (А. Пушкин.); *Здесьняя природа не тронут никем.* (К. Паустовский.)

4. Кто он такой (что он такое)? В предложении квалифицируется предмет речи: *Вся жизнь есть мысль и труд.* (И. Гончаров.); *Слово –*

одежда всех фактов, всех мыслей. (М. Горький.); *Браг давно хирург.* (В. Вересаев.)

В симметричных конструкциях существует определенная связь между смысловым вопросом и формой предложения. Если в предложении сообщается о действии предмета речи и эти отношения объективируются смысловым вопросом *что делает предмет?*, то можно прогнозировать употребление глагольного сказуемого (простого или составного сказуемого; в двусоставном или односоставном личном – определенно-личном и неопределенно-личном предложениях). Если сказуемое обозначает признак или качество предмета речи и отвечает на вопрос *каков предмет?*, то смело можно искать именное сказуемое в двусоставном предложении (полном или неполном). Помните, как в романе А. Фадеева Уля любит речной лилией: *«Нет, ты только посмотри, Валя, что это за чудо! Прелесть! Точно изваяние!»* Два последних предложения – двусоставные неполные конструкции с именным сказуемым, которые отвечают на вопрос: *каков предмет?*

Эта закономерность имеет важные практические последствия для обнаружения составных (многочленных) сказуемых: смысловой вопрос ставится к тому компоненту сказуемого, который выражает его основное лексическое значение. Для формирования навыка смыслового вопроса нужны задания, которые помогли бы связать смысловой вопрос с лексическим компонентом сказуемого. Важен не только самостоятельный поиск подлежащего и сказуемого, но и наблюдения над смысловой формой грамматической основы: *В выделенных составных сказуемых найдите тот компонент, с которым связан смысловой вопрос; Правильно ли поставлен смысловой вопрос к сказуемому и почему?; В выделенных грамматических основах поставьте вопрос к сказуемому и определите, что оно обозначает и как характеризует предмет речи; Докажите, что смысловой вопрос ставится к той части сказуемого, которая выражает его основное лексическое значение и т. д.*

ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА

Н. С. Валгина

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИСЕ

Синтаксис относится к такому ярусу языковой системы, который характеризуется сравнительно небольшой восприимчивостью к внешним влияниям и медленной изменяемостью. Однако нельзя сказать, что эти изменения целиком обязаны действию внутренних закономерностей и никак не связаны с социальными причинами. Изменения в синтаксисе как особом уровне языковой системы естественно отличаются своеобразием: с одной стороны, синтаксис как часть грамматики в высшей степени устойчив и стабилен, с другой стороны, в отличие, например, от морфологии, он более вариативен и подвижен; более того, многие семантические процессы, активно протекающие в таком подвижном звене языковой системы, как лексика, осуществляются именно благодаря синтаксису, так как функционируют лексические единицы в строе предложения и словосочетания. Своеобразно в синтаксисе и взаимодействие внешних и внутренних (системных) факторов развития языка. Взаимодействие это ощутимо. Отмечается, в частности, зависимость синтаксических изменений от таких социальных факторов, как развитие средств массовой информации (радио, телевидение, печать), расширение устных контактов. Естественно, что в лексике роль внешнего толчка сильнее, но и синтаксису она вовсе не чужда. Даже общий синтаксический облик речи, в частности, в письменном ее варианте, в наше время иной, чем, например, в XIX в. От непрерывности синтаксической цепочки (синтагматики), яркой выраженности подчинительных отношений (система флексий и служебных слов) мы пришли к актуализированным построениям с имплицитно представленными синтаксическими связями (без специальных сигналов этих связей), к расчлененности грамматических структур, предельной самостоятельности отдельных их компонентов.

Тенденция к аналитизму в современном русском языке затронула всю грамматику – от морфологии до синтаксиса. Более того, аналитизм, обнаруживаемый в сфере морфологии, на уровне форм слова, проявляется именно в синтаксисе. «Нет формы, – учил А. А. Потебня, – присутст-

вие и функции коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи ее с другими словами и формами в речи и языке»¹. Тенденция к аналитизму становится очевидной и возможной в строе предложения. Почему, например, оказываются излишними указания на падеж в самой словоформе, с помощью окончания? Потому что позиция словоформы в предложении и связи ее с другими словоформами определяют ее функцию, роль и значение. Следовательно, чисто морфологического аналитизма быть не может: он обнаруживает себя в синтаксисе. «В синтаксисе приводятся в движение все... силы слова...; тут получают живое отношение все формы языка, им себе прежде данные»². Грамматические значения появляются в результате разнообразного употребления, в употреблении они шлифуются (путь от речи к языку, системе). Значит, они познаются в синтаксисе, но не остаются в нем, а выходят на морфологическую «поверхность» языка. Шахматовская идея «категория грамматическая познается в синтаксисе» оказалась плодотворной, достаточно вспомнить историю формирования наречия как части речи. Она, идея, в частности, лежит в основе труда Мещанинова «Части речи и члены предложения».

Социальные факторы влияют на синтаксис путем активизации разговорных синтаксических конструкций. В то же время аналитизм как ведущая тенденция в современной грамматике относится к явлениям внутреннего характера, стимулируемым системными преобразованиями в грамматике. В современном синтаксисе эти две мощные тенденции оказались по своему действию однонаправленными.

Синтаксические построения становятся все более расчлененными, фрагментарными; формальные синтаксические связи – ослабленными, свободными, а это в свою очередь повышает роль контекста, внутри отдельных синтаксических единиц – роль порядка слов, акцентных выделений; повышение роли имплицитных выразителей связи приводит к словесной сжатости синтаксических единиц и, как следствие, к их смысловой емкости. Современный синтаксис, в отличие от классической своей формы, сложившейся к началу XX в., с преобладающими эксплицитными связями и отношениями, меняет свой общий ритмико-мелодический облик: резко сокращается длина предложений-высказываний; грамматические рамки предложения как основной синтаксической единицы нарушаются путем возможного отчленения компонентов этого предложения; свободные синтаксические связи типа примыкания, соположения активизируются, оттесняя формально выраженные подчини-

¹ Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4. С. 45.

² Аксаков, К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка / К. С. Аксаков // Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1875. С. 160.

тельные связи; все большее место занимают синтаксические построения, экспрессивность которых заложена в самой грамматической структуре, а не создается подбором соответствующих лексем.

Расчлененность и сегментированность синтаксических построений

Одной из тенденций в современном русском синтаксисе, достаточно четко определившейся, является расширение круга расчлененных и сегментированных синтаксических построений. Основная причина данного явления – усиление влияния разговорного синтаксиса на письменную речь, главным результатом которого оказался отход от «классических», синтагматически выверенных синтаксических конструкций, с открыто выраженными подчинительными связями и относительной законченностью грамматической структуры. В таком синтаксисе соблюдаются границы предложения и синтаксические связи внутри предложения. Существовая параллельно и отчасти приходя на смену такому синтаксису, все более активизируется и «захватывает позиции» в литературе синтаксис актуализированный – с расчлененным грамматическим составом предложения, с выдвиганием семантически значимых компонентов предложения в актуальные позиции, с нарушением синтагматических цепочек, с тяготением к аналитическому типу выражения грамматических значений. Все эти качества синтаксического строя в избытке представлены в синтаксисе разговорном, обращение к которому со стороны книжного синтаксиса опирается на внутренние возможности языка и поддерживается социальными факторами времени.

Разговорный синтаксис как достаточно своеобразный феномен устной речи не поддается адекватному воспроизведению в речи письменной (естественно, без применения специальных обозначений в исследовательских целях). Такая запись текста обязательно потребует расшифровки, «перевода» с учетом действующих в языке правил грамматики и пунктуации, так как оттенки интонаций, степень длительности пауз, разводящих слова и указывающих на их позицию в высказывании, подчас заключают в себе больше смысла, чем наличествующие в речи слова и сочетания слов. Особенно затруднительными оказываются обозначения связей слов, если они не выражены лексически и грамматически. Разговорный синтаксис имеет свои нормы и особенности.

Вместе с тем, при обращении к письменным литературным произведениям отмечаются черты, явно свойственные иной, не книжной форме речи. Как правило, это оценивается как влияние разговорной речи, хотя вполне ощутимо, что это не точная копия того, что характерно устной форме реализации языка. Исстари существуя, в принципе, параллельно,

разговорный и книжный синтаксис наконец-то встретились по-настоящему, дав вполне заметный результат – некое гибридное явление. Классический книжный синтаксис под мощным воздействием живой устной речи освободил себя от жесткости традиционных правил сочетаемости компонентов высказывания. В свою очередь и разговорный синтаксис в письменном варианте видоизменился, подчиняясь новой сфере своего применения, закономерностям построения письменного текста.

Таким образом и возникла проблема выявления путей вхождения разговорных конструкций в книжную письменную речь.

В современной письменной речи можно отметить два факта:

разговорные конструкции составляют больший или меньший процент синтаксических структур (процент зависит от характера текста и его назначения); сплошь разговорная речь в письменном тексте маловероятна;

конструкции эти явно вторичны, воспроизведены не в первоначальном виде; в любом случае это имитация.

Последний факт приводит к необходимости выявления и осмысления путей вхождения разговорных структур в письменную речь, интуитивно нащупываемых приемов включения их в текст. В принципе, это новые структуры, имитирующие стадию перехода от разговорности к книжности. Они-то и включаются на правах системных в синтаксис, становясь не только фактом речи, но и языка.

О «разговорности языка» (в основном, его синтаксического строя) писал еще К. С. Аксаков, характеризуя письменный язык «донационального» времени (до 2-й половины XVII в.)¹. Позднее, в XVIII в., когда создается новый тип литературного языка, начинает складываться так называемая «тяжелая конструкция», неудобная для обычного разговора². Это движение синтаксиса от «пишущегося разговора» (выражение К. С. Аксакова) к интеллектуализации литературного языка зафиксировано и в трудах представителей Пражской лингвистической школы³. Грамматически это выражается в усилении синтетичности синтаксического строя языка. Синтетизм во второй половине XVIII – начале XX вв. достигает своего предела. Это обнаруживается в четкости проявления подчинительных синтаксических связей и отношений, получающих экс-

¹ Аксаков, К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка / К. С. Аксаков // Полн. собр. соч. М., 1875. Т. 2.

² Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. С. 7–9.

³ Гавранек, Б. Задачи литературного языка и его культуры / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

плицитное выражение. Такой синтетизм начинает постепенно ослабевать со времен Н. М. Карамзина, и особенно А. С. Пушкина¹. Однако синтаксически развернутая, логизированная фраза с этого времени закрепляется в литературном языке как «классическая», принадлежащая сугубо письменной форме языка, и как таковая сохраняется и сегодня в наиболее стабильных и традиционных функциональных стилях, таких, как официально-деловой и собственно научный.

На смену единому развернутому высказыванию с непрерывностью и последовательностью синтаксической связи, с вербально выраженными подчинительными отношениями приходит тип высказывания расчлененный, без ярко (словесно) выраженной синтаксической связи, с нарушением и прерыванием синтагматической цепочки.

Часто расчлененность письменной речи создается именно за счет прерывания синтагматической цепочки путем увеличения длительности пауз между компонентами синтаксического построения, фиксируемых точками (вместо запятых). В результате общий облик современного синтаксического оформления текста резко меняется: фразы-высказывания становятся более динамичными, актуализированными:

Я шел по укатанной гладкой дороге. Затем – по испачканной конским навозом лежневке. Сокращая дорогу, пересек замерзший ручей. И дальше – мимо воробьиного гвалта. Вдоль голубоватых сугробов и колючей проволоки.

Сопровождаемый лаем караульных псов, я вышел к зоне. Увидел застиранный розовый флаг над чердачным окошком казармы. Покосившийся фанерный гриб и дневального с кинжалом на ремне. Незнакомого солдата у колодца. Чистые дрова, сложенные штабелем под навесом. И вдруг ощутил, как стосковался по этой мужской тяжелой жизни. По этой жизни с куревом и бранью. С гармошками, тулупами, автоматами, фотографиями, заржавленными бритвенными лезвиями и дешевым одеколоном... (С. Довлатов).

Из этих записей родился фильм Параджанова, потрясенного судьбой Каравачевой. Черно-белое размытое изображение. Легкие взмахи рук, наброшенная на плечи шаль, едва различимое лицо, когда-то прекрасное. Трагический голос, уже не летящий, не звонкий – глубокий, грудной, «мхатовский». Порой чуть мелодраматический, экзальтированный стиль, на нерве, на пределе. Она играла страстно, захлеб, словно добиваясь «полной гибели всерьез», доигрывая то, чего ей так недодала судьба. Актриса, которой не было с нами так долго. Актриса, которая сыграла по сути одну-единственную, но, как теперь бы сказали, культовую роль (АиФ, 2001, № 4).

Характерно, что даже «классическое» предложение с однородными членами и обобщающим словом в русле общей тенденции к расчлененности утрачивает свой обычный «нормативный» вид (запятые, тире или двоеточие, запятые):

¹ Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. С. 9.

Сухое чистое белье... Мягкие шлепанцы, застиранный теплый халат... Веселая музыка из репродуктора... Клиническая прямота и откровенность быта. Все это заслоняло изолятор, желтые огни над лесобиржей, примерзших к автоматам часовых (С. Довлатов).

Или отдельное оформление компонентов вопросительной структуры во встречном вопросе:

Что же это такое? «Муки» творчества? Постигание непостижимого? Стремление прикоснуться к божественному огню неуловимого совершенства? (Ю. Бондарев); Ждать, пока высохнет? Или когда уйдет вглубь вода? (В. Быков).

Тенденция к подобной расчлененности возросла именно под влиянием живой разговорной речи, которая не нуждалась изначально в выражении сложностей синтаксических взаимоотношений компонентов высказывания, поскольку эти логико-смысловые связи передавались здесь иными средствами – интонацией, паузами. Такие изменения отнюдь не ломали традиционного книжного синтаксического строя, произошла лишь активизация имеющихся в синтаксисе конструкций, заложенных в синтаксисе возможностей.

В тенденциях к «разговорности», проявившихся на новом этапе развития синтаксиса письменной речи, одновременно обнаруживается и внутреннее стремление синтаксиса к аналитизму. Путь этот идет через ослабление синтаксических связей, имплицитности их представления, через сжатие и опрощение синтаксических конструкций, через расчлененность синтагматической цепочки.

Разговорная речь, таким образом, в настоящее время оказывается и фактором внутреннего порядка при определении развития письменного книжного синтаксиса (рост аналитических черт), и одновременно фактором внешнего, социального плана (расширение средств массовой коммуникации приводит к расширению круга задействованных в этой сфере социальной жизни коммуникантов, круга, который становится поистине массовым). В связи с расширением сферы распространения разговорной речи значительно меняется и статус литературного языка в целом – в сторону его демократизации.

Ориентируясь на эти общие тенденции в синтаксисе, можно наметить и пути вхождения разговорных структур в литературный синтаксис и шире – в письменную речь.

Основной путь – расчленение высказывания, прерывание синтагматических последовательностей.

Второй путь – включение в высказывание компонентов, утративших свои «классические» грамматические связи, переставших их реализовывать.

Эти процессы можно проиллюстрировать примерами из современных публикаций.

Присоединительные члены и парцеллированные конструкции

Расчлененность синтаксиса хорошо передается с помощью присоединительных и парцеллированных конструкций¹:

Присоединение в чистом виде обнаруживается в рамках самого базового предложения, парцеллированное присоединение позиционно более самостоятельно (стоит после точки).

1. Присоединительные члены предложения:

Утро началось довольно скоро – с будильника, с торопливых маминых сборов (Р. Зернова); Я ее тоже люблю – за наряды, за красоту, за щебетанье это (Р. Зернова); И опять на станции свистнул паровоз – на этот раз отрывисто, коротко и точно с задором (А. Куприн); Снова наступило время «громкого голоса». Вот и дискуссии у нас прошли в «Литературной газете» – о публицистике и о публицистичности в художественной литературе (А. Адамович); Помню, как в Ленинграде вместе с Федором Абрамовым смотрел его «Деревянных коней» – во время гастролей Театра на Таганке (А. Адамович); Как найти, где искать литературе свой «микрофон» – для обращения к современной аудитории (А. Адамович);... На диване очень часто спал Велимир Хлебников – во фраке, с манишкой и манжетами (А. Кончаловский); Через несколько минут он шел по той же аллее – один (С. Довлатов).

2. Парцеллированные конструкции:

Девушка говорила без умолку. Про Сибирь, про счастье, про Джека Лондона (В. Шукшин); Действовать, действовать надо... Плакать потом. Ночью. Когда-нибудь (Н. Ильина); Один ушел за кордон. В Грузию (МК, 1992, 24 июня); Вот я и в Быковке. Один. Топлю печь, пою песни, играю со Спирькой, который без ума от того, что появился хозяин, и от восторга чувств даже описался при встрече. На дворе осень. Поздняя (В. Астафьев); Этот год был темным от растаявшего снега. Шумным от лая караульных псов. Горьким от кофе и старых пластинок (С. Довлатов); Зло определяется конъюнктурой, спросом, функцией его носителя. Кроме того, фактором случайности. Неудачным стечением об-

¹ О присоединении и парцелляции см. подробнее: Валгина, Н. С. Бессоюзные присоединительные конструкции в современном русском языке / Н. С. Валгина // Русский язык в школе. 1958. № 5; Она же. Присоединительные конструкции в современном русском литературном языке / Н. С. Валгина. М, 1964; Ванников, Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю. В. Ванников. М., 1979; Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка.

стоятельств. И даже – плохим эстетическим вкусом (С. Довлатов); Что-то было в его рассказах от этого пустыря. Может, запах травы или хруст битых стекол. А может, бормотание кур, однообразие ромашек – сухое поле незадавшейся жизни... (С. Довлатов); Я в тот раз остановился на ужасах лагерной жизни. Неважно, что происходит кругом. Важно, как мы себя при этом чувствуем. Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает (С. Довлатов); Мы оглядели бревенчатые стены. Небрежно убранную постель. Цветные фотоснимки над столом. Таблицу футбольного чемпионата, гитару, инструкцию по дрессировке собак... (С. Довлатов); Федор Иванович был уверен, что следователь пошел к генералу совещаться. Может быть, даже по вопросу о заключении Дежкина под стражу. Чтобы он не помешал дальнейшему следствию (В. Дудинцев); Сейчас, я считаю, главная проблема нашего государства – спасти детей. Чтобы они росли здоровыми, веселыми и разумными. Личностями, а не бездуховными и злыми маленькими эгоистами (Лит. газета, 1999, 24 февр.); Вон Дробышева в спектакле «Эдит Пиаф» играла великую актрису. Как будто ничего для этого не делая. Она не выясняла дотошно, как вела себя в тех или иных ситуациях великая актриса Пиаф? Нет. Выходила и просто была ею (Лит. газета, 1999, 13 янв.).

Отрыв от основного предложения, прерывистый характер связи в парцелированных конструкциях, функция дополнительного высказывания, дающая возможность уточнить, пояснить, распространить, семантически развить основное сообщение, – вот проявления, усиливающие логические и смысловые акценты, динамизм, стилистическую напряженность.

Встречается и иной тип расчлененности, когда фрагментальность в подаче сообщений превращается в своеобразный литературный прием – расчленению подвергаются однородные синтаксические единицы, предваряющие основное суждение. Это могут быть придаточные или даже обособленные обороты:

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? (Н. Рерих); Когда тяжелое тело табуна пронесется перечной отмели на заре, разрывая туман, взбрызнув до солнца огненную воду. Когда визжа пойдет под тобою вздыбившийся черный жеребец. Когда предчувствие скачки по широкому полю обожжет легкие. Наступает счастье (В. Чернов); Весною развесив облака цветущих яблонь вдоль холмов над озером. Зимой развернув облака заснеженных лиственниц, кленов и лип. Да берез. Осенней порой вздымая широкие тучи листвы не только над озером, а над всеми леса-

ми. Так стоит поселок уже многие десятки лет в лесистом углу Опочецкого района, среди холмов и песчаных долин. Озеро Глубокое, и поселок назван Глубоким. Озеро давнее, со времен, которые никому ни вспомнить, ни запомнить не дано. Село тоже давнее. Вокруг села много легенд и слухов (Ю. Курганов).

Конечно, подобный тип расчленения нетипичен, он скорее иллюстрирует окказиональное употребление явления. Однако на общем фоне современного свободного, актуализированного синтаксиса он может быть объясним.

И, наконец, возможен и такой, правда, редкий случай, когда парцелированным оказывается подлежащее, выдвинутое в постпозицию:

... *Погодка наконец выдалась – сено ворошить. А мне – сено не ворошить. Я – на свой чердачок-с. У меня творческий процесс-с. А только чего – не знаю. Разве вид из окна, в который раз, не сумеешь описать. Там-то как раз сено и ворошат. Баба и мужик. Костерочек в стороне развели. Отсюда не видно – кто* (А. Битов).

Такой случай не характерен как частность (вынос подлежащего – главного члена, отсутствующего в основной структуре), однако он характерен своей причастностью к общим процессам в синтаксисе – склонности к чрезмерной расчлененности и структурной смещенности.

Расчлененность и одновременно утрата вербальных средств подчинительной связи создают специфический образ разговорности: *А Енакаева там за пригорочком закопали. Потом лейтенант говорил из нашего полка. В госпитале встретились* (В. Быков). Ср. с вариантом, проявляющим все логико-смысловые связи: *А Енакаева там, за пригорочком закопали; об этом лейтенант говорил из нашего полка, с которым в госпитале встретились*.

Двучленные конструкции

Расчлененность структур сказывается и в усиленном использовании двучленных (сегментных) конструкций, явно имитирующих разговорную непринужденность, иллюстрирующих отсутствие специальной структурной заданности, свойственной книжному синтаксису. Это прежде всего функционально разнообразные номинативы – препозитивные и постпозитивные.

Особенно большую группу составляют изолированные именительные (не реализующие ни одну из обычных схем простого предложения и не включающиеся в эти схемы в качестве составной части).

А. М. Пешковский относит их к «словам и словосочетаниям, не образующим ни предложений, ни их частей»¹. Примерно те же синтаксиче-

¹ Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. 7 изд. М., 1956. С. 404.

ские явления описаны в Академической грамматике¹ в параграфе, посвященном «конструкциям, по форме совпадающим с номинативными предложениями, но не являющимися ими».

К «изолированным образованиям», свойственным разговорной речи, относит их и Н. Ю. Шведова².

Изолированные номинативы – это слова в именительном падеже, а также именные словосочетания с главным словом в форме именительного падежа. Поскольку изолированные номинативы не обладают признаками предложения (они лишены значения бытия и интонационной законченности; отдельно взятые, они не выполняют коммуникативной функции, что свойственно номинативным предложениям), они существуют только в составе синтаксических целых, т. е. всегда стоят при другом предложении, связываясь с ним логически и интонационно. Однако, не существуя самостоятельно, а только при другом предложении, они сохраняют, независимо от строения этого предложения, свою собственную форму неизменной.

Такие построения относятся либо к следующему за ним предложению, либо к предложению впередистоящему. Таким образом, можно различать препозитивные номинативы и номинативы постпозитивные. Формально они схожи, функционально – различны.

Наиболее четки и определены по своей функции номинативы в препозиции – это именительный представления, или именительный темы. Именительный падеж в таком употреблении определяется иногда как «именительный словесный»³. В принципе, препозитивные номинативы однозначны; их назначение – назвать тему последующего сообщения, т. е. вызвать представление о предмете, являющемся темой сообщения. Такое называние темы сосредоточивает внимание на ней, логически выделяет ее, что особенно важно для разговорной речи. Появление именительного представления прямо связано с актуальным членением речи. Это вынос наименования темы сообщения в актуальную позицию, например: *Ах, икра! Ем, ем и никак не съем* (А. Чехов); *Чувства. Это область пристального внимания ученых* («Неделя»). Такие синтаксические явления не могут быть отнесены к самостоятельным предложениям (номинативным), так как, несмотря на внешнюю изолированность своего

¹ Грамматика русского языка. Ч. II. М.: Изд. АН СССР, 1954. С. 70.

² Шведова, Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 6, 67.

³ Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М., 1966.

употребления, они лишены грамматической и функциональной самостоятельности, поскольку не обладают значением бытия. В них нет и интонационной завершенности (даже при наличии точки!). В связи с этим представляется несколько противоречивым утверждение, что именительный представления – это разновидность номинативного предложения, где нет высказывания, а есть только постановка вопроса для размышления¹.

Изолированный номинатив, и в частности именительный представления, – конструкция разговорного синтаксиса. Именно в непосредственной речи, без специальной подготовки важную роль играют всевозможные эмфатические (выделительные) интонации и позиции. Одним из распространенных средств выделения важного слова (или части высказывания) является вынесение его в актуальную позицию, причем в данном случае речь идет не о простом выносе нужного слова в начало или в конец предложения. Речь идет о своеобразной форме подачи мысли, когда она преподносится как бы в два приема: «сперва выставляется на показ изолированный предмет и слушателям известно только, что про этот предмет сейчас будет что-то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается самая мысль»². При назывании используется абсолютно независимая форма – именительный падеж. Получается следующее: говорящему еще недостаточно ясно, как он оформит свою мысль, но он знает твердо, о чем он будет говорить, и это «о чем» проще всего дать пока в независимой форме называния и уже потом соединить это представление с другим.

Обязательная пауза после такого именительного – естественный момент для оформления говорящим следующего высказывания, для слушающего – это момент организации внимания, подготовки к последующему восприятию. Такая «ступенчатость» в подаче мысли очень ярко передает характер непринужденной речи, когда на предварительное обдумывание нет времени и оно совершается уже в самом процессе «говoreния». Как отражение разговорного стиля находим такие конструкции в художественной литературе и газетно-журнальных статьях. «Употребляя такой именительный, говорящий, может быть, просто вызывает в себе то или иное представление с целью подготовки материала для предстоящей мысли»³.

¹ Руднев, А. Г. Синтаксис современного русского языка / А. Г. Руднев. М., 1968. С. 44.

² Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. 7 изд. М., 1956. С. 405.

³ Там же. С. 406.

Двучленные построения¹ проявляются не только в употреблении именительного темы, но и инфинитивных компонентов в позиции именительного, в позиционных перемещениях частей сложного предложения с фиксированным порядком компонентов.

Некоторые примеры: *Телепатия. Сколь различную реакцию вызывает это слово у разных людей* («Наука и жизнь»); *Рулетка! Вот вы не знаете о ней, а это очень интересно* (Р. Рождественский); *Правовой беспредел... Эти слова часто звучали со страниц печати, в передачах радио и ТВ* (Труд, 1992, 3 дек.); *Россия и Белоруссия. На душе тревожно* (Лит. газета, 1997, 2 апр.); *Сапоги... Ну куда от них денешься! Да зеленые крылья погон* (Б. Окуджава); *Гордость, гордыня – спесивость. Вот такое совершаем сошествие по ступенькам, от Пушкина, через Набокова, к своему нынешнему состоянию* (Лит. газета, 1993, 17 февр.); *Губы, губы! Он стиснул их до крови* (Б. Пастернак); *«Интеллигенция»... Да уж одно то, что возникли оттенки: «техническая» или «гуманитарная», наконец «советская», говорит: и поношения ее, не свободные от самоутверждения, и восхваления (то же самое) запоздали – и безнадежно* (С. Рассадин); *Снежинки... Их можно поймать. Так медленны они на лету* (С. Щипачев); *Десять тысяч километров по прямой!.. Это расстояние трудно было себе представить* (А. Чаковский); *Амазонки... Мы с детства привыкли, что это только легенда («Вокруг света»); Журавли... Заваленный работою, вдалеке от сумрачных полей, я живу со странною заботою – увидеть бы в небе журавлей!* (В. Солоухин).

Активность именительного падежа проявляется еще и косвенно. В строе современного синтаксиса уже отработались специальные синтаксические позиции: самого именительного может и не быть, но место его оказывается как бы забронированным. На месте именительного в сегментном построении может быть инфинитив, целое предикативное объединение или иные словоформы, приобретающие функцию представления, например: *Лежать на траве и смотреть на звезды – что может быть прекраснее и слаще!* (В. Солоухин); *Быть красивой, стройной, здоровой... Какая девочка не хочет этого!* (Е. Назарова). (Ср.: *Любить... Но кого же? На время не стоит труда.* – М. Лермонтов.); *Приспособление земных существ к неземным условиям – это реально, переброска их в другие миры – тоже... Но чтобы они изменили облик целой планеты – возможно ли это?* («Вокруг света»). Другие падежные формы в функции

¹ См. подробнее: Валгина, Н. С. Некоторые функции изолированного именительного падежа / Н. С. Валгина // Русский язык в школе. 1971. № 2.

представления¹: *А у матери... – Что я у нее видел? А в полеводстве – там разве нет культур, выгодных и невыгодных?; С сыном?.. С ним, конечно, проще.*

Сегментность обнаруживается в вопросно-ответных построениях: *Но что приводит в истинный восторг – так это лаконизм пушкинской прозы (В. Солоухин); Но кто радовал независтливое сердце дяди Паши, так это малые рыбаки-отроки Антон и Санька (В. Астафьев); Вот уж где не привился мемуарный жанр, так это среди архитекторов (Сов. культура, 1990, 7 апр.); Вот кого я еще не прощаю – так это Брюллова! Ну, что ему было картинку ту Александру Сергеевичу не подарить... (А. Битов); Ведь с чем было большее всего расстаться – это с чудесами (М. Пришвин); Чем еще знамениты молоканские села – так это своей капустой (Труд, 1992, 3 янв.); Что больше всего беспокоит таможенников, сообщает австрийская газета «Курир», так это появившаяся мода на скорпионов и соответственно рост их контрабанды (Труд, 1995, 3 июня); Работал он всю жизнь и за страх и за совесть, а что не всегда все ладно выходило, так на то не вина его была, а беда (Б. Васильев); Что сверху моросит и в воздухе хлябь – на это уже не обращалось внимания (М. Пришвин); Что Николка не прав – об этом и толковать не стоит (А. Чехов).*

Часты сегментированные построения с вопросительной частью во второй позиции: *Талант! А что же он по сути такое? (И. Снегова); Разум на других планетах – каков он? («Вокруг света»); А человек, приступающий к изучению природы или своего собственного прошлого; – разве человек в неизмеримо большей степени, чем собака, тоже не вспоминает себя самого в своих предках, животных, растениях, в стихии неподвижных скал, в стихии огня, воды, ветра? (М. Пришвин); Праздничное настроение и светлость в сердце – где все это? (В. Астафьев); Двадцать месяцев – много ли это или мало в судьбе одного человека? («Неделя»); Сладкая ягода – где она? (МК, 1988, 20 авг.); Реформы – ради чего? (АиФ, 1994, 5 февр.); Крым. Что впереди? (АиФ, 1994, 5 февр.); Так называемый госзаказ, который нам представляли как панацею от всех бед, – что это сегодня по сравнению с кооперативным раем? (Сов. культ., 1990, 9 июня); Инициатива, созидание... Есть ли в нашей жизни что-нибудь более ценное, чем эти человеческие проявления! (МК, 1992, 24 июня).*

¹ Н. Ю. Шведова предлагает расширить понимание именительного представления. См.: *Шведова, Н. Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 67.

Имитация разговорности особенно ощущается в сегментных построениях с подхватывающим именительный местоимением: *Жизнь, она все-таки, в общем-то, ничего. В ней то клюет, то не клюет* (В. Астафьев); *Офицеры, они больше о деле неклись* (В. Быков); *Врач, он ведь не Бог* (В. Быков); *Голос твой – он звончей песен старой сосны* (А. Блок); *Любовь – она бывает разной. Бывает отблеском на льду. Бывает болью неотвязной. Бывает яблоней в цвету* (О. Высоцкая); *А Борис – он человек сильных и быстротечных чувств* (Р. Зернова); *У каждого свое занятие и своя столовка. Природа, она никого не обижает, сынок, и все для нее равны* (Б. Васильев); *Закон, он хитрый. Он, извини-подвинься, о-о-о!* (В. Распутин); *Путешествия – они обладают волшебным свойством, они удивительно удлиняют жизнь* (М. Алигер); *Прославленный Дон-батьюшка, он казался не таким уж широким* (В. Тендряков); *Пулемет, закопанный под скирдой, тачанка, отведенная в крестьянскую клуню, – они перестают быть боевыми единицами* (И. Бабель); *Мальчик лет семнадцати... Он быстро верить перестал Христу и деру дал из мирной семинарии, предпочитая револьвер – кресту* (Е. Евтушенко); – *Скажите, а вот эти Малютины работы – они что, проходят иногда?* (В. Пелевин); *Тягач – он как танк, только без башни* (Комс. правда, 1989, 9 февр.); *Волгарь – он русский, и татарин, и мордвин, и чуваш...* (Правда, 1990, 12 июня);... *Моя история в общем и целом банальна, хотя и объективно противостоит естественна. Но мелочи, мелочи – они не дают мне покоя. Они привносят в эту заурядную по нынешним меркам драму атмосферу чего-то дикого, первобытного. Ощущение какого-то космического холода, вакуума, в котором человек существовать не может по определению. И тем не менее существует* (МК, 1994, 15 марта).

Такие конструкции квалифицируются в работах по практической стилистике как стилистически дефектные, с плеонастическим местоимением (см., например, рекомендации Д. Э. Розенталя¹). Однако при учете общего расширения сферы спонтанного общения не только личного, но и устного публичного, при котором значительно ослабляется официальность, при рождении новых жанров публичной речи в сфере массовой коммуникации, когда усиливается момент размышления на ходу, интимизации общения, такие формы речи оправдывают себя, недаром они активно проникают в литературные источники.

Экспансия именительного падежа осуществляется на широком фоне общей тенденции к ослаблению спаянности компонентов цельноформленных синтаксических единиц. Особенно част именительный в постпо-

¹ Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. М., 1968.

зиции, когда его функции заметно расширяются. Постпозитивные номинативы, замыкающие двучленное экспрессивное построение, могут иметь значение определительно-конкретизирующее, причинное, пояснительное, оценочное, объектное и др., например: *Рисунок пошел по рукам. Там и говорить оказалось не о чем: портрет как портрет. Мужик с очками. Очки со стеклами. (Все правильно и понятно. Искусство!) Стекла очков с бликами. Блики, само собой, с игрой света, а свет с намеком на Жизнь...* (В. Маканин); *Пауза. Взгляд. Потом в палате: проснулась. Бледное личико. Глаза с надеждой* (Н. Амосов); *К нему подошла маленькая женщина с мальчишеским лицом, задумчиво-плутоватым и смешливым. Голубая майка. Стриженные волосы* (В. Панова); *О Медведеве скорблю. Голоден и холоден. Студент* (А. Чехов); *Разжимая скрюченные пальцы, она испытывала некоторое удовольствие от кратковременной острой боли в расправленных суставах. Начинающийся артрит* (Н. Ильина); *Вода казалась очень чистой, незамусоренной, но темной – осенняя вода* (Ю. Трифонов); *Журналисты читают материалы друг друга без особых эмоций – профессия* (Моск. новости, 1993, 23 мая); *До чего Буланова довели! Колхозники!* (Г. Николаева); *Морячок идет по городу – бескозырка, брюки клеш* (Ю. Друнина); *Вспомнил я про яму в конюшне. «А ну-ка, говорю, давайте поглядим, что там сейчас». Пошли туда – новый пол, недавно настланный* (В. Овечкин); *Утром не захотели везти на пароме: ветер* (А. Чехов); *14 мая мне опять не дали лошадей. Разлив Томи* (А. Чехов); *На льду реки по воскресеньям шумит-гудит кулачный бой. Круты сердца. Жестоки нравы. Глухой сибирский городок* (К. Лисовский); *Вот тут-то Роман Харитонович и струсил, когда я пришел после гражданской войны. Новая власть, новые порядки* (В. Овечкин).

При выражении причины, изъяснения, оценки именительный функционально соответствует придаточному предложению, но его своеобразие заключается в том, что он не выражает логического утверждения, а только называет его тему¹.

Довольно распространенным в современном русском языке синтаксическим построением является конструкция с изолированным именительным в назывной функции, подхватываемым далее местоименным наречием *так*. В отличие от именительного представления его можно назвать именительным называния. Такие построения всегда однотипны в структурном отношении: это вынос в акцентируемую позицию части предикативного члена, употребленного в независимой форме с функцией

¹ Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. М., 1955. С. 281.

называния, далее следует указывающее на данный предмет наречие *так* и остальная часть предложения с неизменной структурной схемой – предикат (формы глаголов «назвать», «называть»), субъект и объект; наличие всех указанных компонентов обязательно, допускается лишь варьирование порядка их расположения и пропуск указания на субъект, когда нет надобности в его конкретизации или когда он вообще устранен из мысли. Примеры: *«Острова среди ветров» – так назвал свою книгу о Малых Антильских островах известный шведский исследователь и путешественник Бенгт Шегрен («Вокруг света»); «Скорая лингвистическая» – так назвали эту новую службу помощи, которая появилась в Ленинграде; Одесский полк, так называли его в армии и в городе просто потому, что он был единственным авиационным полком на нашем плацдарме («Новый мир»); Возрожденная из пепла – так теперь можно назвать эту женщину со скорбно-спокойными глазами («Вокруг света»).*

Естественно, что схема несколько видоизменяется, когда объект представляется в виде грамматического подлежащего: *«Хозяин тайги» – так называется картина, которая снимается на киностудии «Мосфильм».* Ср. то же самое при постпозиции: *Так мы и прозвали ту загородь – «хозяйская конюшня» (В. Овечкин).*

Итак, препозитивный номинатив в принципе функционально однозначен – это «именительный представления» и близкий ему по значению «именительный называния». И в том и в другом случае номинатив, предваряя предложение, сосредоточивает внимание на обозначаемом им предмете, явлении, которые выступают, таким образом, как исходный пункт рассуждения, его отправная точка, смысловой и структурный стержень.

Что же касается номинативов постпозитивных, то они функционально богаче, разнообразнее. Возможность объединения их объясняется общим формально-структурным признаком: форма именительного падежа и функционирование только вместе с соседствующей структурой, в виде сложного синтаксического объединения. Отдельное существование таких номинативов (и препозитивного и постпозитивного) невозможно, они употребляются только как часть сложного синтаксического объединения.

Некоторые постпозитивные номинативы функционально повторяют номинативы препозитивные, т. е. называют тему сообщения, но поскольку они располагаются после сообщения, то, естественно, служат цели раскрытия содержания подлежащего, данного в общей, неконкретной форме: *Какая это огромная и сложная дистанция – двенадцать месяцев... («Неделя»).* Однако чаще номинативы, помещенные после выска-

занного суждения (или вопроса), способны фокусировать в себе целый комплекс мыслей, образов, связанных обычно с передачей воспоминаний о чем-либо значительном и важном. Это толчок для развития мысли, для штрихового изображения сменяющих друг друга образов и картин. Вот пример: *И вдруг он понял: вот с кем он прожил все эти годы странствий и обманов, вот чьи он фотографии возил на дне пустых дорожных чемоданов. Да, девочка. И голубой дымок, и первых встреч неясная тревога, и на плечи наброшенный платок, казенный дом, и дальняя дорога* (К. Симонов).

Постпозитивный номинатив «Да, девочка» сохраняет в себе функцию представления, ср.: *Да, девочка... Вот с кем он прожил все эти годы...* Однако постановка его после высказывания дает возможность присоединить еще ряд номинативов, передающих сложную картину воспоминаний, представленных в виде нескончаемой цепи.

Номинатив, завершающий предложение (обычно оформленный как синтаксическая единица, стоящая после длительной паузы – на письме после точки), более емко по содержанию, нежели номинатив в препозиции: препозитивный номинатив функционирует в качестве темы последующего сообщения, тогда как постпозитивный номинатив не только тема предшествующего сообщения (в обобщенном виде), но и часто толчок к последующим суждениям. Эмоциональные и семантические возможности такой конструкции чрезвычайно богаты. Подчас функция исходной темы вовсе исчезает у номинатива, и его назначением становится фиксация смены последующих впечатлений, выливающих в новые представления, сменяющие исходные. Примеры: *Ведь только что жила еще на свете. И вдруг ушла. Играющие дети, чужие окна, темная стена* (К. Симонов); *Я хочу, чтоб ты в штормах любых, научился мужеству у них, чтобы страха никогда не знал, чтоб лицом встречал девятый вал!.. Реют чайки низко над водой... Берег океана. Мыс Входной* (К. Лисовский). Довольно часто такой синтаксический прием используется не столько для передачи сменяющих друг друга представлений, связанных с высказыванием, сколько для выражения эмоционального настроения: *Зачем письмо? Ну, тяжело и пусть. Глухая ночь. Табачный пепел, грусть...* (П. Шубин); *Он все ходил по крепости, бедняга, все медлил влезть по сходням корабля... Холодная казенная бумага, нелепая любимая земля...* (К. Симонов).

Кроме такого номинатива, очень близкого к именительному представлению, распространены и другие функциональные типы постпозитивного номинатива, в смысловом отношении более тесно связанные с предшествующим сообщением, а в грамматическом – с номинативным

бессказуемо-подлежащим или неполным предложением. Однако функционирование его только в составе синтаксического целого (совместно с предшествующим предложением) допускает толкование его как конструкции непредложенческого характера¹.

Перечисленные здесь функции постпозитивного именительного, естественно, не исчерпывают всех возможных случаев. Важно то, что все они объединяются общим синтаксическим свойством: свое функциональное качество приобретают в результате воздействия предшествующего контекста и как самостоятельная синтаксическая единица не существуют, именно этим они отличаются от номинативных предложений, которые сами по себе, безотносительно к предшествующему и последующему предложению выражают значение бытия, утверждают его существование или указывают на его наличие в плане настоящего. Таким образом, все эти частные значения постпозитивного номинатива всецело определяются функционированием данной синтаксической единицы в конкретных речевых контекстах. С точки зрения стилистической, это очень экономное средство выражения, вполне соответствующее требованиям лаконичной и вместе с тем насыщенной смыслом речи. Только разговорная речь могла послужить основой для формирования таких емких по содержанию конструкций, так как именно в устной речи имеется возможность использовать интонацию как средство выражения необходимого содержания. Своеобразная интонация, объединяющая постпозитивный номинатив с предшествующим предложением (а иногда и рядом предложений), является как бы компенсатором отсутствующих, но логически возможных словесных компонентов описательной конструкции (в виде самостоятельного предложения), способной выразить развернуто то содержание, которое передается одним только номинативом. Ср., например: *Подле отеля был новый, двухэтажный дом, внизу двери открыты настежь. Мы заглянули: магазин* (М. Гончаров). – *Мы заглянули: то, что мы увидели, был магазин*. Первый способ передачи мысли более

¹ Видимо, эта сложность грамматической природы данных конструкций явилась причиной их различного толкования. Н. Ю. Шведова отмечает лишь внешнее совпадение их со структурой предложения и рассматривает их как построения, не укладывающиеся в схемы простого предложения. (См.: Шведова, Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке / Н. Ю. Шведова // Русский язык Грамматические исследования. М., 1967. С. 67.) А. С. Попов же квалифицирует такой номинатив как номинативное предложение. (См.: Попов, А. С. Изменения в употреблении номинативных предложений / А. С. Попов // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966. С. 87.)

удобен и выразителен, и интонация при таком способе выражения несет на себе очень большую нагрузку. При втором способе интонация играет меньшую роль, так как необходимый смысл выражен словесно.

Изолированный именительный (препозитивный и постпозитивный)¹ – явление довольно распространенное в современном русском языке, безусловно, связанное с разговорным синтаксисом, одной из главных черт которого является стремление к расчлененности и аналитизму. Последнее сказывается в наличии независимых исходных форм слов и словосочетаний как структурных элементов более сложных синтаксических построений. Почему это черта именно разговорного синтаксиса? Прежде всего потому, что здесь допускается возможность отступить от строгих синтаксических норм языка, от «интеллектуальных» конструкций, которые, естественно, представляются несколько обременительными при обмене мыслями во время устной беседы. Слушающему легче воспринять мысль, а говорящему оформить ее, когда эта мысль подается в несколько речевых тактов. Информация, таким образом, поступает расчлененно, с целью более легкого и быстрого ее усвоения. Такой способ передачи мысли служит еще и другому: он помогает выделить логически основной момент высказывания, выдвинуть его на первый план во что бы то ни стало, даже если придется поломать «классические» синтаксические структуры. Возьмем пример: *Мещанские песни... «Маруся отравилась»*. По существу говоря, это классическая баллада (С. Маршак). А вот как могло бы выглядеть это сообщение, если все компоненты его мы поставим на «обычные» для них места: *По существу говоря, мещанские песни, в частности «Маруся отравилась», – это классическая баллада*. Первый вариант имеет явно эмфатический характер, причем выделение в нем осуществляется посредством синтаксической позиции. Таким образом организованное сообщение безусловно эмоционально сильнее (ср. второй вариант). Вот почему номинативы так часто используются в художественной литературе, а также в газетно-журнальных публикациях, где задача эмоционального воздействия на читателя имеет не меньшее значение, чем передача определенной информации, и по той же причине такие конструкции отсутствуют в стиле научном, функциональное назначение которого совсем иного плана.

Итак, аналитизм, лаконичность, эмфатизм – качества, свойственные современному синтаксису и отраженные в номинативных структурах, обусловлены и стимулированы речью разговорной, хотя внутренние потребности языка в движении к расчлененности вполне очевидны.

¹ См. подробнее: Валгина, Н. С. Номинативные конструкции в современном русском языке / Н. С. Валгина. М., 1972.

Среди двучленных конструкций особое место занимают разъяснительно-пояснительные, состоящие сплошь из форм именительного падежа. Такие конструкции активны в заголовках, в названиях газетных и журнальных рубрик. Они предельно кратки и броски, в какой-то мере рекламны и, следовательно, эмфатичны. Строятся по схеме: название общей проблемы и конкретизирующие частные аспекты и детали или название места и события. Например: *Роман: традиции и поиск* (Лит. газета, 1971, 10 марта); *Жатва: время, темпы, качество* (Изв., 1971, 14 авг.); *Крым: цветущий миндаль на фоне взрывов* (Лит. газета, 1998, 11 февр.); *Нижний Новгород: квартиры в кредит* (Труд, 1997, 16 дек.). Еще примеры из газет (Лит. газета, ВМ, Правда и др.): *Критика: опыт, проблемы, задачи*; *Рига: круглый стол поэзии*; *А Блок: неизданное наследие*; *Гости из Космоса: сказки для взрослых*; *Наука и лженаука: четыре вопроса ученым*; *Архитектура: комфорт, экономика*; *Парагвай: жертвы сговора диктаторов*. Второй именительный может приобрести функцию вопроса: *Массовая литература – новый феномен?* (Лит. газета, 1971, 24 марта).

Увлечение подобными заголовками привело к тому, что под такую конструкцию стали подгоняться и многие другие, с иными смысловыми отношениями: *Фильмы, фильмы: алгебра и гармония* (Лит. газета, 1971, 18 авг.); *Пешеход и автомобиль: вид сверху* (Лит. газета, 1971, 24 марта). Ср.: *Вид сверху на пешехода и автомобиль*; *Алгебра и гармония фильмов*. В целом это расчлененные структуры без видимой грамматической связи.

Расчлененные синтаксические конструкции – как парцеллированные, так и сегментные – реально существующее явление в современном русском литературном языке, стимулируемое разговорной речью. В структурно-грамматическом отношении и по смысловым функциям парцелляты и номинативы не однородны, но они объединяются прерывистым характером синтаксической связи, разрывом с основным, базовым высказыванием, логическим и интонационным выделением. С одной стороны, и те и другие предельно самостоятельны (стоят вне предложения), но, с другой стороны, полностью зависимы от базового предложения (вне связи с ним не обнаруживают своего функционального качества). В этом их контекстуальная зависимость. И в этом их роль в процессе нарастания аналитизма в строе русского языка.

Широкое распространение расчлененных конструкций как в устной речи (личной и публичной; на радио и ТВ), так и в речи письменной разных жанров – свидетельство общезыковой значимости данного синтаксического явления. Экономность, смысловая емкость и стилистическая

выразительность конструкций вполне соответствуют внутренним потребностям и возможностям языка, стимулируемым социальными потребностями времени. Парцелляция предполагает расчленение высказывания на неограниченное число частей. При этом расчленении сохраняются те же отношения и формы связи, которые могли бы быть в нерасчлененной, непарцеллированной конструкции. При сегментации высказывание членится на две части, отчетливо противостоящие друг другу; и отношения между этими частями устанавливаются особые – темы и повода высказать ее или суждения по поводу этой темы, либо вопроса по поводу этой темы. Причем первая часть конструкции – именительный или структуры, занимающие его позицию, – синтаксически независимая. Функция сегментации – в выделении и подчеркивании обоих членов конструкции. Именительный темы, кроме функции называния, имеет еще и дополнительную роль – подготовки к последующему восприятию. Сегментированные конструкции представляют собой структурно цельнооформленные построения, их двучленность определяется структурной заданностью. Парцелляты же структурно не обязательно предусмотрены. Отсекаемые члены предложения не предусмотрены структурой базового предложения и легко могут быть изъяты, их роль не структурная, а выделительно-акцентирующая.

Явления парцелляции и сегментации значительно меняют общий облик, ритмико-мелодический рисунок современного синтаксиса. Свободные, аналитические построения становятся в ряде жанров письменных текстов ведущими. Актуализированность, подчеркнутая порционность в подаче сообщений особенно обнаруживается на общем фоне номинативных структур, в том числе и собственно номинативных предложений. Вот один из примеров подобного конструирования текста:

Лязг гусениц. Пыль. Броня. Бегущий впереди колонны на привязи со связанными сзади руками местный подросток Гулям Сохи. Он выполняет роль наводчика.

Встающее солнце, жерла тяжелых пушек – беспощадные, мертвые, изрыгающие смерть. Задранные хоботы минометов, сеющие смерть. Шакалы силуэты боевых вертолетов, рыскающие по небу и несущие смерть. Танки в пшеничных полях.

И ясное, сразу – жаркое утро.

Все деревни на огромном пространстве окружены броней. Редкие выстрелы.

Первый пленный. Наводчик опознал в нем врага. Афганец одет прилично. Оружия при нем нет (В. Снегирев. Про войну. – Комс. правда, 1989, 9 февр.).

Или еще:

Интеллигенты... Доктор Гааз. Мать Тереза. Мать Мария. Альберт Швейцер. Анатолий Кони. И миллионы других – вы их знаете. Ужаснувшийся насилию. Подавший нищему. Укрывший от погрома. Восставший из огня. Пригревший сироту. Приголубивший прокаженного. Крикнувший: «Не троньте его!» Интеллигентность – волшебная гавань, открытая любым кораблям... (Т. Толстая. Интеллигент).

Предикативная осложненность предложения

В настоящее время, как было показано выше, не вызывает сомнения факт широкого влияния синтаксиса устно-разговорной речи на современный письменно-литературный язык. Общее влияние синтаксиса разговорной речи усматривается обычно в появлении у речи письменной таких характерных черт, как расчлененность речевой цепи, активизация свободных синтаксических форм, ослабление спаянности компонентов синтаксических конструкций, их облегчение и контаминированность, актуализация и сегментированность построений и т. п. Устно-разговорная речь постоянно пополняет письменно-литературный язык своеобразно оформленными конструкциями, которые выходят за рамки нормативной грамматики¹. Однако письменный язык, как язык, предполагающий обдуманную фиксацию и оформление сообщений, не просто копирует разговорные формы, а своеобразно приспособливает их к типу письменного общения, усваивая и имитируя «разговорную ситуацию» – неофициальные условия общения, персональность коммуникации, которые обуславливают имплицитность и неполноту высказывания², ослабление заботы о форме выражения и т. д.

Непосредственность общения исключает возможность предварительного обдумывания, а потому устная речь полна непринужденных форм, грамматических сдвигов, пропусков, повторов, усечений, эллипсисов, интонационных выделений. Эти качества определяют аффективные элементы языка, которые, уже как стилевые, закрепляются в письменной речи и образуют некое стилевое единство.

Одной из заметных черт разговорного синтаксиса, отраженно воспроизводимой в письменно-литературном языке (естественно, только в видах и жанрах литературы, допускающих свободное воздействие разговорных фактов языка), является смещение и взаимопроникновение синтаксических построений, обилие переходных типов. Это прежде всего проявляется в **предикативной осложненности предложения**. В данном случае имеются в виду не обычные семантико-структурные осложнения предложения, которые наблюдаются при включении в структуру предложения вводных, вставных, присоединительно-пояснительных и обособленных конструкций, а нечто, выходящее за рамки «нормативной осложненности». Это включение в состав предложения предикативных единиц, замещающих синтаксические позиции членов предложения. Та-

¹ См. монографию: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968. С. 366.

² Сиротинина, О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. М., 1974. С. 32.

кое явление **контаминации** имитирует сам процесс говорения: мы словно наблюдаем формирование мысли на ходу, соскальзывание с одной конструкции на другую, когда поиски подходящих «классических форм» предложения оказываются затрудненными из-за непосредственности общения и отсутствия возможности обдумывания и продумывания формы высказывания.

Элементарным случаем замещения позиции члена предложения предикативной единицей являются примеры типа *Живем по принципу «человек человеку друг»*, где предикативная единица *человек человеку друг* вовлекается в сферу связей слов, передавая атрибутивное значение при субстантиве. Входя в систему связей слов, такие предикативные единицы, лишь формально повторяющие структуру простого предложения, по существу теряют свои предложенческие признаки и даже приобретают способность распространяться обычным для слова способом, т. е. присоединяют к себе определительные члены: *От его приветливого «я вас ждал» она повеселела* (Б. Полевой). Близки к данному типу осложнения простого предложения конструкции с предикативными фразеологизированными единицами: *Лиза не бог весть какая красавица* (А. Чехов); а также предложения с «ослабленными» придаточными: *Мы, конечно, продолжали делать что хотели* (Б. Полевой)¹. Такое вхождение предикативных единиц в структуру простого предложения в целом не нарушает его «квалификационного» качества, поскольку единицы эти выполняют функциональное назначение обычных членов предложения и в принципе теряют свои предикативные признаки. Функциональное уподобление – явление достаточно распространенное и отнюдь не новое в литературном языке, но широко распространенное в современном языке.

Есть и иные типы вхождений предикативных единиц в систему отношений членов простого предложения. Именно они и осложняют предикативную основу предложения. Такое осложнение ломает структуру, квалификационные признаки предложения становятся нечеткими. В этих случаях структурная переходность (в частности, от простого к сложному) очевидна и столь же очевидна стилистическая отмеченность предложений. Наиболее распространенным типом подобных конструкций являются контаминации простого двусоставного предложения и придаточной: в качестве сказуемого придаточная часть (со словами *когда, где, чтобы*), включаемая в отношения подлежащего–сказуемого с помощью связки *это*: *Самая поздняя осень – это когда от морозов рябина смор-*

¹ См. о таких типах предложения: *Стеценко, А. И.* Предложения с предикативными единицами в функции членов предложения / А. И. Стеценко // Русский язык в школе. 1970. № 1.

щится и станет, как говорят, «сладкой» (М. Пришвин); Киж-озеро – это где раньше рыбаки семь лет рыбу ловили, а другие семь лет на том месте траву косили (М. Пришвин); Не первый увиденный грач весной самое главное, не скворец, а главное – это чтобы нога твоя встретилась с землей (М. Пришвин); Литература – это когда читатель столь же талантлив, как и писатель (М. Светлов); Мания величия – это когда мышь вообразила себя кошкой и сама себя съела (М. Светлов); Романтика – это когда человек стоит на земле, но поднимается на цыпочки, чтобы дальше и выше видеть. Беда, если он оторвется от земли, тогда он пропал. Никакой настоящей романтики не будет! (М. Светлов); Настоящий праздник – это когда три дня не учатся и не работают. И когда демонстрация и еще салют (Г. Малтынский); Самый трогательный момент в Ясной Поляне – это когда в толпе по дороге к могиле Толстого смешиваются важные министры, именитые писатели, крестьяне из соседней деревни, тульские школьники и дошколята, религиозные паломники (Лит. газета, 1998, 16 сент.); Старость – это когда неблагоприятных дней больше, чем оставшихся (Лит. газета, 1999, 7 апр.); На языке специалистов такой стресс называется доминантный, а проще говоря – это когда, что бы ты ни делал, одна мысль не идет из головы (АиФ, 1999, № 2); Горе – это когда срываются планы, когда уходит то, что принадлежит тебе по праву сильного (С. Есин); Хорошая пресса – это когда пишет профессионал, а не дилетант с гипертрофированным воображением. Когда критик дает творческой личности возможность подробно рассмотреть себя как бы в зеркале (АиФ, 1990, № 43); После ординатуры в МОНКИ он остался здесь работать. Операции у себя в отделении, ночные дежурства (за восемь лет работы – полтора года одной только ночной работы), срочные вызовы в область – это когда анестезиологи на месте не справлялись и пациент был в опасности (МК, 1980, 20 ноября); Подписная компания – это когда газеты и журналы ближе к осени начинают убеждать читателей: в будущем году мы станем еще острее и интереснее (Коме, правда, 1990, 6 ноября); Счастье – это когда ты кому-нибудь нужен, – говорит она. – Если все время ныть и думать о плохом, жалеть себя, то все это плохое навалится и раздавит. Надо улыбаться даже через силу и научиться радоваться мелочам. Солнечному утру, хорошей книге, общению (АиФ, 1999, № 15); Но есть инфляция понятий: это когда невозможность достигнуть общественного согласия заставляет выбрасывать в обиход все новые и новые понятия, словосочетания в надежде хоть до чего-нибудь договориться (Лит. газета, 1991, 22 мая); Демократия – это когда еще не знают, кого слушаться, но уже знают, кого не слушаться (Лит. газета,

1992, 29 янв.); *Кризис власти – это когда народ начинает ее бояться* (Лит. газета, 1995, 28 июня); *Везет – это не когда действительно везет, а когда есть изменения к лучшему по сравнению с невезеньем* (В. Распутин).

Интересно, что такой разговорный тип предложения настолько прочно утвердился, что во многих газетных жанрах (репортаж, очерк, фельетон и др.) стал естественной формой выражения мысли: *В чем же она состоит, его справедливость? Может быть, в создании ему равных условий для подвига, для творчества? Чтобы он тоже, как другие, мог не спать ночей над изобретением, мучиться, пот проливать? Нет, зачем же! Справедливость – это чтобы другим тоже было худо, горько* (Лит. газета, 1977, 30 марта); *Первый признак развала – это когда люди уходят с предприятия, а на оставшихся растет нагрузка* (Сов. Россия, 2000, 19 авг.). Тексты, допускающие подобные структуры, в стилистическом плане однотипны – это тексты, передающие непринужденный тон общения, живые, разговорные интонации, тексты, имитирующие сам процесс размышления, спонтанность в выражении мысли. Такие конструкции встречаются даже в научно-популярных статьях, в терминованной речи, что еще более свидетельствует о широте распространения их в печати. Особенно характерны такие структуры в прозе, целиком построенной как размышление, как разговор с собой, например, у М. Цветаевой в очерке «Мой Пушкин», который представляет собой прозу-воспоминание, психологическое исследование: – *А что значит «И на счастье Петрово»?.. Петрово – понимаешь? Счастье – понимаешь? (Молчу.) Счастья не понимаешь? – Понимаю. Счастье – это когда мы пришли с прогулки, и вдруг дедушка приехал, и еще когда я нашла у себя в кровати... – Достаточно. На счастье Петрово значит на Петрово счастье. И далее: И опять встал под гигантский – в новый месяц!– вопросительный знак: Кто? Когда Петр – то всегда: кто? Петр – это когда никак нельзя догадаться. Примерно то же у В. Маканина: Соседствующий кусок юности – это когда я, студент университета, приехал в поселок, там умерла моя двоюродная или даже троюродная тетка, а я пришел (кто-то сказал: пойдди! пойдди!) в ее дом и по молодости слонялся там, не зная, что делать.*

Конструкции, построенные по схеме «существительное + связка это + придаточное (когда, где, чтобы)», имеют варианты в расположении компонентов, что выявляет гибкость структуры и ее приспособляемость к актуальному членению речи. Вот некоторые примеры: *Пушкин меня заразил любовью. Словом – любовь. Ведь разное: вещь, которую никак не зовут – и вещь, которую так зовут. Когда горничная походя сня-*

ла с чужой форточки рыжего кота, который сидел и зевал, и он потом три дня жил у нас в зале под пальмами, а потом ушел и никогда не вернулся – это любовь. Когда Августа Ивановна говорит, что она от нас уедет в Ригу и никогда не вернется – это любовь. Когда барабанщик уходил на войну и потом никогда не вернулся – это любовь. Когда розовогазовых нафталиновых парижских кукол весной после перетряски опять убирают в сундук, а я стою и смотрю и знаю, что я их больше никогда не увижу – это любовь (М. Цветаева); Когда у Булгакова генералу Хлудову является повешенный им вестовой Крапилин, один раз, другой, преследует его – это жутко. Когда у Плучека то и дело появляется актер в образе повешенного вестового Крапилина – это... в лучшем случае никак (Комс. правда, 1978, 3 февр.); Когда в Малом театре раздвигается занавес и мы видим фотографию юной гимназистки Любы Яровой, – это ведь не просто деталь оформления. Это еще одно напоминание о том, что совсем молодым людям приходилось перекраивать свою судьбу и судьбу страны (Комс. правда, 1978, 3 февр.).

Возможны и другие перестановки: *Это дружба – когда о руках и губах забывают, чтоб о самом заветном всю ночь говорить тороясь (К. Симонов); Зачем это – чтобы на весь коллектив легло? (А. Рекемчук); Первое, что я узнала о Пушкине, это – что его убили (М. Цветаева).* Возможны и пропуски связки: *А главная нужда – чтобы удалось себя и мир борьбы и потрясений увидеть в обнаженности осенней (Е. Евтушенко).*

Вторая часть конструкции может выступать и в виде парцеллята: *В кино есть такое определение – синхронность. Это когда звук совпадает с изображением (М. Светлов); Молевой сплав – это он знал. Это когда спиленное бревно толкают в речку и оно само по себе плывет (Г. Комраков).*

Часто встречающийся вид контаминации простого и сложного предложения – это включение придаточных предикативных единиц в однородные ряды членов предложения. Такие предикативные единицы соединяются обычно союзом *и* со словоформами в функции либо объектных, либо определительных членов. Примеры такого объединения находим даже в классической литературе: *Я думал уж о форме плана и как героя назову (А. Пушкин); Была у него на этот счет особенная мысль, скрытая ото всех и которую он очень боялся (Н. Гоголь); Вчера видел кошмарный сон о герцогине Ольденбургской, и как меня бросили «под сводами», и как я жалуясь и сержусь на всех тревожащих меня (Л. Толстой); Вы спрашиваете про ваши лица и что я заметил в них (Ф. Достоевский); Ему представилось – люди в конюшне не просто пе-*

ише люди, а все они конные и что у каждого есть свой особенный конек и оттого-то они не хотят спешиться и работать простыми людьми на канале (М. Пришвин); Так иногда раздражает непрерывный, скучный, как зубная боль, плач грудного ребенка, пронзительное верещание канарейки или если кто беспрерывно фальшиво свистит в комнате рядом (А. Куприн); Захочешь лечь, но видишь не постель, а узкий гроб и – что тебя хоронят (С. Есенин). Реже встречается подобная контаминация при противительных союзах: Не камень раскаленный – причина радости, а что другой человек о тебе подумал и свое добро тебе же тут и отдаст в этом тепле (М. Пришвин).

Изобилует подобными построениями современная газетно-публицистическая и критическая проза. Язык периодики – это необходимый и важный этап на пути разговорных конструкций к литературному употреблению. Это та «апробация», без которой немислимо изменение норм. Вот некоторые примеры: *Недавно я прочитал в большой статье И. Эренбурга «Необходимое объяснение» справедливую мысль об идейном и художественном росте нашего народа и что в то же время читатели сегодня «требуют литературы более значительной, более сложной, более глубокой» (К. Зелинский); Шрагину вспомнился родной Ленинград и как он – школьник – получил комсомольский билет из рук участника октябрьского штурма Зимнего (В. АрдаMATский); Ему вдруг захотелось тепла и чтоб зима тоже была теплая (В. АрдаMATский); Нам только рама нужна и чтоб на ней был номер (В. АрдаMATский); К сожалению, только обстоятельная, параллельно с демонстрацией лекция могла бы пояснить профессиональные тонкости и – почему художник хирургического скальпеля Юдин отдавал дань своего восхищения реставраторскому скальпелю Кирикова (Л. Леонов); И всяк норовит свой фолиант в коленкор одеть, в многоцветную лакированную суперобложку, да чтоб непременно напечатать на лощеной бумаге (М. Шолохов); Я помню все – немецких братьев шеи и что лиловым гребнем Лорелеи садовник и палач наполнил свой досуг (О. Мандельштам); И вспомнил незабвенный «Фрегат «Палладу» и как Григорович вкатился в Париж лет восемьдесят назад! (М. Булгаков); Мне видалась пурга (не могу сказать, снилась, шел прямой повтор из детства) и как я, мальчиком, бегу на лыжах в разгулявшийся, воющий февральский снег (В. Маканин);... И когда появился в технике лазер – домозговали до лазерного гироскопа, без трущихся частей и чья готовность мгновенно (А. Солженицын).*

Подобные однородные ряды можно обнаружить даже в научно-популярных текстах, что свидетельствует о довольно широкой сфере распространения описываемого явления: *При возникновении слабой боли*

или когда о возможной боли предупреждает врач, больной прибавляет громкость белого шума («Наука и жизнь»).

Возможны и другие случаи структурной контаминации, например, когда в перечень признаков, передаваемых с помощью словоформ, выстроенных в однородные ряды, включаются предикативные единицы, не являющиеся придаточными. Как правило, это двусоставные предложения, полные или неполные; оказываясь в ряду определительных членов предложения, они функционально уподобляются им, детализируя и уточняя те или иные признаки описываемого предмета. Особенность таких включений в структуру простого предложения заключается в том, что они, подчиняясь влиянию близлежащих членов предложения, ослабляют свою самостоятельную предикативную значимость. Например: *Вихров, в потертом, помятом пиджаке, ворот поношенной рубашки распахнут, плохо причесанные волосы спадали на крепкий лоб, обрадованно, подобно веселому сельскому парню в порыве чувств, фамиллярно облатил его сзади* (Ю. Бондарев). Включаясь в ряд обособленных определений, предикативные единицы (*ворот поношенной рубашки распахнут, плохо причесанные волосы спадали на крепкий лоб*) функционально подчиняются им. И только при таком условии становятся членами простого предложения. Функциональному уподоблению здесь способствует общая ситуативная направленность контекста – все определения характеризуют внешние признаки предмета. Схожую речевую ситуацию наблюдаем и в таком примере: *Первый день в общежитии начался с конфликта. Комендантша – толстенная тетка, **волосы завиты в мелкие кудельки, щеки тугие, красные, словно помидоры,** – привела Валю в большую, светлую комнату («Юность»)*. Ср.: *Комендантша – толстенная тетка, с волосами, завитыми в мелкие кудельки, с тугими, красными словно помидоры, щеками, – привела Валю; Мишка Еремеев, сухой телом, с тяжелым, как у взрослого мужика, лицом, **скулы с кулак величиной, кисти рук жилистые*** (В. Астафьев); *Изредка Евфамия приезжала в гости. Толстенная, **платок ниже бровей...** Говорила мало, и все неинтересно* (В. Панова); *Лишь один непоседа с припадающим дергающимся веком, **подвязана тряпичей скула,** продолжал работу, несмотря на зной* (Л. Леонов); *Пехотинец Семен Гудзенко – крупный, **брови спрослись,** начинал свое беспощадное, совестливое: «Разрыв – и умирает друг. И, значит, смерть проходит мимо»* (Правда, 1989, 7 мая); *Старичок в галстуке, с цепочкой карманных часов, **волосы мокро приглажены,** выходит в коридор* (Г. Щербакова); *Хорошо, что была девушка по имени Люда, такая потом умытая, свеженькая, рыженькая, **глаза в солдат-***

скую ложку, и как закатит их вбок – яркая, аж слепит, фарфоровая бель с блеском (В. Астафьев).

Включение предикативной единицы в сферу связей членов предложения может иметь и иной семантико-грамматический характер. Например, в предложении: *Они наняли покойные извозчичьи санцы с сухоньким, ровно со старинной иконы сошел, старцем на облучке* (Л. Леонов) – предикативная единица *ровно со старинной иконы сошел* разорвала связь определения с определяемым словом и оказалась в позиции поясняющего члена к определению-прилагательному *сухонький*. Схожую функцию (значение причинной обусловленности) выполняет предикативная единица в составе такого предложения: *И он [Егор Яковлевич] ушел, а Костик подсел на скамейку румяный и довольный, накупался в речной свежести, и ничего еще не знающий, ничегошеньки* (В. Лидин).

Особенно богат современный синтаксис конструкциями номинативного типа, которые обладают такими качествами, как фрагментарность, сегментированность, что позволяет передать информацию наглядно, легко и быстро. В такие структуры также могут включаться предикативные единицы. Среди них особенно выделяется именительный темы, рожденный речью без специальной подготовки, речью импульсивной. Такие конструкции обладают стилистической легкостью, ступенчатостью в подаче мысли, актуализированным выделением нужных частей высказывания. По типу двучленных конструкций с именительным темы могут быть построены и предложения с различными эквивалентами номинатива. В акцентную позицию (предикативная единица на месте именительного) выдвигается главное в высказывании, коммуникативно наиболее значимая часть. Часто в такой роли выступает придаточная или целый ряд придаточных. Вот некоторые примеры: *Немало не свете великих рек, и что они многоводные и широкие – это, само собой, всех их делает и красивыми* (М. Пришвин); *А вот что хорошего в бесконечно большом и голом поле, – это трудно сказать и мудрому* (М. Горький); *Сшил людям несколько пар сапог, а крепко ли сшил, долго ли проносятся – это было еще не проверено* (В. Овечкин); *Любил ли я кого-нибудь в жизни? Маму любил. Бабушку, несмотря ни на что, любил. А так, чтобы влюбиться в какую-нибудь девчонку, да еще резать из-за нее вены – на это я никогда не был способен* (В. Войнович).

Актуализация фрагментов сложного предложения, осуществляемая в результате инверсии, приводит к позиционному и функциональному уподоблению этих фрагментов именительному темы, что в свою очередь влечет за собой появление местоименного слова в основной части предложения. Обычно таким словом являются формы местоимения *это*, которые, относясь к впереди стоящей части предложения, вбирают в себя

все его содержание. О широкой распространенности предикативных эквивалентов именительного темы говорят многочисленные примеры использования их в периодической печати. Вот некоторые примеры: *Приспособление земных существ к неземным условиям – это реально, переброска их в другие миры – тоже... Но чтобы они изменили облик целой планеты – возможно ли это?* («Вокруг света»); *С кем идти, какую избрать позицию* – на этом замешивались конфликты и жизненные, и драматические (Комс. правда, 1978, 3 февр.); *Но чтобы два ученых мужа, да еще причастных к искусству, могли так варварски отнестись к старине – это иначе как преступлением и назвать нельзя* (С. Голицын).

Эквиваленты именительного темы могут получать предельную грамматическую самостоятельность: *Когда кончится война... От этой отправной формулы исходили сейчас все мечты людей* (С. Никитин); возможно даже отсутствие подхватывающего данную структуру предложения (в заголовках): *Когда компьютеры заговорят о любви...* (Лит. газета, 2001, № 6).

Предикативные единицы в роли членов простого предложения или актуализированных частей сегментированных построений обычно, как уже было сказано, не меняют общего квалификационного качества структур, в которые они входят. Занимая «чужие» синтаксические позиции, они, подчиняясь семантико-структурным связям и отношениям данного предложения, приобретают функциональное значение тех членов, которые замещают, и по существу являются лишь речевыми реализациями общеязыковых структур. Однако свое собственное предикативное качество этих конструкций в каждом конкретном случае все-таки осложняет предикативную основу предложения, а это в свою очередь влечет за собой появление структурных сдвигов. Стабилизация и частотность в употреблении приводит к закреплению подобных синтаксических явлений как явлений переходного типа. Конструкции, включающие предикативные единицы, достаточно подвижны и, следовательно, удобны: они легко подчиняются требованиям актуализированной речи и потому расширяют сферу своего применения, тем более что такие построения имеют уже достаточно длительную историю употребления. Так, например, М. Ломоносов использовал в своих научных сочинениях подобные конструкции: *Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и через то великолепно возвышается* (Краткое руководство к красноречию¹); *Усугубление есть, когда*

¹ Ломоносов, М. В. Полн. собр. соч. Т. VII. Труды по филологии / М. В. Ломоносов. М.; Л., 1952. С. 253.

*одно слово дважды полагается в одном предложении*¹. Очень «сильные» стилистические качества этих конструкций держат их в рамках разговорного стиля. Но как примета разговорности они в настоящее время получили весьма широкое распространение, так как не только не противостоят общему процессу сближения норм литературно-письменного и разговорного языка, но и в значительной степени способствуют ему и находятся в русле этого процесса. Из стилистически замкнутых средств синтаксической экспрессии данные конструкции постепенно переходят в разряд общеупотребительных. Распространение их в газетно-журнальных публикациях, в художественной литературе и даже в литературе научно-популярной – залог «узаконения» подобных построений и одновременно постепенной утраты ими их стилистической отмеченности. Разговорная окраска их используется обычно как средство интимизации речи, создания эффекта непосредственности и неподготовленности. И характерно это для тех видов литературы, для которых очень существенна функция воздействия. «Интенсивное развитие синтаксических конструкций, специальное назначение которых – не просто передать адресату ту или иную информацию, а задержать его внимание на ней, максимально акцентировать ее и тем усилить ее действенность, – заметная черта языкового развития нашей эпохи»². Одна из общих тенденций современного синтаксиса – рост «самостоятельности» зависимых синтаксических единиц, их семантизация. Видимо, именно эта внутренняя закономерность и послужила хорошей почвой для широкого усвоения письменной речью конструкций, предикативно осложненных. Замещение позиций словоформ предикативными единицами – явление стилистическое на уровне речи и не только стилистическое на уровне языка. Это показатель развития абстрагированности и аналитизма и в синтаксической строе. Очевидно, что каждое новое качество рождается в живом, разговорном языке и лишь постепенно вторгается в книжную речь и фиксируется в ней.

Активизация несогласуемых и неуправляемых словоформ

Расчлененность и фрагментарность синтаксических построений, вызванные аналитическими процессами в синтаксисе, сказались и на других явлениях, в частности, в результате усиления этих черт увеличилась продуктивность «свободных» конструкций, расширились связи примыкания и соположения за счет слабоуправляемых и согласуемых. Актуа-

¹ Там же. С. 259.

² Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968. С. 238.

лизировались конструкции с имплицитно представленными синтаксическими связями (без специальных сигналов этих связей).

Ослабленность синтаксической связи и одновременное сжатие конструкций можно обнаружить, например, в таком ярком явлении современного синтаксиса, как чрезмерная активизация форм именительного падежа в общем потоке речи. Уже было сказано о распространении препозитивных и постпозитивных номинативах в сегментных и парцеллированных структурах. Но форма именительного падежа завоевывает все новые и новые позиции.

Экспансия именительного падежа чаще наблюдается в устной речи, где формируется разговорный стиль. Частотность именительного падежа – следствие спонтанности речи, ее неподготовленности, что обнаруживается скорее в стремлении к называнию предметов и явлений, нежели к логическому связыванию их с помощью канонически оформленных словесных блоков. Вербальные средства названия в таких случаях составляют поверхностную структуру речи, а логико-понятийные связи оказываются в глубине как сами собой разумеющиеся.

Влияние устной речи как речи, формирующейся на ходу, на речь письменную сказывается именно в обильном представлении в ней «зависимого» именительного, который выступает как распространитель другого существительного, как обозначение объекта при глаголе, при категории состояния и т. п.¹

Например: *Вот молоко пакет; Как пройти проспект Мира; Вы Серпуховская выходите?* Частично такое оформление мысли перешло в письменную речь: *Москва, проспект Мира, 5* (Ср. адрес, написанный Хлестаковым: *Его благородию, милостливому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санктпетербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо*). Или ср. еще: *Поезд Прага – Варшава* (1896; Вестник министерства путей сообщения: *Пересадочные пассажирские поезда между станциями Прага Терапольская и Варшава Петербургская*); *Шел скорый Приморск – Москва; По маршруту Москва – Петербург; Участок Тверь – Клин*. В сочетании с именительным падежом вовлекается все большее число слов; при них обычно используется именительный падеж кратный: *партия, матч, встреча, дуэт, союз, поединок, история, переписка, проблема* и т. п., например, *Матч Каспаров – Карпов; История Печорин – Грушницкий, Проблема Солнце – Земля; Отношения учитель – ученик*.

¹ См.: Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. М., 1990.

Функционирование формы именительного падежа в зависимых синтаксических позициях – это ослабление синтаксической цепочки. Именительный падеж, таким образом, закрепляется в позициях, свойственных косвенным падежам, используется в пределах предложения, в присловной позиции. Зависимость такой формы поддерживается порядком слов и линейной контактностью расположения.

Некоторые модели с именительным «зависимым» приобрели книжно-письменный характер, например в специальной литературе: *рукопись* объемом 5 а. л.; *на расстоянии пять километров*; *Олимпиада – 2000* (вместо *двухтысячного года*); *Айболит – 66*. Именительный падеж в роли определения – частое явление современной письменной речи: *Проблема номер один*; *«Буря в пустыне» номер два не состоялась* (Лит. газета, 1993, 13 янв.); *Космонавт-100, Восток-2, Молния-1*. Еще пример: *Вместе с ним он отправился на вертолете в горы на ледник, расположенный на высоте 3 тысячи метров над уровнем моря* (Посл. нов., 2001, № 9).

Ступени в синтаксической организации подобных структур вполне очевидны: *Дом под номером двадцать девятым – Дом номер двадцать девять – Дом двадцать девять*. Ср. пример: *Твоя прелестница нынче имеет жительство в Литейной части, на Воскресенской набережной во владении Гасса – это под номером 12* (В. Лавров).

Экспансия именительного падежа осуществляется на широком фоне общей тенденции к ослаблению спаянности компонентов цельнооформленных синтаксических единиц. Особенно это ощущается в речи разговорной, что в определенных стилистических условиях может быть отражено и в речи письменной.

Например: *Сын у меня. Семнадцать лет. Сегодня первый день токарем работает; Село Борки. Псковская область. Литературно-художественный музей. Здесь вы узнаете об истории Великой Отечественной войны в этих местах* (Сов. Россия, 1989, 19 апр.). Ср.: *Сын у меня, семнадцати лет; Село Борки Псковской области*.

«Зависимый» именительный падеж может включаться даже в однородный перечислительный ряд, где соседствуют иные падежные формы: *Одет он был по-дачному: без воротничка, **полотняные туфли*** (И. Эренбург).

Показательно, что именительный падеж может нарушать соотношение грамматических форм, явно указывающих на единого субъекта действия, например: *Все та же ночь, заставшая их двоих в пути. **Старый человек и старый конь. Горит костер на краю оврага*** (Ч. Айтматов). Употреблению формы именительного падежа не помешало здесь даже ее

определительно-конкретизирующее значение (*их двоих, старого человека и старого коня*). Еще примеры: *Ольсен прост и скромн. Тридцати-четырёхлетний, со шкиперской бородкой, по-северному синими глазами. Аккуратный серый костюм, темный галстук. Взгляд сразу останавливается на ордене на лацкане пиджака* (Правда, 1986, 26 июля); *Через несколько дней захожу я в столовую Союза писателей, выбрал свободный столик, подходит согбенный седенький старичок с маленькой бородкой, белые усики... С хозяйственным мешочком в руке* (И. Андроников). Ср. с выраженной синтаксической связью: *Лужин возвращался со станции пешком – полный, унылый господин, придавленный жарой, в белых от пыли башимаках* (В. Набоков); *На Варю смотрел мальчик небольшого роста, с лицом херувима, правильный, путь удлиненный овал лица, высокий лоб, аккуратно уложенные каштановые волосы, прямой коротковатый нос, добрые улыбающиеся голубые глаза* (А. Рыбаков); *Наконец, приехал Де Сика. Кашемировое пальто, перчатки на заячьем пуху – я таких никогда не видел. Седой. Красивый. Маэстро. Рядом с ним я ощущал себя студентом* (В. Маканин); *Анна Антоновна надела свой лучший костюм – синий кримплен, голубая водолазка, янтарная брошь, волосы сделала модным валиком* (Г. Щербакова).

В подобных примерах употребления именительного в зависимой позиции, в функции определительной или определительно-конкретизирующей явно утрачиваются формальные синтагматические связи (падежные окончания, предлоги) и функция слова проявляется в позиционной соотнесенности с другими словами. Ср. еще примеры из одного текста: *Козырь уже прохаживался вдоль тротуара, одетый коммивояжером средней руки: в бровровом картузе, коротком пальто, клетчатых брюках, щегольских белых бурках* (Б. Акунин); *Носильщики тащили за ней чемоданы и шляпные коробки, а рядом, засунув руки в карманы, легкой, танцующей походкой шел красивый молодой человек: узкое пальто с бровровым воротником, американская шляпа, черная ленточка подбранных усиков* (Б. Акунин).

Примерно то же наблюдается в современной рекламе, где «несогласованный» именительный падеж представлен широко в специфических формулах: *Колготки женские, производство Чехии, продаются на 2-м этаже; В большом выборе ликеры – производство Германии; Московский институт предпринимательства и права, госаккредитация № 25-0238, продолжает прием на заочное отделение по специальностям юриспруденция, экономические, менеджмент* (АиФ, 2001, № 2).

Нереализованные грамматические связи обнаруживаются в структуре предложения, когда, например, несогласованные компоненты выпол-

няют свои обычные функциональные задачи, являясь соответствующими членами предложения.

Включение в высказывание компонентов, утративших эксплицитно выраженную грамматическую связь с другими словоформами, приводит к потере грамматической спаянности словоформ, что проявляется в отсутствии реализации словом его грамматической валентности (не реализуется обычно связь согласования и управления).

Характерен и такой случай – с необычной функцией именительного-винительного: *Я осмотрелся по сторонам. Высокий мрачный потолок. Голые стены, совсем пустые* (Б. Акунин). Ср. без парцеллирования четкие грамматические связи при объектной функции словоформ: *Я осмотрелся по сторонам и увидел высокий мрачный потолок, голые стены, совсем пустые.*

Показательны и случаи использования свободных неуправляемых словоформ (особенно в нулевом контексте, в качестве заголовков). Это словоформы в косвенных падежах, «лишенные» управляющей части структуры: *В интересах мира; В гостях у журналистов; В Кремлевском Дворце*. Примеры: *За одним столом со Сталлоне* (АиФ, 1997, 20 мая); *Из Перми в Пермь через Лондон* (АиФ, 1997, 20 мая).

Такие формы могут быть и в контекстуальном окружении, где связь их с другими членами конструкции проявляется неординарно: *С сердцем плохо; Между братьями ссора; С планом порядок; С другом беда; Для него это радость; У бабушки ревматизм*¹. В отличие от свободных словоформ подобные неуправляемые словоформы конструктивно закреплены и не имеют самостоятельного функционального значения. Среди конструктивно-закрепленных словоформ особенно продуктивна конструкция «предлог *с* + твор. п.»²: *С зарплатой задержка; Махинации с товарами; Авантюра с приватизацией; С дисциплиной плохо; Вакханалия с транспортом; Комедия с расследованием* и др. Как правило, подобные сочетания экспрессивны, имеют неодобрительное оценочное значение. Активна также синтаксическая форма родительного количественного в качестве предикативного элемента лаконичных квалификативных предложений разговорного типа: *Молока – залейся* (А. Твардовский); *У нас девчат хороших – табунами ходят* (Ю. Бондарев).

¹ См.: Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи / Н. Ю. Шведова. М., 1960; Русская разговорная речь. М., 1973; Сиротинина, О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. М., 1974.

² См.: Золотова, Г. А. К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с предлогом *с*) / Г. А. Золотова // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966; Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 248.

Так на базе расчлененности синтаксической цепочки в рамках предложения развивается грамматическая самостоятельность отдельных словоформ, переходящих из зависимых позиций в позиции предикативно связанные. Такие структуры экспрессивны, лаконичны.

На базе самостоятельно употребленных словоформ нарождается новый структурный тип предложения, который обычно не отмечается традиционными классификациями, например употребление локальных и темпоральных обстоятельств в самостоятельной позиции: **В городе, по пути на вокзал. Извозчик летит во весь дух, с горы и на мост** (И. Бунин); **На пустынной Преображенской. Снег кружился и ветер выл** (И. Одоевцева); **С утра. В одну из черных пятниц. Уйти – не оправдать надежду...** (Г. Плисецкий); **В вагоне между Смоленском и Варшавой, по дороге в Париж** (Т. Толстая-Сухотина); **Второй день в пустынном Черном море. Начало апреля, с утра свежо и облачно** (И. Бунин); **В тесной, по-московски заставленной мебелью, комнате, где, видно, соблюдается старинный принцип ничего не выбрасывать. Здесь мирно соседствовали письменный стол начала века, чудосочные стулья шестидесятых и молчаливая жаба довоенного телефона** (А. Амлинский).

В схожей позиции могут оказаться и словоформы с другими видами обстоятельственных значений: **Она ушла, унося обиду, только обиду. Но вот шаг за шагом по темному, сырому, неуютному городу, дальше от стен, где остался запертый, охраняемый Коля, и стало расти, расти, расти до – не могу!** (В. Тендряков); **Нога за ногу по мокрым улицам, таща в себе распирающую необъяснимость... Не могло такого случиться, а случилось, не пригрезилось. Звучит в ушах – уходи!** (В. Тендряков).

Рост предложных сочетаний

Для современного русского синтаксиса характерна повышенная роль предложных сочетаний, которые часто приходят на смену беспредложному управлению (ср.: *Ее постели сон бежит.* – А. Пушкин; *И наглядеться я тобою не могу.* – И. Тургенев). Предлоги давно уже пришли на помощь языку в дифференциации передаваемых с помощью падежных форм значений. Современный русский язык даже отдаленно не может сравниться, скажем, с древнерусским по количеству предлогов и предложных сочетаний. Многозначность отдельных падежей давно уже преодолевается предложными конструкциями. Ср., например, многозначность творительного падежа в прошлом: *выйти дверью, окном; ударить человеком; ехать лодкой.* Предлоги помогают дифференцировать значения. Ср.: *Идти лесом – идти около леса; идти по лесу, идти через лес; идти вдоль леса.* С помощью предлога могут приобретаться и новые зна-

чения, в сравнении с беспредложными формами. Ср., например, смыслы известных формул, распространенных в 30-е годы: *Религия – опиум народа* и *Религия – опиум для народа*. В первом случае народ оказывается «творцом»; во втором – субъектом, пассивно воспринимающим религию, навязываемую извне. Особенно возрастает роль предлогов в деловом языке, где точность смысла оказывается первостепенной задачей. Наряду с этим и другие стили и типы речи стремятся к большей точности высказывания, нежели могут дать многозначные и часто неопределенные беспредложные структуры.

На этом общем фоне понятно вовлечение знаменательных частей речи в категорию предложных сочетаний, четко передающих искомый смысл. Например, разрастается сфера употребления предложных сочетаний, главенствующую роль в которых играют соответствующие по смыслу знаменательные имена, – это отыменные предлоги: *в деле, по пути, в области, в смысле, с целью, в целях, в качестве, в порядке, в виде, в направлении, в зависимости от, в соответствии с, во избежание* и др. Такие сочетания больше характеризуют деловую, канцелярского типа переписку; именно такой стилистический оттенок имеют они при распространении в общелитературном языке. Однако в других случаях предложные сочетания, не столь очевидные по своим стилистическим качествам, все-таки заметно вытесняют беспредложные сочетания. Причем на общем фоне победы предложных сочетаний особой активностью отличаются предлоги *с* и *по*, прямо и непосредственно разрушающие словосочетания с сильным глагольным управлением. Ср.: *откладывать отъезд – откладывать с отъездом; закончить уборку – закончить с уборкой; задерживать выплату зарплаты – задерживать с выплатой зарплаты*. Активность предлога *по* уже давно отмечена в литературе¹; ср.: *слесарь-ремонтник – слесарь по ремонту, инженер-технолог – инженер по технологии; преподаватель истории – преподаватель по истории*. Еще в 70-е годы зафиксированы такие официальные наименования: *ателье по ремонту верхнего платья; совет по туризму, программа по добыче алмазов (ср.: программа добычи алмазов); план по выпуску (ср.: план выпуска...)* и т. д.

Наряду с вытеснением беспредложных конструкций предложными происходят некоторые перемещения и замены внутри предложных конструкций. Например, предлог *по* вытесняет другие предлоги, которые уже достаточно укрепились в языке: *заявки на ремонт – заявки по ремонту, говорить о кандидатуре – говорить по кандидатуре; приз за вы-*

¹ Шведова, Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание) / Н. Ю. Шведова. М., 1966. С. 40.

ступление – *приз по выступлению* и др. В буквальном смысле борьбу с переменным успехом ведут предлоги *в* и *на*, изначально точно дифференцированные по значению: *в* (внутри, внутри), *на* (сверху, на поверхности). Ср.: *на Урале, на Кавказе; в Белоруссии, в России, в Сибири; на Карпатах, в Закарпатье*. В последнее время сочетание *на Украине* последовательно стало заменяться сочетанием *в Украине*. Окончательное размежевание в употреблении этих предлогов не произошло до сих пор: мы говорим *на кухне* и *в кухне; на огороде* и *в огороде; на поле* и *в поле*. В XIX в. предложные сочетания с *в* были более употребительными: *в концерте; идти в рынок; жить в улице; быть в маскараде* (ср.: *Не угодно ли вам сегодня пойти в концерт?* – И. Тургенев;... *Надев мужской наряд, Богиня едет в маскарад.* – А. Пушкин). В XIX в. слово *театр* употреблялось в значении «сцена, подмостки», поэтому естественным было сочетание *на театре*¹. Теперь в общем употреблении принята форма *в театре*, хотя форма *на театре* иногда возможна как специфический профессионализм.

Колебания в использовании беспредложного и предложного управления, а также в разных видах предложного управления не изжиты по сей день и представляют значительную трудность в практическом смысле. Недостаточная регламентированность форм управления часто приводит к ненормативным употреблениям, например *оплатить за проезд* вместо *оплатить проезд* (по аналогии с *платить за проезд*) и др. По той же причине – историческим сдвигам – «трудными» для практического применения оказываются предлоги *благодаря, вопреки, согласно*, которые в грамматическом плане преобразовывались на пути к предлогам, сохранив «исторический» след в вариантности употребления с разными падежными формами (*благодаря* кому – чему, а не кого – чего; *вопреки* чему, а не чего; *согласно* чему или *согласно* с чем).

Рост предложных конструкций и уточнение значений падежных форм благодаря специализации значений предлогов, характеризующие современные синтаксические конструкции, свидетельствуют о внутренних процессах в языке, стимулируемых тенденцией к более точной передаче необходимого смысла, поиском адекватных способов дифференциации значений.

Тенденция к смысловой точности высказывания

С этой тенденцией прежде всего связаны изменения в функционировании имен существительных мужского рода при обозначении лиц женского пола.

¹ Горбачевич, К. С. Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. Л., 1971. С. 251.

В современном русском языке чрезвычайно расширился круг существительных для обозначения лиц по роду деятельности. Это наименования должностей, званий, профессий, специальностей, для которых преимущественно используются слова мужского рода: *пилот, врач, доктор, инспектор, бухгалтер, адвокат, прокурор, профессор, доцент, декан, ректор, министр, премьер, президент, математик, лингвист, дипломат, посол* и т. п. Эти наименования могут быть отнесены и к обозначениям лиц мужского пола и лиц женского пола. При разграничении этих значений возникают колебания в координации форм сказуемого и подлежащего, в согласовании прилагательных, причастий и местоимений с данными существительными. Рекомендации грамматик в прошлом и вплоть до середины XX в. сводились к ориентации на форму слова, т. е. при согласовании и координации учитывать мужской род имен, независимо от того, кого конкретно называют эти имена – мужчину или женщину. Хотя Грамматика-80 фиксирует, что «в разговорной, непринужденной речи активно распространяются употребления типа *врач пришла, бригадир уехала в поле* (реже – сочетания *новая бригадир, прекрасная врач*)»¹. Следовательно, допускается отход от грамматической традиции, но в рамках некодифицированного языка.

Поскольку наиболее часто новые нормы приходят из живого употребления и разговорная речь является сейчас основным источником корректировки нормы, понятно широкое распространение так называемого «согласования по смыслу». Официально-деловая речь, как наиболее консервативная сфера функционирования языка, сохраняет ориентацию на грамматическую форму, и потому в документальной литературе и деловой переписке наименования лиц по должности, званию, специальности, профессии и т. п., имеющие форму мужского рода, требуют соответствующих форм сказуемого и определений, например: *Доктор сделал доклад* (даже если имеется в виду доктор-женщина); *Иванова – хороший врач*, но: *Доктор Иванова сделала доклад*. В официальной ситуации принадлежность к полу не играет существенной роли, важно, что это за специалист, какова профессия лица. В разговорно-бытовой речи, более конкретной и предметной по содержанию, ситуация меняется и более корректными по смыслу оказываются формы, точно передающие содержание.

Массовая печать конца XX в., активно включающая в свой язык разговорные элементы, и в данном случае предпочитает смысл форме, создавая, таким образом, почву для нормативной вариантности. Тем более

¹ Русская грамматика. В 2 т. М., 1980. С. 467–468.

что контекстуальные условия часто лишают пишущего выбора, в частности при указании в тексте на конкретные признаки лица. Например, в статье о тибетской медицине «Лечит доктор Долма» (Лит. газета, 1984, 1 мая) есть текст: *Доктор **худощава**, невысокого роста, У нее спокойные, смуглые руки. Она берет больного за кисти и уверенно говорит, прощупывая пульс: «Ушибли спину несколько лет назад»;* еще пример: *Начинается суд над фармацевтом, **отравившей своего бывшего мужа**, его беременную жену, двух детей и собаку* (МК, 1995, 24 окт.). А вот примеры, лишенные указаний на реальный пол, кроме собственно формы сказуемого: *Дирижер **объявила** голодовку* (МК, 1993, 12 мая); *Вынося политику за скобки литературы, **критик столь размашиста**, что не знаешь, право, к какому жанру отнести «Лев Толстой как зеркало русской революции»* (Сов. культура, 1988, 29 сент.); *Пилот до последнего **пыталась** мягко посадить машину, но, видимо, из-за небольшого наклона поля Ми-2 упал прямо на нос* (МК, 1995, 16 сент.).

Дифференциация форм типа *секретарь сказал, сказала; директор уехал, уехала* свидетельствует о тесной связи лексики (значение), морфологии (формирование категории общего рода) и синтаксиса (синтаксическая связь координации и согласования). Авторы монографии «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» (М., 1968) склонны считать, что в данном случае речь идет о формировании категории общего рода: «Форма муж. р., наряду со своей способностью обозначать лицо мужского пола, приобрела способность обозначать лицо в отвлечении от пола, т. е. выступать в функции общего рода» (С. 21), т. е. наблюдается ситуация, схожая с функционированием имен типа «неряха», «забияка» и др. В таком случае акцент делается на формировании морфологической категории, причиной которого послужили новые социальные условия – профессии сугубо мужские становятся и женскими. Помещая разговор о данном явлении в разделе синтаксиса, мы акцентируем внимание на вопросах координации и согласования в строе предложения и оставляем в стороне вопрос о статусе грамматической категории общего рода, хотя, естественно, и то и другое взаимно связано, и скрепляющим эту связь оказывается смысл.

В настоящее время аналитические средства выражения рода (семантического пола) реально выступают у значительного числа имен существительных со значением лица, которые не имеют оппозиции «мужской – женский род»: *автор, агент, антрепренер, балетмейстер, баснописец, библиофил, востоковед, гинеколог, групповод, дегустатор, директор, жонглер, информатор, оператор, лауреат, нотариус, прозаик, психолог, ревизор, суфлер, уролог, фотограф, хирург, эксперт, электрик, юрискон-*

сульт, языковед и мн. др. Если в тексте нет указаний на реальное лицо (мужчину или женщину), то сочетания типа *секретарь выдал справку, хороший врач, известный математик* и т. п. могут быть восприняты двояко, но скорее всего как сообщение отвлеченного характера, когда конкретный пол должностного лица не играет существенной роли.

Надо сказать, что в средствах массовой информации последних лет наметилась довольно четкая дифференциация в обозначении лиц мужского и женского пола. Стремление к точности информации привело к последовательному использованию аналитических форм при сообщении о лицах женского пола и, вследствие этого, сочетания типа «Корреспондент побывал на месте происшествия» обозначает, что корреспондент – мужчина. Для обозначения женщины-корреспондента была бы избрана иная форма сказуемого-глагола: «Корреспондент побывала на месте происшествия».

Таким образом, неформальная связь указанных существительных с глаголами (и прилагательными) становится все более устойчивой и нейтральной. Стремление к смысловой точности высказывания обнаруживается и при сочетании некоторых других типов имен, выполняющих функцию подлежащего, с глаголами-сказуемыми. В данном случае имеется в виду формальная оппозиция чисел – единственного и множественного. Подлежащие, выраженные собирательными существительными (*большинство, меньшинство*), определенно-количественными или неопределенно-количественными сочетаниями (*двое студентов; много, мало предметов; несколько человек*), оформляют свою связь со сказуемыми-глаголами двояко: формально, по недавней кодифицированной норме, в сказуемом используется форма единственного числа (*Большинство депутатов явилось на заседание; Много книг лежало на столе; Несколько студентов не прибыло на сессию*). Однако смысл обозначаемого подлежащим количества – определенного или неопределенного – требует формы множественного числа в сказуемом. Тенденция в выборе форм на сегодняшний день очевидна: формальное уподобление форм отступает под напором смысла, особенно если речь идет о множестве лиц, а не предметов. То же наблюдается, когда в состав подлежащего включаются слова типа *более, менее; часть, группа* (с зависимой формой родительного падежа) и др.

Некоторые примеры: *Работает машина, заменяющая труд ста человек, а вокруг стоят сто человек и смотрят, как она работает* (Лит. газета, 1973, 14 марта); *В городе Уамбаго [Ангола] погибли 24 и ранены 67 человек* (Изв., 1978, 11 ноября); *В Москве в понедельник открылся 5-й съезд Союза архитекторов России. В его работе принимают участие*

более 640 делегатов из различных регионов РФ (Труд, 2000, 3 окт.); На другой день несколько десятков мужчин и женщин стояли у ворот больницы (М. Горький); Множество мельчайших морских обитателей живут один год и к зиме умирают (К. Паустовский); Большинство писателей пишут по утрам, некоторые пишут и днем и очень немногие – ночью (К. Паустовский); На борту теплохода находились 295 советских туристов и экипаж в количестве 129 человек (Сов. Россия, 1988, 19 мая); В 1915-м в битве при Галлиполи погибли так много коней, что земля не могла вместить все трупы (Посл. новости, 2001, № 4); Снова несчетное число людей обречены на призрачное существование (Моск. нов., 1993, 6 июня);... Неудобно, мол, без диплома даже замуж выйти. Все это и привело к тому, что определенная часть студентов стали учиться по принципу: Институт – как трамвай, раз вскошил, значит, довезет до конца (Комс. правда, 1986, 24 июня); В узком коридорчике юридической консультации в ожидании своей очереди сидели человек восемь (В. Белов).

И, наконец, такой пример, явно выпадающий из рамок литературности, но характерный по создавшейся ситуации: В последний раз «Назарет» приезжали к нам пять лет назад. Что изменилось в группе за это время? (МК, 1996, 9 февр.). Речь идет о группе ветеранов мирового рока. Как видим, в основной части предложения даже не названо слово «группа» и согласование напрямую связано со смыслом.

Усиливает позицию формы множественного числа наличие деепричастного оборота при сказуемом или обособленного определения, или придаточной части предложения при подлежащем: Несколько человек, схватившись за руки, опрокинулись спинами на тех, кто сзади (М. Горький); Большинство студентов, приехавших на сессию, были хорошо подготовлены по всем дисциплинам; Ряд вопросов, которые были выдвинуты выступавшими, еще не были подвергнуты рассмотрению.

Постановка сказуемого во множественном числе в подобных случаях стала очевидной тенденцией в последнее время. Она наметилась еще в 70-е годы и заметно активизировалась к концу XX в. Это не значит, что формальное согласование исчезло. Главный результат этой тенденции – возникновение вариантов. Дифференциация их использования определяется речевой ситуацией, общей стилистикой текста. Так, например, формальное согласование сохраняется параллельно со смысловым при обозначении неодушевленных предметов и почти сходит на нет при обозначении лиц. Дольше держится в строгих стилях речи (научном, официальном) и резко сокращается в стилях разговорных и близких к ним. Оно особенно характерно при наличии неопределенно-количественных соче-

таний с подчеркнутой специальными словами (типа *около*, *довольно*) собирательностью или при выражении страдательного значения, например: *Взрывом было убито около сорока человек* (К. Паустовский); *Несколько пыльных электрических лампочек то гасло, то тускло разгоралось* (К. Паустовский); *Дверь выбили. «Александр Иванович, Александр Иванович!» – заревело несколько голосов* (В. Набоков); *По разным данным, от пятисот миллионов до миллиарда человек постоянно недоедает* (Лит. газета, 1981, 15 апр.).

Смысловое согласование встречалось эпизодически еще в XIX в., хотя преобладало формальное, ср.: *В ауле множество собак встретило нас громким лаем* (М. Лермонтов); *Несколько саней провожали меня до первой станции* (А. Герцен). Интересно сочетание разных форм в некоторых текстах А. Пушкина: *Вкруг нее стоит грозная стража, на плечах топорики держат; Человек полтора ста солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал* (подчеркивается совместность и раздельность действий).

Таким образом, на фоне общей тенденции к использованию форм множественного числа у сказуемого при подлежащих, обозначающих не единичные предметы (определенное, неопределенное или приблизительное количество), существует ряд контекстуальных условий, которые регламентируют выбор форм единственного или множественного числа у сказуемого. Эти условия могут быть семантического, грамматического и стилистического плана. Позиции форм множественного числа усиливаются при наличии в предложении дополнительных указаний на множественность действующих лиц или предметов, а также на расчлененность их действий. Особенно эти условия действуют при обозначении лиц, в меньшей степени – предметов. Дополнительные условия контекста оказываются эффективными даже при выражении определенного количества в составе подлежащего, включающего в себя числительное *один*, ср.: *Тридцать один студент прибыл на экзаменационную сессию. – Тридцать один студент **встретились** перед началом сессии* (глагол *встретились* указывает на совместность действия); *Большинство группы **проголосовало** за выдвинутое предложение. – Большинство группы уже **заняли** предоставленные им места в аудитории* (значение расчлененности). А вот примеры без дополнительных контекстуальных указаний на множественность: *Готовы к старту в любую минуту сто девяносто один истребитель* (В. Пикуль); *21 человек арестованы, а следствие устанавливает все новые и новые имена принимавших участие в противозаконных сделках* (Сов. Россия, 1990, 29 апр.)

Интересен следующий пример: *Сотня с лязгом сваливает в одну кучу винтовки, и по одному, по два, кучками идут в распахнутые ворота совхоза* (М. Шолохов). Форма существительного обобщенного значения *сотня* не может сочетаться с формой множественного числа в сказуемом по своей грамматической сущности (ср.: *сто человек идут...*), но, с другой стороны, контекстуальные указания на расчлененность действий лиц, составляющих эту «сотню» (*по одному, по два, кучками*), не допускают формы единственного числа в сказуемом из-за смысловой абсурдности такого сочетания. Более того, разнооформленность сказуемых приводит и к грамматической расчлененности синтаксической конструкции в целом: простое предложение с двумя однородными сказуемыми при одном общем подлежащем распадается на две самостоятельные части, являя собою уже предложение сложное.

Итак, стремление к смысловой точности, свойственное языку как его потенция, в случае оформления грамматических связей между подлежащим и сказуемым обнаруживается и осуществляется на уровне конкретных высказываний. В конце концов смысл диктует условия грамматике, рождая новые варианты синтаксического поведения форм.

Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция

В синтаксисе, в том числе в предложении как основной единице синтаксиса, в большей степени, чем в других единицах языка (фонеме, морфеме, слове), отражается внеязыковая действительность. В нем передаются связи и отношения между понятиями, предметами, явлениями окружающего человека мира и постигаемого человеком мира. С помощью суждений и умозаключений о мире вещей, облеченных в форму предложений, передается отношение к этому внешнему для языка миру. И потому для пользующегося языком оказывается эта форма небезразличной. В процессе функционирования языка форма развивается, становясь адекватной и все более удобной и эффективной. Немаловажное значение в этом процессе имеет отражение стремления к более компактным, экономным способам выражения. Пути достижения этого – разные, но безусловно, что одним из этих путей является избавление от словесной избыточности компонентов синтаксических построений. Такие качества синтаксических единиц, как смысловая емкость и одновременно словесная сжатость, в ряде речевых ситуаций оказываются не только желаемыми, но и необходимыми. И возможности развитого языка в этом отношении поистине неограниченные. И чем дольше живет язык, тем больше он развивает свои возможности, превращая их, при необходимости, в реальность. Подчиняясь структуре мысли, синтаксис экономит свои средства, постоянно работая в поисковом режиме. Одним из проявлений этих

поисков может служить синтаксическая компрессия и редукция. Это выпадение из логически развернутых конструкций избыточных словесных компонентов и синтаксическое объединение оставшихся при полном сохранении семантико-синтаксического значения исходных, глубинных структур. Имеется в виду словесная представленность в речи только тех компонентов высказывания, которые являются целевыми для данного высказывания, рассчитанного на адекватность восприятия акцентированного смысла. А внутренние логико-грамматические и семантические связи при этом остаются имплицитными. Поверхностная структура, т. е. словесно представленная, оказывается в таком случае в той или иной степени смещенной, неадекватной количеству компонентов структуры глубинной, развернутой в логико-смысловом отношении. Такая сжатость подачи информации особенно свойственна разговорной речи, когда обстановка и ситуация помогают в передаче мысли, а также в речи поэтической, где словесная оболочка высказывания всегда меньше, чем заключенный в ней смысл.

Синтаксическая компрессия обнаруживается и на уровне словосочетания, и на уровне предложения. Как правило, опускается внутреннее звено конструкции при сохранении крайних, но именно в них и заключается нужный, искомый смысл. Обе позиции членов конструкции оказываются актуализированными, причем в результате контактного расположения оставшиеся члены конструкции функционально преобразуются, что сказывается на характере их синтаксической связи.

Примером могут служить опрощенные многочленные сочетания типа *библиотека на общественных началах, кофе из Бразилии, рисунок карандашом* и т. п., в которых благодаря отсутствию глагольного слова (причастия) происходит перераспределение синтаксических связей, что качественно меняет грамматический облик конструкции: *библиотека, организованная на общественных началах; рисунок, выполненный карандашом; кофе, привезенный из Бразилии*. В приведенных случаях глагольная зависимость словоформ *на общественных началах, карандашом, из Бразилии* уступает место зависимости субстантивной, что сказывается на функциональных качествах этих словоформ: объектная функция (*выполненный карандашом*) и обстоятельственная (*привезенный из Бразилии; организованная на общественных началах*) замещаются определительной, так как указанные формы прикрепляются к именам существительным, которые, естественно, предполагают определительные распространители. В результате – никакой потери в смысле, речевая экономия и видоизменение грамматической функции и синтаксической связи.

Подобных примеров опрощения словосочетаний довольно много. Вот некоторые из них: *Москва ночью, шашлык по-карски, заявление на*

конкурс, этюды маслом, очередь на квартиру, раствор из сахара, варенье из вишни, варенье на меду, операция на сердце и т. п.¹. Конечно, нельзя утверждать, что любое именное словосочетание подобного рода непременно произошло от развернутого глагольно-именного. По сложившейся уже модели многие словосочетания образуются, минуя предполагаемую стадию, при непосредственном соединении именных форм. Ср. функциональную схожесть определений согласованного и несогласованного – *бразильский кофе, кофе из Бразилии*, однако во втором случае все-таки ощущается вторичность синтаксической связи, тем более что такие параллели не всегда оказываются корректными, например относительно словосочетаний *шахлык по-карски* или *встреча у обелиска*, где обстоятельственный оттенок достаточно сильный и замена практически невозможна.

Синтаксическую компрессию можно усмотреть и в некоторых типах предложений, в частности в заголовочных структурах с нулевой представленностью сказуемых: *Городам – чистый воздух; Вузы – народному хозяйству, Горному земледелию – промышленную базу, Ученые – родине.*

Условием для появления компрессивных структур является внутреннее качество языка, основанное на противоречивости самого языкового знака, его асимметричности. Это противоречие заключается в том, что на уровне означаемых обычно бывает больше единиц (единиц смысла), чем на уровне означающих (единиц словесно представленных). Этот разрыв может быть большим или меньшим, и при конструировании связной речи его можно использовать в двух направлениях: либо развертывая высказывание, в той или иной степени сближая означающее с означаемым, либо, наоборот, свертывая его, сжимая до определенного предела, руководствуясь при этом критерием сохранения общего смысла. Во втором случае и возникает синтаксическая компрессия, словесное сжатие высказывания, в котором какие-то элементы смысла будут представлены имплицитно, например: *Глава первая, в которой Фандорин попадает под арест* (Б. Акунин). В этом предложении есть единицы смысла, которые словесно не представлены: *Глава первая, в которой* [рассказывается о том, как] *Фандорин попадает под арест*. Еще пример: *Гоголь был странным созданием, но гений всегда странен: только здоровая посредственность кажется благородному читателю мудрым, старым другом, любезно обогащающим его, читателя, представление о жизни* (В. Набоков). В этом предложении компрессивна первая часть, о чем свидетель-

¹ См. о подобных сочетаниях: *Шведова, Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание) / Н. Ю. Шведова. М., 1966; *Акимова, Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. М., 1990.

ствуется «необычное» употребление союза «но». Его значение никак не стыкуется со следующей частью предложения. Логическое развертывание высказывания помогает установить изначальную смысловую уступительно-противительную связь: *Гоголь был странным созданием, но [это и не удивительно, так как] гений всегда странен*. В примере: *Музыкальная одаренность Скрябина обнаружилась очень рано, но музыкальная одаренность вообще проявляется рано* (А. Рекемчук) – также есть имплицитная часть: *Музыкальная одаренность Скрябина обнаружилась очень рано, но [это и не удивительно, так как] музыкальная одаренность вообще проявляется рано*.

Широко распространена синтаксическая компрессия в разговорной речи, в результате союзы часто меняют свои привычные функции, реагируя на смысловые и структурные смещения. В этом смысле интересна, например, судьба альтернативного союза *a to (a ne to)*: *Не забудь взять в школу тетради, а не то получишь плохую оценку*. В данном случае имплицитна условная придаточная, отсутствие которой и преобразовало союз: *Не забудь взять в школу тетради, а если забудешь, то получишь плохую оценку*. Сопоставительный союз *a* присоединяет сложноподчиненное предложение с условной связью (*если... то*). Еще пример: *Если хотите успеть на самолет, то автобусная остановка рядом*. Ср.: *Если хотите успеть на самолет, то [имейте в виду, что] автобусная остановка [находится] рядом*.

Структурное сжатие, стремление к компактности высказывания может путем сокрытия цепи синтаксических связей привести к смысловым смещениям, на базе которых появляются новые оттенки смысла и новые словосочетания. Например, расширение значения термина «экология» в современном языке произошло именно благодаря реализации ненормативных связей слова в новых контекстуальных условиях. Современные словосочетания типа *экологическое производство, экологическая этика, экология науки* и др. стали возможными из-за подчеркивания в слове приобретенного значения «безвредный», появившегося в результате перераспределения и смешения синтаксических связей, например, *экологическое производство* – это производство, осуществляющее свою деятельность с учетом экологии, т. е. не нарушая баланса в окружающей среде, не загрязняя атмосферу и т. д.

К явлениям синтаксической компрессии можно отнести и скрытую диалогизацию и вторичную предикацию. Например, стихотворение М. Лермонтова «Родина» начинается так: *Люблю отчизну я, но странною любовью*. Логическое ударение на слове «люблю» заставляет воспринимать эту фразу как некий ответ незримому оппоненту, якобы упре-

кающему поэту в нелюбви к родине, т. е. фраза указывает на предшествующий словесно не представленный текст. Пример на вторичную предикацию: *Он застал ее в полном здравии* (он застал ее и она была в полном здравии).

Другое явление синтаксического сжатия структур – это **синтаксическая редукция**, очень распространенная в современном языке. Синтаксическая редукция понимается как отсечение необходимого грамматического звена в синтаксической структуре. Результат – сокращение словесных компонентов. Это выражения типа: *Фирма гарантирует* (что? кому?); *Тема волнует* (чем? кого?); *Теннисисты радуют* (кого? чем?); *Высокое звание обязывает* (к чему?); *Портрет на фоне* (чего? – передача на ТВ) и др. На базе редукции в настоящее время образовались специфические официальные термины (с отсеченным управлением): *движение несопротивления*; *политика быстрого реагирования*; *мирное урегулирование*; *группа немедленного реагирования*; *страны содружества*; *ближневосточное урегулирование*, например: *Были заключены договоренности о мирном урегулировании с умеренными лидерами сикхов в штате Пенджаб (Индия)* (Изв., 1991, 22 мая).

Синтаксическую компрессию и синтаксическую редукцию можно рассматривать как чисто грамматическое явление – тогда это прямо связывается с общими тенденциями в развитии русского языка, которые, в частности, проявляются в действующем законе экономии речевых средств. С другой стороны, явление это интересно и как стилеобразующее, так как компрессивные и редуцированные структуры прямо связаны с определенными стилевыми сферами общения: их процент возрастает на пути к стилям неофициальным (исключая терминологически значимые редуцированные словосочетания) и спадает на пути к официально-деловому письму.

Компрессия и редукция – явления одного плана; появление их делает речь более лаконичной, сжатой. Издавна краткость в изложении почиталась как добродетель. В высшей степени сдержанностью в речи отличались, например, спартанцы. Недаром «лаконизм» как слово образовано от Лаконии, второго наименования Спарты.

Синтаксическая компрессия сопровождает построение любого связного текста, особенно современного, поскольку последовательное нарастание новой информации – от высказывания к высказыванию – только через рематические компоненты создает чрезмерно избыточную словесную форму, которая оказывается, естественно, неудобной, особенно в речи, рассчитанной на эффект информационной или художественной целесообразности. При четком соблюдении тема-рематических последова-

тельностью ощущается явная перегруженность повторной информацией, и создающими эту перегруженность оказываются тематические компоненты высказывания. Поэтому возникает необходимость и возможность прерывать последовательности путем включения новой информации сразу в тему, минуя такую ступень в ее подаче, как представление. В таком случае пошаговая тематизация ремы исчезает и собственно рематических компонентов высказывания в тексте оказывается больше, чем тематических. Происходит сжатие двух или нескольких сообщений в одно. Логически развернутая структура сжимается, сохраняя при этом лишь компоненты, несущие новую информацию.

Синтаксическая компрессия и редукция лежат и в основе появления композитов, сложных слов на базе словосочетаний: *безотходка* (безотходная технология), *обезличка* (обезличенная продажа) и т. д.

Ослабление синтаксической связи

Ослабление синтаксической связи проявляется через ослабление падежных функций в рамках предложения, сегментированных и парцелированных построений. Самостоятельное употребление несогласуемых и неуправляемых словоформ, экспансия именительного падежа, в частности употребление его в зависимой позиции, выражение грамматического значения вне слова как члена предложения, усиление процесса смысловой и позиционной актуализации информационно значимых единиц, увеличение количества несклоняемых имен, отсечение управляемых имен в подчинительных словосочетаниях с обязательными распространителями, – все это так или иначе приводит к ослаблению синтаксической связи, часто к замене сильных связей согласования и управления свободным примыканием, соположением форм. Факты эти еще не устоялись, находятся, так сказать, в процессе внедрения, однако уже заметно меняют облик традиционного классического синтаксиса, во всяком случае, расшатывают представление о незыблемости его нормативности.

В связи с этим встает вопрос о природе подчинительной связи как таковой. Почему становится возможным игнорирование, казалось бы, устойчивых правил формально-грамматического соединения словоформ в потоке связной речи? И всегда ли эти отступления от привычных правил являются нарушениями, ошибками при недостаточной грамотности речи? Или это процессы, обеспечивающие движение в языке, процессы, вскрывающие внутренние возможности языка?

В какой-то степени свободное поведение словоформ в составе предложения или его сегментов объясняется самой природой подчинительной связи – словесной или предложенческой. Дело в том, что природа сочинительной связи в большинстве случаев не представляет предмета

для лингвистических споров – она признается категорией предложенческого уровня [соединение однородных словоформ, как правило, исключается из разряда словосочетаний, кроме небольшого числа объединений семантически обобщенного, фразеологизированного типа – *муж и жена* (супруги), *день и ночь* (сутки)]. Сложнее обстоит дело со связью подчинительной: какого она типа – словесного (и значит обнаруживается в словосочетании) или предложенческого (т. е. рождается в предложении). На этот счет до сих пор существует два мнения, хотя преобладает позиция о словесной, точнее частеречной, природе этой связи. Б. Н. Головин, например, отмечает, что виды подчинительной связи, хотя и обслуживают синтаксис, но по природе своей являются морфологическими, ибо и согласуются, и управляют, и примыкают не члены предложения, а части речи¹.

Наиболее наглядным и убедительным материалом для ответа на этот вопрос оказывается рассмотрение словосочетаний со слабоуправляемыми предложно-падежными формами, так как они в составе предложения способны трансформироваться и, таким образом, зависимые словоформы могут либо «уменьшать» свою грамматическую зависимость, либо вообще ее снимать и переходить в другие словосочетания, т. е. обнаруживать двойную синтаксическую зависимость, например: *Прошла неделя после знакомства* (А. Чехов). Словоформа *после знакомства* контактирует с именем *неделя*, возникает определительная функция, но с таким же успехом эта словоформа может быть отнесена и к глаголу (*прошла после знакомства*). В какое же словосочетание входит эта словоформа – в субстантивное или глагольное? Если возможно и то и другое, то, видимо, эти отношения выходят за рамки частеречных, т. е. морфологических категорий. На базе этого предложения вообще можно построить ряд других и, таким образом, перераспределить все внутренние связи: *Неделя после знакомства // прошла; После знакомства II прошла неделя; Неделя прошла, после знакомства; Неделя прошла. После знакомства.*

Синтаксические связи этой словоформы определяет словорасположение, интонация, диктуемые коммуникативным заданием конкретного предложения. Следовательно, эта связь формируется в предложении и словосочетанию не свойственна. Наличие такой двусторонней связи свидетельствует о ее предложенческой природе, а не частеречной.

Еще пример: *Пассажиры, с мешками, сундуками и чемоданами, стали выходить из вагонов* (В. Панова). Обособление дает возможность подчеркнуть как бы промежуточное положение словоформ *с мешками,*

¹ Головин, Б. Н. К вопросу о языковой природе словосочетаний / Б. Н. Головин // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Вып. 99. Горький, 1970.

сундуками и чемоданами. Но возможна и только субстантивная связь, и только глагольная. Конечно, для появления двусторонней связи недостаточно только обособления предложно-падежной формы, т. е. придания ей относительной самостоятельности. Необходима также и чисто лексическая сочетаемость – либо только с именем, либо с глаголом. Без этого двусторонняя связь не обнаружится даже при обособлении: *Жарким летом 1914 года, с засухой и полным затмением солнца, я жил на даче* (Б. Пастернак). *Засуха и затмение солнца* связаны семантически только с *летом*, и потому глагольная связь отпадает. Так что запрет здесь чисто лексико-семантический, а отнюдь не грамматический.

При возможности перераспределения связей большую роль, на наш взгляд, играет грамматический контекст. Например, у К. Симонова есть такая строка: *Трубка после обеда. Конец трудового дня*. Определительные отношения оказываются единственно приемлемыми только потому, что далее идет номинативное предложение (*Конец трудового дня*). По аналогии и предложение *Трубка после обеда* воспринимается как номинативное с определительным распространителем. Если же преобразовать это предложение в двусоставное с нулевым сказуемым (*Трубка – после обеда*), то номинативное предложение (*Конец трудового дня*) окажется некорректным в данном грамматическом контексте. Но возможным будет иной грамматический контекст: *Трубка – после обеда. В конце трудового дня*.

Наблюдения над использованием двойной синтаксической связи приводят к выводу, что связи проявляются в контексте предложения и именно поэтому оказываются относительно свободными, т. е. они не диктуются только морфологическими свойствами слов. Морфологические свойства – это лишь базовый потенциал, которым можно воспользоваться, исходя из требований контекста. Жесткие односторонние связи – это тоже не столько морфологические категории (по Головину), сколько ограниченные грамматическим контекстом категории синтаксические.

Свободное функционирование в составе предложения некоторых предложно-падежных форм свидетельствует о том, что связи и отношения этих форм с другими строятся в структуре предложения. Особенно сложны синтаксические связи при наличии двух (и более) зависимых словоформ, например: *Мать Куприна устроилась во вдовый дом в Москве, на Кудринской площади* (К. Паустовский); *Из корпуса Куприн перешел в Александровское училище в Москве* (К. Паустовский). В первом примере сочетание *вдовый дом в Москве* можно рассматривать как *вдовый дом, находящийся в Москве*, но, наряду с этим, можно усмотреть и другую за-

висимость: *Устроилась во вдовый дом; устроилась в Москве*; значит, словоформа *в Москве* проявляет двойную зависимость – и субстантивную и глагольную. Во втором примере – *Перешел в юнкерское училище в Москве* – *в Москве* включается только в субстантивное сочетание, так как имеется грамматический запрет на вторую возможность – *перешел в Москве* некорректно. Как видим, ощущается влияние грамматического контекста.

В примере *С потухшими глазами, с пугливой синью губ, упал он на колени, обняв холодный труп* (С. Есенин) усматривается отношение обособленного определения к местоимению и к глаголу.

Наличие двусторонней связи объясняет многие синтаксические явления, довольно спорные с точки зрения их лингвистической квалификации. Например, только двусторонней связью можно объяснить объединения при помощи союза и морфологически разных членов предложения типа: *Усталый и ни на кого не глядя, он вышел из комнаты*; *Довольный, но чуть-чуть робея, в гвардейский полк придет он* (С. Шипачев); *Петя, сконфуженный холодным тоном Денисова и предполагая, что причиной этого тона было положение его панталон, так, чтобы никто этого не заметил, под шинелью поправлял взбившиеся панталоны, стараясь иметь вид как можно воинственнее* (Л. Толстой). Сложное переплетение синтаксических связей привело к такой контаминации, кстати, объединяющей оказалась синтаксическая функция, а не морфологическая форма слова. Еще пример (без союза *и*): *Петр сидел на троне молча, угрюмый* (А. Толстой).

Двусторонняя синтаксическая связь проливает свет и на предложения, построенные по схеме «имя в им. п. + предложно-падежная форма» типа: *Корпуса над морем*; *Присяга у обелиска*; *Зима в Ялте*; *Снег на Яйле*. Известно, что не только в исследовательских изысканиях, но и в учебной литературе такие предложения трактуются по-разному: то как номинативные предложения, то как двусоставные эллиптические, понимается предложно-падежная словоформа либо как определение, либо как обстоятельство. Решающую роль здесь выполняет грамматический контекст, то, в какую грамматическую среду попадет эта словоформа, способная проявить двойную синтаксическую зависимость. Кстати, перестановка слов в подобных конструкциях ломает эту двойственность восприятия – лишает структуру возможности предстать в виде номинативного предложения, ср.: *В Ялте – зима, На Яйле – снег*.

Двусторонняя связь может быть обнаружена не только при сопоставлении субстантивной зависимости и глагольной, но и в других случаях, например при сочетании определений (*черная с проседью борода*;

черная с проседью и борода с проседью; получим: черная борода с проседью).

Итак, наличие двусторонней синтаксической связи приводит к выводу, что подчинительная связь – это все-таки категория синтаксическая, именно предложенческая, а не морфологическая (словосочетание распадается под влиянием грамматического контекста). Потенциально она заложена в морфологии, но проявляется в синтаксисе. Двусторонняя синтаксическая связь объясняет ряд синтаксических явлений современного русского языка: 1) появление некоторых типов номинативных предложений с обстоятельственными распространителями, а не только определительными (*Зима в Ялте; Ягоды в лукошке*); 2) возможную сочетаемость формально разнородных (морфологически разнородных) членов предложения (*Усталый и ни на кого не глядя*); 3) синтаксическую гибкость слабого управления; управление легко переходит в свободное примыкание, если предложно-падежная форма оказывается рядом с именем, и утрачивается вовсе как связь зависимости от отдельного слова, если появляется детерминант (*В Ялте – зима*).

Таким образом, в предложении формируются «свои» синтаксические связи, подчас разрывающие связи компонентов словосочетания. Предложение – это та сфера, где обретает жизнь и словосочетание, если имеется односторонняя синтаксическая связь, и отдельная словоформа, если это словосочетание распадается под воздействием грамматического контекста. Благодаря тому, что предложенческая связь может быть достаточно свободна, и возникает возможность приспособления словоформ к нуждам целенаправленного общения. На базе этой свободы и рождаются новые синтаксические построения, делающие современную речь в структурном плане более актуализированной и экспрессивной. Ср., например, уже рассмотренные неуправляемые свободные словоформы в косвенных падежах: *У обелиска; В гостях у журналистов; Без права на ошибку*.

Соотношение аффективного и интеллектуального в сфере синтаксиса

Вопрос об этом соотношении не случаен. Он достаточно актуален, поскольку рассмотрение языка в коммуникативно-прагматическом аспекте выявляет две основные разновидности в рамках современного единого национального языка – книжную и разговорную, исторически сформировавшиеся на базе письменной и устной речи.

Современное функционирование русского языка свидетельствует о возросшей роли разговорной речи в процессе становления новых тенденций в языке. И активизируют эти процессы СМИ. «Непропорцио-

нальное разрастание отдельных микросистем, ломка устойчивых языковых моделей, словообразовательная избыточность, неумеренные лексические перемещения от периферии к центру»¹ обнаруживаются именно и прежде всего в языке массовой печати.

Если учесть, что язык СМИ совмещает в себе функции сообщения и воздействия, «речевой стандарт и экспрессию» (по В. Г. Костомарову), то понятным станет активное разрастание конструкций экспрессивного синтаксиса.

Экспрессивность на синтаксическом уровне создается специфическими конструкциями, которые формируются актуализированным порядком слов, сегментацией, эллиптичностью построений, введением аффективных разговорных форм и т. д. Одно и то же сообщение, одну и ту же реакцию на какое-либо явление действительности можно оформить по-разному, с разной долей интеллектуального и аффективного начала. Логическая, интеллектуальная сторона сообщения преобладает в научных, официальных текстах; аффективная – в текстах бытовых, публицистических, художественных.

Ср., например: *Он подошел к стойке и попросил виски. Двойную порцию. Без соды* (Н. Ильина). – *Он подошел к стойке и попросил двойную порцию виски без соды; ... Вовремя вспомнил, что сейчас какой-то популярный ТВ-фильм, народ жаждет, а значит, полный вперед и проверь! – и вот уже иду, руки в карманы. И сразу на этаж, в квартиру Соболевых, где и обнаружил людей. Двоих, это обычно* (В. Маканин). – *Вовремя вспомнил, что сейчас демонстрируется популярный ТВ-фильм, который нравится народу, и сразу пошел в квартиру Соболевых, где и обнаружил двоих людей.* В первых случаях эмоциональное отношение к событию, во-вторых – голая констатация факта.

Аффективное обычно трактуется как выражение отношения говорящего, сопровождаемое большим чувством (лат. *affectus* – душевное волнение, страсть), поэтому экспрессивные конструкции как конструкции выразительные, ярко передающие чувство, противопоставляются интеллектуальным, логически четко построенным, с эксплицитно представленными синтаксическими связями, с последовательным расположением компонентов.

К экспрессивным конструкциям можно отнести сегментированные и парцелированные построения, конструкции с особыми формами сказуемых (*Ехать так ехать; Ждал-ждал и дождался; Ну и умен же!* и

¹ Скляревская, Т. Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа... / Т. Н. Скляревская // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. С. 262.

др.), контаминированные конструкции со смещенными структурами, различные виды номинативных конструкций и др. Все это активно представлено в современном русском языке. Причем их распространение идет по возрастающей – они становятся органичными в разных сферах общения. Они усиливают личностное начало в речи, повышают ее диалогичность, снимают безликость и безадресность речи; увеличивают качество спонтанности в публичной речи и т. д. Идея В. В. Виноградова о субъективно-оценочном начале как неотъемлемой составляющей языка полновесно и ощутимо подтверждается современным состоянием синтаксиса русского языка. В какой-то степени всему этому есть социальные причины – в связи с изменениями в жизни российского общества в 80–90-е годы XX в. резко возросло психологическое неприятие официально-бюрократического языка прошлого, расширился состав участников массовой коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих в газеты¹ и т. д. Меняются ситуации и жанры общения, активно развивается реклама.

Все это живые процессы, и они не могли не сказаться на языке и, в частности, на повышении роли аффективного в языке. Однако известная демократизация жизни изменила и отношение к литературной норме и, главное, к нарушениям нормы. В целом положительно оцениваемые процессы в самом языке сочетаются сегодня с резким понижением речевой культуры пользующихся языком.

Глубинные изменения в общественной жизни проявили многие возможности языка, ускорив их реализацию, но одновременно обнаружили и недостаточную «языковую компетенцию» значительной части общества. Последнее заставляет тревожиться «пекущихся» о языке, видеть в нарушениях нормы порчу языка. Однако к системе языка, к процессам в нем это не имеет никакого отношения. Хотя, конечно, бывают случаи, когда отклонения от нормы, закрепляясь в речевой практике, включаются в нормативный язык. Чаще всего это бывает при стилистическом перераспределении фактов языка.

¹ Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 12–13.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бабайцева, В. В.* Глава V. Классификация членов предложения / В. В. Бабайцева // Система членов предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1989. – С. 100–128.
- Бабайцева, В. В.* Место односоставных предложений в системе типов простого предложения / В. В. Бабайцева // Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1968. – С. 18–27.
- Бабайцева, В. В.* Синкретичные члены предложения / В. В. Бабайцева // Система членов предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1988. – С. 86–100.
- Бабайцева, В. В.* Члены предложения и части речи / В. В. Бабайцева // Система членов предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1988. – С. 44–54.
- Валгина, Н. С.* Активные процессы в синтаксисе / Н. С. Валгина // Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – С. 182–238.
- Виноградов, В. В.* Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике / В. В. Виноградов // Из истории русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 38–48.
- Виноградов, В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – С. 254–295.
- Виноградов, В. В.* Синтаксическая система Ф. И. Буслаева / В. В. Виноградов // Из истории русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 69–90.
- Виноградов, В. В.* Синтаксические воззрения и обобщения А. Х. Востокова, их значение в истории русского языкознания / В. В. Виноградов // Из истории русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 48–68.
- Золотова, Г. А.* Введение / Г. А. Золотова // Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – С. 3–16.
- Золотова, Г. А.* Типы предикатов и типы предложений в русском языке / Г. А. Золотова // Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 168–187.

- Мещанинов, И. И.* Структура предложения / И. И. Мещанинов // Исследования по грамматике русского литературного языка / И. И. Мещанинов [и др.]. – М.; Л., 1963. – С. 342–355.
- Прияткина, А. Ф.* Раздел первый. Понятие о синтаксическом осложнении предложения / А. Ф. Прияткина // Русский язык: Синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 6–19.
- Прокопович, Н. Н.* Словосочетание и слово / Н. Н. Прокопович // Словосочетание в русском языке / Н. Н. Прокопович. – М.: Просвещение, 1966. – С. 51–54, 62–74.
- Рабчинская, И. А.* Смысловые тайны предложения / И. А. Рабчинская // Функциональные резервы простого предложения / И. А. Рабчинская. – Минск: Народная асвета, 1994. – С. 13–27.
- Сиротинина, О. Б.* Синтаксис высказывания / О. Б. Сиротинина // Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. – М.: Высшая школа, 1980. – С. 110–123.
- Федоров, А. К.* Практические приемы, помогающие разграничению второстепенных членов предложения / А. К. Федоров // Трудные вопросы синтаксиса / А. К. Федоров. – М.: Просвещение, 1972. – С. 50–60.
- Федоров, А. К.* Проблема классификации придаточных предложений / А. К. Федоров // Трудные вопросы синтаксиса / А. К. Федоров. – М.: Просвещение, 1972. – С. 186–193.
- Фортунатов, Ф. Ф.* Словосочетания и их части / Ф. Ф. Фортунатов // Избранные труды / Ф. Ф. Фортунатов. – М., 1956. – С. 182–191.
- Чумаков, Г. М.* Раздел I. Вопросы типологии. Компоненты структур с чужой речью, их типы, разновидности и модификации / Г. М. Чумаков // Синтаксис конструкций с чужой речью / Г. М. Чумаков. – Киев: Вища школа, 1975. – С. 11–15, 62–71.
- Шахматов, А. А.* Синтаксис, его задачи и разделы / А. А. Шахматов // Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.; Л., 1941.
- Шахматов, А. А.* Учение о предложении / А. А. Шахматов // Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.; Л., 1941.
- Ширяев, Е. Н.* Сложноподчиненное предложение: итоги и перспективы исследования / Е. Н. Ширяев // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения: Материалы науч. конф. Выпуск 1. – М.: Русский учебный центр, 2000. – С. 33–36.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Из истории синтаксических учений	4
<i>Виноградов В. В.</i> Из истории русских лингвистических учений	4
Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике.....	4
Синтаксическая система Ф. И. Буслаева	9
Синтаксические воззрения и обобщения А. Х. Востокова, их значение в истории русского языкознания	14
<i>Фортуатов Ф. Ф.</i> Словосочетания и их части	17
<i>Шахматов А. А.</i> Синтаксис русского языка.....	23
Синтаксис, его задачи и разделы	23
I. Учение о предложении	25
<i>Мещанинов И. И.</i> Исследование по грамматике русского литературного языка.....	38
Структура предложения	38
<i>Виноградов В. В.</i> Исследования по русской грамматике	45
Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка)	45
Синтаксические единицы	51
<i>Золотова Г. А.</i> Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса.....	51
Введение.....	51
Словосочетание	66
<i>Прокопович Н. Н.</i> Словосочетание в русском языке	66
Словосочетание и слово	66
Простое предложение	72
<i>Бабайцева В. В.</i> Система членов предложения в современном русском языке	72
Глава V. Классификация членов предложения	72
Синкретичные члены предложения	99
Члены предложения и части речи	114
<i>Федоров А. К.</i> Трудные вопросы синтаксиса	125
Практические приемы, помогающие разграничению второстепенных членов предложения	125
<i>Бабайцева В. В.</i> Односоставные предложения в современном русском языке	136
Место односоставных предложений в системе типов простого предложения	136

<i>Пряткина А. Ф.</i> Русский язык: Синтаксис осложненного предложения.....	142
Раздел первый. Понятие о синтаксическом осложнении предложения.....	142
Сложное предложение.....	155
<i>Ширяев Е. Н.</i> Сложноподчиненное предложение: итоги и перспективы исследования	155
<i>Федоров А. К.</i> Трудные вопросы синтаксиса	159
Проблема классификации придаточных предложений.....	159
Чужая речь.....	168
<i>Чумаков Г. М.</i> Синтаксис конструкций с чужой речью	168
Раздел I Вопросы типологии. Компоненты структур с чужой речью, их типы, разновидности и модификации.....	168
Коммуникативный синтаксис	175
<i>Сиротинина О. Б.</i> Лекции по синтаксису русского языка.....	175
Синтаксис высказывания.....	175
Семантический синтаксис.....	186
<i>Золотова Г. А.</i> Коммуникативные аспекты русского синтаксиса	186
Типы предикатов и типы предложений в русском языке	186
<i>Рабчинская И. А.</i> Функциональные резервы простого предложения	203
Смысловые тайны предложения.....	203
Тенденции в развитии синтаксического строя современного языка.....	217
<i>Валгина Н. С.</i> Активные процессы в современном русском языке	217
Активные процессы в синтаксисе	217
Библиографический список	272